Всемірная Иллюстрація

№ 576.] Годъ XII. 19 Января 1880 года. [Томъ XXIII. № 4.

Внутренность татарской избы. „Гадающая цыганка“; картина умершаго профессора Гуна.

(Рисовалъ на деревѣ Г. Малышевъ).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Наиболѣе замѣчательнымъ, послѣ этихъ трудовъ, произведеніемъ Диксона было «Товерская башня», выдержавшее нѣсколько изданій въ Англіи и возбудившее такое движеніе въ англійской публикѣ, что правительство должно было открыть любопытнымъ доступъ въ лондонскую башню, осмотръ которой до того былъ сопряженъ съ большими хлопотами и трудностями. Въ концѣ 60-хъ годовъ Диксонъ объѣхалъ сѣверъ Европы, былъ въ Россіи и написалъ книгу «Свободная Россія», изъ которой можно видѣть, какимъ умѣньемъ наблюдать жизнь чужихъ народовъ обладалъ Диксонъ.

Морская змѣя,

видѣнная въ Санди-Хукѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, 30-го ноября 1878 года.

Самуилъ Киттеллъ, матросъ санди-хукской спасательной станціи, 30-го ноября вернулся въ домъ, занимаемый его товарищами, блѣдный, какъ полотно, вызвалъ всѣхъ на берегъ, показалъ всѣмъ то, что его напугало, и затѣмъ донесъ слѣдующее: «Я смотрѣлъ на море и вдругъ увидалъ громадную голову и части туловища какого-то неизвѣстнаго мнѣ страшилища. Оно словно будто ползло, какъ змѣя, выставляя изъ воды свою голову. То не былъ китъ и подъ нимъ было не болѣе 12-ти футовъ воды, а китъ при такой глубинѣ былъ-бы весь наружу. На спинѣ у него не было перьевъ; тѣло его казалось круглымъ и было гораздо толще обыкновенной сороковой бочки. Цвѣтъ кожи чудовища былъ темно-коричневый. Я увѣренъ, что то не былъ китъ, но не знаю, что это было за чудовище. Я еще никогда подобныхъ не видалъ». Джорджъ Аохсенъ прибавилъ съ своей стороны слѣдующее: «Я схватилъ бинокль и побѣжалъ къ водѣ; тутъ я навелъ бинокль на голову чудовища. Передъ головы былъ четвероугольный, пожалуй высотою фута въ два—не меньше. Глазъ имѣлъ 7—8 вершковъ въ діаметрѣ и отливалъ чернымъ блескомъ, причемъ былъ сильно выпуклъ. Кругомъ глаза шла какая-то бѣлая полоса. Отъ головы до хвоста во всемъ животномъ было, по крайней мѣрѣ, футовъ 300 длины, не считая изгибовъ, которыхъ я легко могъ и не примѣтить». Гарри Фостеръ съ своей стороны сообщилъ: «Я вскочилъ и выглянулъ наружу; тутъ я увидалъ самую дьявольскую рыбу, какую мнѣ когда-нибудь случалось видѣть. Она изволила прогуливаться съ такою-же, пожалуй, скоростью, какъ ходитъ человѣкъ. Я поскорѣе взялъ бинокль и сталъ ее высматривать. Чудовище находилось, по крайней мѣрѣ, въ 300 ярдахъ отъ берега; голова его, пожалуй, была съ виду похожа на свиную голову; передъ головы имѣлъ четырехугольную форму и, пожалуй, имѣлъ фута 3 высоты; глаза ея были направлены къ берегу и съ трудомъ помѣстились-бы въ моей шляпѣ... черные-пречерные, съ блескомъ; бойко поглядывала она. Двигалась она по водѣ какъ угорь, такъ что голова и нѣкоторыя части туловища постоянно выставлялись изъ-подъ воды наружу. Повидимому, это была змѣя... только не китъ. Во-первыхъ, воды она не выбрасывала, да и плавниковъ у нея не было... развѣ вотъ только на хвостѣ».

Эти свидѣтельства очевидцевъ, переданныя здѣсь слово въ слово, подтверждаютъ тотъ фактъ, что природа время отъ времени порождаетъ такія чудовища, до которыхъ не дофантазируется ни одинъ романистъ, и спрутъ Виктора Гюго такъ-же реаленъ, какъ реаленъ его собратъ, очень долго показывавшійся въ нью-іоркскомъ акваріумѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что чудовище, недавно видѣнное въ Сэнди-Хукѣ, было однимъ изъ неизвѣстныхъ еще видовъ головоногихъ, говоритъ профессоръ Бердъ; что эти животныя достигаютъ иногда громадныхъ размѣровъ—въ томъ нѣтъ уже болѣе никакого сомнѣнія, но, чтобы было головоногое въ 300 футъ длиною—это нѣсколько сомнительно. То головоногое, которое видѣли у береговъ Ванъ-Дименовой земли, походило на громадную бочку, а длинныя ноги его подобно змѣямъ извивались по поверхности воды; животное это, говоритъ Кентъ, было по всѣмъ вѣроятіямъ огромнымъ восьминогомъ. Въ декабрѣ 1861 года экипажъ французскаго корвета «Алекторъ» затѣялъ борьбу съ подобнымъ-же чудовищемъ; тѣло его имѣло, по крайней мѣрѣ, 20 футовъ длины и вѣсило приблизительно 100 пудовъ. Чудовище спаслось бѣгствомъ, оставивъ въ рукахъ враговъ часть своего слизистаго тѣла, и матросы не преслѣдовали его въ маленькихъ лодкахъ только потому, что капитанъ подъ страхомъ казни запретилъ имъ рисковать такимъ образомъ. Въ 1863 году, 26-го октября, два рыбака изъ Конешшенъ-бая примѣтили, повидимому, какой-то громадный тюкъ съ товаромъ съ неизвѣстнаго—потонувшаго, по ихъ мнѣнію,—судна. Только ударивъ тюкъ своимъ лодочнымъ багромъ, увидали они, что тюкъ этотъ не что иное какъ огромный спрутъ; онъ перебросилъ двѣ свои ноги черезъ бортъ лодки, но одинъ изъ рыбаковъ не потерялся и тотчасъ-же отрубилъ ихъ топоромъ, послѣ чего животное скрылось. Викторъ Гарвей, осмотрѣвъ отрубленныя ноги въ С. Джонсѣ, нашелъ, что въ одной изъ нихъ было 19 футовъ.

Есть достаточно вполнѣ достовѣрныхъ фактовъ для доказательства громаднаго роста, достигаемаго этимъ семействомъ морскихъ чудовищъ, но достаточно и тѣхъ, которые мы только что привели, чтобы убѣдиться, что эти «цари океана», какъ называетъ ихъ Кентъ, дѣйствительно существуютъ, и что характерные признаки ихъ слѣдующіе:

1) Тѣло ихъ кругло и громадно и описывается обыкновенно походящимъ на бочку или на тюкъ товаровъ.

2) Глаза блестящи и велики.

3) Ноги очень длинны и обладаютъ и видомъ и движеніями змѣеподобными.

Сравнивая эти отличительные признаки съ описаніемъ сэнди-хукскаго левіаѳана, мы легко увидимъ, что они совершенно совпадаютъ другъ съ другомъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, наиболѣе длинная нога тащится за животнымъ и принимается то за плесъ, то за змѣиный хвостъ; когда животное плыветъ и всѣ ноги складываются по одному и тому-же направленію, ради наименьшаго сопротивленія, то легко принять ихъ за одно цѣлое. Представьте-же себѣ одно изъ этихъ ужасныхъ страшилищъ съ его сумчатымъ тѣломъ, до половины спрятаннымъ подъ водою, съ глазами, выставленными надъ поверхностью воды, плывущимъ при помощи своихъ змѣеподобныхъ ногъ, которыя вытянуты позади него во всю ихъ страшную длину и собраны имъ въ одно цѣлое, и вы будете имѣть совершенно вѣрное представленіе о чудесной, гигантской морской змѣѣ, о которой что ни годъ, то появляются новыя и новыя басни.

В. К—скій.

Капитанъ Паландеръ,

командиръ парохода «Вега».

Пароходомъ «Вега», на которомъ совершилъ свое путешествіе Норденскіольдъ, командуетъ такой-же, какъ и онъ, отважный и опытный мореходецъ, капитанъ Арнольдъ-Адольфъ-Людовикъ Паландеръ. Паландеръ родился въ Карлскронѣ въ 1842 году и уже 14 лѣтъ былъ морскимъ юнгой и съ 1857 до 1863 года принималъ участіе въ морскихъ путешествіяхъ. Въ 1864 году Паландеръ былъ произведенъ въ офицерскій чинъ и въ качествѣ командира корвета «Gefle» ѣздилъ въ Африку, а затѣмъ и Америку. Послѣ того онъ командовалъ пароходомъ «Софія», входившимъ въ составъ экспедиціи Норденскіольда 1868 г., а въ 1870 году, съ фрегатомъ «Vanodis», ходилъ въ Средиземное море и Суэзскій каналъ, для присутствованіи при его открытіи, за что былъ произведенъ въ чинъ лейтенанта. Въ экспедиціи Норденскіольда 1872—73 годовъ Паландеръ также принималъ участіе, а по возвращеніи вышелъ въ отставку и занимался частными работами. По предложенію Норденскіольда онъ снова принялъ на себя командованіе пароходомъ и провелъ благополучно «Вегу» съ Норденскіольдомъ черезъ всѣ опасности сѣвернаго плаванія.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

I.

Въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца 1879 года всѣ члены экспедиціи собрались на общій сборный пунктъ, въ Самаркандѣ.

До этого времени, начиная съ первыхъ чиселъ мая, шли работы по изслѣдованію направленія средне-азіатской желѣзной дороги, которою, дастъ Богъ, въ скоромъ будущемъ мы свяжемъ прочно наши богатыя, обширныя, имѣющія такое крупное значеніе, и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ, пріобрѣтенія въ центральной Азіи—съ гранью Европы, съ Оренбургомъ.

Въ Самаркандѣ мы были вблизи нашихъ крайнихъ границъ со страною отчасти мало извѣстною, отчасти неизвѣстною вовсе. Черезъ всю эту страну, разрѣзывая ее на двѣ части, съ юго-востока на сѣверо-западъ, течетъ одна изъ колоссальнѣйшихъ рѣкъ Азіи—Аму-Дарья. Рѣка легендъ и преданій, рѣка, имѣющая первоклассное значеніе для жизни цѣлаго обширнаго края, рѣка, тѣмъ не менѣе, едва намѣченная въ изысканіяхъ ученыхъ путешественниковъ...

Владѣя низовьями этой рѣки еще съ 1873 года, мы имѣли самое смутное представленіе о ея отдаленныхъ истокахъ, о всей этой высокой, нагорной странѣ, входящей въ составъ дружественнаго намъ Бухарскаго ханства.

Ознакомленіе, по возможности подробное и основательное, съ этою страною и всѣмъ протяженіемъ теченія Аму-Дарьи составляло вторую часть нашихъ соединенныхъ работъ, составляло цѣль той поѣздки, къ которой мы начали энергично и весело готовиться, собравшись въ Самаркандѣ.

Отсюда уже предстояло выступить и совершать путешествіе далеко не такъ опредѣленно и комфортабельно, какъ до сихъ поръ. Здѣсь была крайняя точка нашихъ правильно организованныхъ почтовыхъ путей; средствами передвиженія для насъ могли служить теперь только: сѣдло, лодка, да собственныя ноги.

Девяти дней, проведенныхъ въ Самаркандѣ, едва хватило на всѣ наши приготовленія. Въ этотъ промежутокъ времени надо было закупить верховыхъ лошадей, нанять джигитовъ, организовать транспортъ продовольственныхъ запасовъ и, кромѣ всѣхъ этихъ хозяйственныхъ приготовленій, войти въ предварительныя сношенія съ бухарскимъ эмиромъ и его властями.

Чуть не ежедневно скакали гонцы изъ Самарканда въ Карши и обратно (эмиръ Мозафаръ находился въ это время въ Каршахъ, а не въ своей главной резиденціи—Бухарѣ). Азіатскіе властители придаютъ слишкомъ уже большое значеніе всѣмъ мелочамъ этикета, и какой-нибудь пустой вопросъ о церемоніалѣ встрѣчи, о достоинствѣ подарка занимаетъ болѣе времени и обсуждается тщательнѣе, чѣмъ вопросъ политическій, отъ рѣшенія котораго зависитъ участь цѣлаго края.

Всѣ эти хлопоты и сборы, какъ я уже говорилъ, заняли не мало времени, и только шестаго августа по-полудни экспедиціонный отрядъ могъ тронуться въ путь.

Отъ Самарканда мы раздѣлились на двѣ части: одна должна была идти на Кара-Тюбинское горное ущелье и затѣмъ Шорскій перевалъ, на Шаръ, Китабъ-Дербентъ, другая—на Карши, Гузарь и тоже Дербентъ, гдѣ предполагалось соединеніе обоихъ отрядовъ.

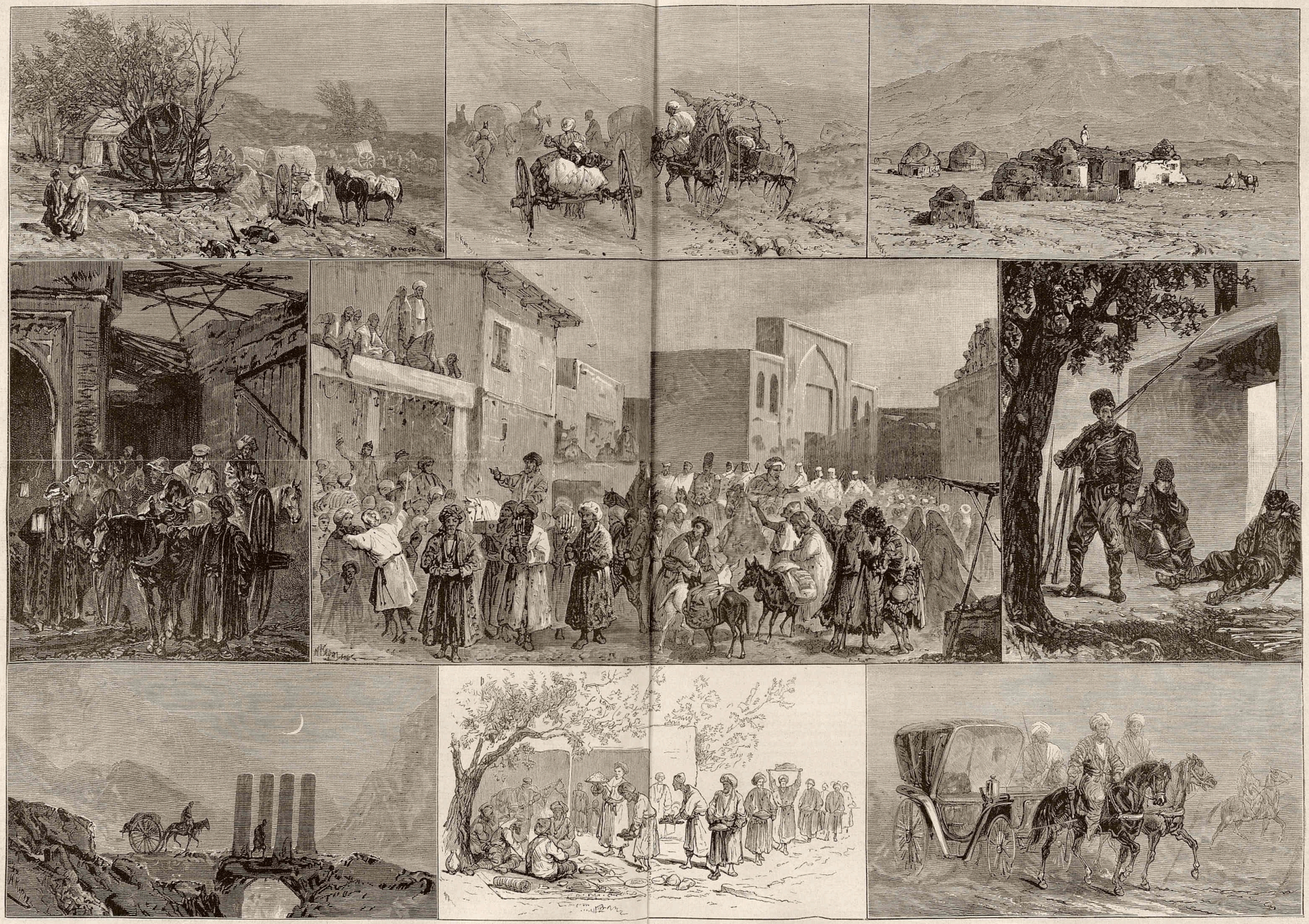
Въ составѣ перваго отряда вошли самъ начальникъ и руководитель нашей экспедиціи и съ нимъ полковникъ Лункевичъ (артиллеристъ), докторъ Валицкій, инженеръ путей сообщеній Соколовскій, зоологъ-консерваторъ Пельцамъ и завѣдующій хозяйственною частью маіоръ Кречмеръ.—Второй отрядъ состоялъ изъ графа Ростовцева (полковника генеральнаго штаба), профессора геологіи и минералогіи Мушкетова, профессора ботаники Сорокина, меня, какъ художника-этнографа, и исторіографа путешествія и тоже инженера путей сообщенія—Лянунова.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отрядѣ было понѣсколько человѣкъ казаковъ уральцевъ, не ради страха враговъ, ибо такою горстью никого не испугаешь, а ради почетнаго конвоя, весьма полезнаго и необходимаго — если пріучаться къ духу этикето-любивыхъ властителей центральной Азіи. Кромѣ казаковъ, для личныхъ услугъ и ухода за лошадьми при каждомъ изъ насъ находился конный джигитъ туземецъ и переводчики для сношеній, какъ словесныхъ, такъ и письменныхъ.

Багажъ перваго отряда съ мѣста изъ Самарканда уже выступилъ на конскихъ вьюкахъ, такъ какъ этому отряду со втораго перехода надо было вступить въ горы; багажъ нашего-же отряда, каршинскаго, пошелъ на арбахъ.

Мы сѣли на коней въ два часа пополудни, послѣ за-

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

1. «Джамъ».
2. Пріѣздъ въ Каршинскія бани.
3. Мостъ—черезъ арыкъ Дартомъ — близъ Самарканда.

1. Обозъ экспедиціи.
2. Церемоніалъ песенія подарковъ, предназначенныхъ для Бухарскаго эмира.
3. Достарханъ.

1. Черводарскій кишлакъ.
2. Бухарскій караулъ у воротъ посольскаго дома.
3. Экипажъ эмира, высланный на встрѣчу посольству.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія средне-азіатской желѣзной дороги и теченія Аму-Дарьи. Отъ Самарканда до Карши.

(Рисовалъ на деревѣ участвовавшій въ экспедиціи, нашъ корреспондентъ, Н. Н. Каразинъ).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

душевныхъ проводовъ, пожеланій и роскошнаго завтрака. Оба отряда раздѣлились съ мѣста, такъ какъ намъ предстоялъ выходъ изъ древней столицы Тимура въ разныя заставы, распростились съ товарищами и тронулись въ путь.

Менѣе чѣмъ въ четверть часа мы миновали правильныя, прямыя улицы русскаго Самарканда,—улицы прекрасно шоссированныя, обсаженныя аллеями тополей, аккуратно поливаемыя изъ боковыхъ канавъ (арыковъ); но за этими цивилизованными улицами потянулась безконечная путаница узкихъ, кривыхъ, пыльныхъ переулковъ азіатскихъ предмѣстій. Справа и слѣва поднимались скучныя, накаленныя отъ солнца, пышащія жаромъ стѣны сакель и дворовъ; поминутно попадались глубокіе арыки; пересѣкая дорогу, вырываясь откуда-то изъ подъ основанія стѣнъ и исчезая тоже куда-то подъ стѣны; черезъ эти арыки вели зыбкіе мостики, черезъ которые менѣе рискованно прыгать, чѣмъ довѣряться ихъ подозрительно-зіяющей дырьями настилкѣ.

Густая пыль, поднятая ногами нашихъ лошадей, неподвижно стояла въ воздухѣ, въ этой узкой щели между двухъ стѣнъ... Отрядъ растянулся длинною вереницею. Кони усиленно отфыркивались. Всѣ мы ждали съ нетерпѣніемъ того счастливаго момента, когда кончатся, наконецъ, эти предмѣстья и на горизонтѣ покажется ровная линія степнаго пространства, а за нею влѣво—волнистая гряда предгорій.

За полверсты до этого блаженнаго выхода на просторъ мы остановились дать вздохнуть конямъ и подтянуться отряду, на перекресткѣ, гдѣ сходились четыре улицы и находился маленькій тѣнистый базарчикъ; невдалекѣ отъ этого базара виднѣлись стѣна и куполъ мечети Хаджи-Ахраръ, красиво выглядывая изъ-за густыхъ массъ зелени. Старыя, развѣсистыя тали высились надъ лавочками базара; боковой арыкъ, отведенный отъ большаго арыка червонара, пріятно журчалъ, пробираясь у самыхъ пороговъ лавки мясника, неизбѣжнаго «чай-хане» съ громаднымъ русскимъ самоваромъ и азіатскими граціозными кунганчиками изъ чеканной мѣди... Груды дынь и арбузовъ, корзина съ виноградомъ распространяли-бы весьма пріятный ароматъ, еслибъ въ этомъ отношеніи не конкуррировали съ подозрительнымъ запахомъ-двухъ баранихъ тушъ у порога лавки мясника.

Какъ-бы то ни было, но мы не безъ удовольствія простояли здѣсь минутъ двадцать и выпили по чашкѣ зеленаго чая. Когда отрядъ стянулся, мы тронулись дальше и скоро распростились съ гостепріимнымъ Самаркандомъ, выбравшись за предѣлы его обильно орошеннаго, густо поросшаго роскошною растительностію оазиса.

Какая дикая, печальная пустыня развернулась передъ нашими глазами! какой поразительный контрастъ, рѣзкій переходъ отъ жизни къ смерти! Сюда уже не доходитъ животворная вода; она остановилась вонъ тамъ,—нѣсколько шаговъ всего назадъ... Слышно ея журчаніе; въ вечернемъ воздухѣ чувствуешь еще ея влажныя испаренія, а впереди все мертво, голо, выжжено безпощаднымъ солнцемъ .. Тамъ! вдали, влѣво, гдѣ темнѣетъ холмистая гряда, тамъ у ея подножій опять чуть-чуть маячитъ, словно марево, синеватая полоса садовъ,—тамъ тоже вода; но здѣсь, прямо передъ нами, верстъ на сорокъ, все сплошь, мертвая пустыня.

Колоссальный арыкъ «Даргомъ», снабжающій водою весь Самаркандъ, главнѣйшимъ образомъ его русскую часть, шумитъ и пѣнится гдѣ-то внизу... Мы подходимъ къ крутому спуску въ глубокій, обрывистый оврагъ. Съ половины спусковъ этого оврага, смѣлою аркою повиснувъ надъ арыкомъ, текущемъ по каменистому дну, перекинутъ старинный туземный мостъ, чрезвычайно оригинальный по своему виду. Этотъ мостъ безъ перилъ; только по четыремъ угламъ его, Богъ вѣсть для какой цѣли, возвышаются четыре-же высокія глинобитныя колонны... (рис. 7).

Пока я остановился набросить въ свой путевой альбомъ это странное, типичное сооруженіе, Лянуновъ, по своей спеціальности, полѣзъ подъ мостъ, ради изслѣдованія его постройки въ деталяхъ... Джигиты и казаки спѣшились помогать арбамъ на спускѣ, графъ вооружился бусолью... Каждый замѣтилъ, что ему слѣдуетъ по его спеціальности, и мы продолжали путь.

Дѣло было къ вечеру, когда мы миновали виднѣющіеся тамъ и сямъ, по гребнямъ скатовъ оврага, остатки стѣнъ и башенъ стараго Самарканда, гораздо обширнѣйшаго и болѣе населеннаго, чѣмъ современный. На пути намъ встрѣчались маленькіе караваны вьючныхъ верблюдовъ, шедшіе изъ Карши съ хлѣбомъ... Такіе-же караваны бивакировали по сторонамъ дороги; вьюки лежали тщательно сложенные у самаго пути; животные паслись по близости, скусывая сухіе корешки жалкой степной флоры. Какая разница между здѣшними «кораблями пустыни» и киргизскими! Здѣшніе верблюды малы ростомъ, тощи, слабосильны и представляютъ собою видъ совершенно невзрослыхъ животныхъ. Они поднимаютъ вьюки не болѣе девяти, много десяти пудовъ, вдвое, значитъ, меньше, чѣмъ несетъ бухарскій «наръ-колосъ» или мохнатый, двугорбый «тюя» киргизскихъ степей. .

Горы, вѣрнѣе предгорья, влѣво вырѣзываются все яснѣе и яснѣе; онѣ словно выростаютъ съ каждымъ шагомъ нашихъ коней а кони эти шагаютъ бойко, быстро проходя степное пространство. Только среднеазіатскія лошади обладаютъ такимъ чуднымъ путевымъ аллюромъ—это нѣчто среднее между шагомъ и иноходью, такъ называемые «джюрга» или по нашему: хода. Всадникъ при этомъ сидитъ покойно, не испытывая ни малѣйшей тряски; хорошая лошадь можетъ дѣлать ходою до 10 и даже болѣе верстъ въ часъ, проходя пять и шесть часовъ подъ рядъ, безъ остановки.

Дорогу пересѣкаютъ изрѣдка суходолы, направляющіеся отъ предгорій въ степь. Суходолы эти встрѣчаются съ поразительно правильными промежутками, около одного таша (8 верстъ) одинъ отъ другаго. Въ началѣ такого суходола, у самыхъ подножій горъ, есть еще вода; сюда-же она уже не доходитъ, разобранная на поля и сады предгорныхъ кишлаковъ (селеній). Только весною, во время таянія снѣговъ, эти суходолы бываютъ наполнены водою; тогда они бушуютъ, выходятъ даже изъ береговъ, дѣлая дорогу непроходимою, но не надолго... Проходитъ нѣсколько дней, и по дну этихъ свирѣпыхъ, многоводныхъ потоковъ чуть-чуть змѣится, угасающая подъ вліяніемъ всесильныхъ лучей южнаго солнца, струйка, а еще сутки—и степной вѣтеръ гонитъ суходоломъ солоноватую пыль, ярко сверкаютъ на солнцѣ высохшіе валуны и гальки.

(*Продолженіе будетъ*).

Лѣтопись Искусствъ, Театра и Музыки.

3-го января состоялось торжественное открытіе памятника Кальдерону, въ Мадридѣ.

—

Польскій историческій художникъ, Янъ Матейко, пишетъ, въ настоящее время, колоссальную картину, имѣющую особенное историческое значеніе для Вѣны. Картина представляетъ польскаго короля Яна Собѣсскаго передъ стѣнами Вѣны, во время осады города турками, въ тотъ моментъ, когда онъ среди самаго отчаяннаго боя прокладываетъ себѣ путь къ палаткѣ Мустафы. Она будетъ выставлена въ 1883 году, по поводу 200-лѣтняго юбилея осады Вѣны.

—

Въ историческомъ отдѣленіи гросвенорской галлереи, выставлена замѣчательная по мысли и исполненію картина писанная художникомъ Гервенсомъ, для парижской національной галлереи подъ названіемъ «Смерть мальчика на баррикадѣ», сюжетъ заимствованъ изъ романа Гюго «Исторія одного преступленія». Фигуры изображены въ полный ростъ.

—

Въ національное отдѣленіе гросвенорской галлереи помѣщена новая, найденная 10-го января 1880 г., въ замкѣ дель Кампіо, близь Флоренціи, замѣчательная картина знаменитаго Перуджино, писанная имъ въ 1507 г., подъ названіемъ «Коронованіе Богоматери».

—

Недавно явилось еще одно художественное изданіе—«У рѣкъ и морей», фотографическій альбомъ А. К. Беггрова. Изданіе эстампнаго магазина Беггрова. Изданіе это весьма изящно и довольно близко передаетъ тѣ картины или оригиналы, которые принадлежатъ кисти молодого талантливаго художника Беггрова и съ которыми мы знакомы по разнымъ выставкамъ. Въ составъ альбома вошли слѣдующіе виды: два морскихъ вида (въ Голландіи, во время прилива и отлива); венеціанскій видъ; видъ Невы у крѣпости, видъ Невы у Бертова завода и зимній видъ Невы у биржи.

* *
*

Нѣмецкая петербургская сцена представила 12-го января не лишенную интереса новинку—пятиактную драму Путлица «Рольфъ Берндтъ», пользующуюся на всѣхъ германскихъ сценахъ значительнымъ успѣхомъ. Публика наша отнеслась къ ней, впрочемъ, менѣе сочувственно, чѣмъ можно было ожидать, судя по заграничному ея успѣху. Главный недостатокъ драмы, сильно вредящій производимому ею впечатлѣнію, общая ея растянутость и, въ особенности, слишкомъ пространная экспозиція. Рольфъ Берндтъ, купецъ, поѣхавшій послѣ смерти своего отца, который оставилъ много долговъ, въ Австралію, гдѣ ему удалось въ теченіи десяти лѣтъ сдѣлаться милліонеромъ. За два года до начала дѣйствія пьесы онъ выслалъ своей матери деньги, слѣдующія кредиторамъ его отца; но мать имѣла слабость отдать эти деньги другому сыну своему, негодяю первой руки, отличавшемуся, однако, поразительнымъ физическимъ сходствомъ съ Рольфомъ. На этомъ-то сходствѣ построено, въ сущности, все дѣйствіе драмы. (Неудавшійся сынъ г-жи Берндтъ на сценѣ, впрочемъ, вовсе не появляется, по той простой причинѣ, что его уже нѣтъ въ живыхъ). Молодой дипломатъ, графъ Эбергардъ фонъ Боркъ, имѣвшій случай убѣдиться въ неолагонадежности младшаго Берндта, принимаетъ Рольфа за него и пріѣзжаетъ къ молодой вдовѣ Гертрудѣ фонъ Штирнеръ, невѣстѣ Рольфа, чтобы предостеречь ее отъ брака, могущаго имѣть пагубныя для нея послѣдствія. Графъ нѣкогда самъ ухаживалъ за этой особой, и потому она уклоняется отъ всякаго разговора съ нимъ наединѣ. Въ виду этого онъ не придумываетъ ничего лучшаго, какъ пробраться къ ней въ комнату поздно вечеромъ, послѣ ухода гостей. Гертруда выслушиваетъ его сначала съ негодованіемъ, а потомъ со страхомъ, но, услышавъ шаги Рольфа, прячетъ своего нежданнаго посѣтителя въ сосѣднюю комнату, откуда онъ слышитъ весь разговоръ между ею и Рольфомъ, окончательно убѣждающій его въ томъ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе вышеупомянутымъ сходствомъ. Тогда графъ, по чувству благородства, тотчасъ превращается изъ недоброжелателя Рольфа въ преданнаго ему друга, и способствуетъ назначенію его на должность консула. На бѣду Рольфъ узнаетъ о свиданіи, происходившемъ при довольно таинственной обстановкѣ между Гертрудой и графомъ, и, считая себя обманутымъ, рѣшается навсегда покинуть Германію. Въ пятомъ актѣ, однако, дѣло разъясняется, къ общему удовольствію, вслѣдствіе чего Рольфъ женится на Гертрудѣ, а графъ—на ея сестрѣ. Характеры въ этой пьесѣ очерчены довольно блѣдно. Главныя дѣйствующія лица выражаются риторически и, преимущественно, выѣзжаютъ на необыкновенномъ благородствѣ чувствъ. Нѣсколько естественнѣе обрисованы сестра Гертруды—Маріанна, и мать Рольфа—смѣшная по внѣшности старуха, привыкшая жить въ маленькомъ, провинціальномъ городкѣ и не свыкающаяся съ понятіями болѣе высокаго круга. Разыграна была пьеса весьма старательно г-жами Бастэ, Спеттини и Поллертъ и гг. Реземаномъ и Кесслеромъ. Спектакль закончился новымъ фарсомъ Ленца, подъ названіемъ «Schreckwirkungen» (Дѣйствія испуга). Содержаніе его довольно забавно, но въ развитіи своемъ пьеса страдаетъ чрезмѣрной утрировкой. Ветеринаръ Пфундагель придумалъ особенную методу лечить нѣмыхъ, основанную на внезапномъ дѣйствіи сильнаго испуга. Чтобъ испытать ее на комъ-нибудь, онъ выписываетъ къ себѣ изъ другаго города нѣмаго сына одного изъ своихъ пріятелей. Но еще до пріѣзда этого юноши случай сводитъ ветеринара съ молодымъ человѣкомъ, выдающимъ себя за нѣмаго и влюбленнымъ въ его кухарку. Надъ нимъ-то и производятся разные опыты, оканчивающіеся тѣмъ, что мнимый нѣмой не выдерживаетъ своей роли и принимается говорить. Г. Анно уморительно смѣшенъ въ роли чудака Пфундагеля, и вся пьеса держится, можно сказать, на немъ одномъ.

—

Въ собраніи художниковъ, въ Спб., спектакли, въ послѣднее время, значительно оживились участіемъ В. В. Самойлова, сыгравшаго пока главныя роли въ пьесахъ «Трудовой хлѣбъ», г. Островскаго и «Губернеръ», г. Дьяченко. Сверхъ того, нѣсколько разъ появлялся на тамошней сценѣ извѣстный провинціальный актеръ г. Писаревъ и ангажирована довольно даровитая актриса г-жа Брянская, подвизавшаяся нѣсколько лѣтъ назадъ, не безъ успѣха, въ Павловскѣ. Въ купеческомъ клубѣ также появилась новая актриса—г-жа Оздѣева, изъ Иркутска; она выступила съ большимъ успѣхомъ въ извѣстной пьесѣ «Въ погоню за прекрасной Еленой».

* *
*

8-го января, въ придворной пѣвческой капеллѣ, въ Спб., состоялся обычный праздникъ малолѣтнихъ пѣвчихъ—ёлка. Елка эта имѣетъ очень серьезное значеніе: публикѣ предоставляется возможность ознакомиться съ методами преподаванія и успѣхами воспитанниковъ капеллы, такъ какъ «елкѣ» и раздачѣ конфектъ и пряниковъ всегда предшествуетъ очень интересный вокальный и инструментальный концертъ. На этотъ разъ изъ инструментальныхъ классовъ наиболѣе успѣшими оказались ученики профессора игры на віолончели, г. Марксъ-Маркуса и ученики класса скрипки г. Кременецкаго. Отлично ведется также хоръ малолѣтнихъ пѣвчихъ, подъ руководствомъ г. Смирнова. Вечеръ окончился шутливымъ хоромъ сочиненія директора капеллы, П. И. Бахметева, который очень понравился и, по желанію публики, былъ повторенъ.

—

9-го января, на Маріинской сценѣ, состоялось 1-ое представленіе оперы «Майская ночь», Н. А. Римскаго-Корсакова, на сюжетъ Гоголя. Опера эта имѣла значительный успѣхъ и заключаетъ въ себѣ много интересныхъ деталей, хотя въ цѣломъ довольно однообразна и не можетъ считаться капитальнымъ вкладомъ въ нашъ оперный репертуаръ. Въ роли головы, очень хорошъ былъ г. Стравинскій; роль винокура весьма талантливо передалъ г. Энде; очень типично передалъ роль писаря г. Соболевъ. Большихъ похвалъ заслуживаетъ также г. Лодій (Левко), вполнѣ музыкально и артистически передавшій свою партію, причемъ она ему и совершенно по голосу. Остальные участвовавшіе (г-жи Бичурина, Славина

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 577.] Годъ XII. 26 Января 1880 года. [Томъ XXIII. № 5.

Война Англіи съ Афганистаномъ.—10-й уланскій бенгальскій полкъ въ Джагдалакскомъ проходѣ.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

комната въ мавританскомъ стилѣ; размѣры ея указываютъ на богатство владѣльца, но обстановка далеко не роскошная, почти бѣдная, и только вслѣдствіе своей пестроты и оригинальности производящая эффектъ. Женщины, фигурирующія на картинѣ, не чудныя созданія, не пышныя розы Грузіи и Дагестана, не гуріи магометова рая, а простыя смертныя съ заурядными лицами. Не красотой формъ любуются онѣ въ зеркальной поверхности ароматическихъ водъ бассейновъ и фонтановъ, не искрящіеся огнями, драгоцѣнные уборы примѣряютъ онѣ, не чудныя нитки жемчуга вплетаютъ въ роскошные волосы, прихотливыми волнами падающіе до сандалій, нѣтъ! поджавъ аляповато, по-турецки, ноги, чинятъ старыя шальвары или играютъ въ шашки. Лишь одна, только что взявшая ванну, окутанная бѣлоснѣжной простыней расположилась поизящнѣе на диванѣ и апатично слѣдитъ за игрой сожительницъ; но не нѣгой, не граціей дышетъ ея поза, а виднѣющіяся голенькія ножки не породятъ зависти даже у англичанокъ. Не менѣе правдиво изображена колдунья зорко, проницательно вглядывающаяся въ лица жительницъ гарема, призвавшихъ ее погадать и развлечься вмѣстѣ съ тѣмъ ея болтовнею и сплетнями.

Ѳ. П.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

II.

(Продолженіе).

Мы пришли въ кишлакъ Саздаганъ,—въ двадцати четырехъ верстахъ отъ Самарканда, въ два съ половиною часа времени, сдѣлавъ въ часъ до десяти верстъ. Здѣсь мы разсчитывали провести ночь. Колесныя арбы наши не могли поспѣвать за всадниками и далеко остались сзади; онѣ пришли на мѣсто ночлега уже когда солнце спустилось и только гребни каменистыхъ горъ золотились, освѣщенные его послѣдними лучами.

Кишлакъ Саздаганъ—это маленькое селеніе, расположенное у самыхъ подножій горъ, скалистые, усѣянныя обломками скаты которыхъ словно нависли надъ этою жалкою группою мазанокъ и сакель, сложенныхъ изъ неотесаннаго, природнаго камня и скрѣпленныхъ глиною... Каждый вершокъ земли здѣсь надо, прежде чѣмъ его обрабатывать, тщательно очистить отъ валуновъ и розсыпей, сползающихъ съ горъ; все, что снимается съ поверхности земли обрабатываемаго участка, складывается тутъ-же въ формѣ загородокъ, образуя низенькія стѣнки, раздѣляющія одинъ участокъ отъ другаго; эти маленькіе ярко зеленые четвероугольники, посѣвовъ люцерны и джугары, кажутся оправленными въ красивыя каменныя рамки; за полверсты отъ селенія, въ боковой лощинѣ таятся главные родники, образующіе резервуаръ воды для жителей. Оттуда-же идетъ и натуральное, усѣянное галками, русло горнаго ручья, ниже разработаннаго руками человѣка въ правильный арыкъ, многочисленныя вѣтви котораго тщательно дѣлятъ оросительныя блага между всѣми обитателями Саздагана.

Намъ приготовили здѣсь двѣ большія кошемныя кибитки, разставленныя на отдѣльномъ дворикѣ, у самой дороги, въ тѣни группы старыхъ, развѣсистыхъ карагачей; какъ въ самыхъ кибиткахъ, такъ и около, были разостланы,—скромные, впрочемъ, по своимъ достоинствамъ,—ковры и ватныя, стеганныя одѣяла, свернутыя въ трубку и служащія изголовьями. Саздаганскій старшина и провожавшій насъ аксакалъ изъ Самарканда, обогнавшій насъ еще съ полудороги, встрѣтили насъ, надѣвъ ради торжества и соблюденія достоинства, свои парадные, пестрые халаты. Они подали намъ зеленый чай, чашку кислаго овечьяго молока (айрака), блюда плова и вареной баранины. Мы еще не забыли ощущенья роскошнаго завтрака на проводахъ въ Самаркандѣ, и потому не очень торопились ознакомливаться съ саздаганскою кухнею. Межъ тѣмъ, скрипя и покачиваясь, побрякивая побрякушками конской сбруи, подходили къ мѣсту ночлега наши отставшія арбы, и черезъ часъ, мы устроились уже на ночь вполнѣ комфортабельно, почти не жертвуя своими европейскими привычками... (Впрочемъ, это только сначала, что называется сгоряча: впослѣдствіи намъ пришлось не только разстаться съ этими европейскими привычками, но даже усвоить себѣ привычки степныхъ номадовъ).

Наступила тихая, чудная ночь, когда мы покончивъ работу и, занеся въ журналъ впечатлѣнія дня, поужинали и легли спать. Легчайшее дуновенье вѣтра со стороны накаленной равнины дышало какимъ-то печнымъ жаромъ; но вотъ изъ ущелья потянуло свѣжестью, чуть-чуть колыхнуло зеленыя кроны карагачей,—и вы чувствуете, какъ холодная дрожь охватываетъ ваше потное тѣло, вы торопитесь плотнѣе завертываться въ свою бурку, для того чтобы черезъ минуту опять высовывать свой носъ изъ закрытья, подъ томительнымъ вліяніемъ лучистой теплоты, усиленно выдѣляемой камнями, накалившимися впродолженіи шестнадцати-часоваго деннаго жара.

Плохо спится въ такомъ положеніи... Мнѣ ничего—я уже бывалый, давно привыкъ ко всѣмъ путевымъ взгодамъ и невзгодамъ, обтерпясь за десять лѣтъ въ капризномъ азіатскомъ климатѣ,—но мои товарищи не могутъ о себѣ сказать того-же... Тяжело ворочается графъ на своей складной кровати; вскочилъ и нервно бродитъ, спотыкаясь на сѣдла и чемоданы, нашъ ботаникъ... Чуть-чуть свѣтится огонекъ фонарика геолога, освѣщая поля его круглой шляпы, кончикъ носа, усы и американскую, рыжеватую бородку. Тамъ слышны сухіе короткіе удары легкаго молотка по камню... мелкіе осколочки брызжутъ во всѣ стороны. Щелкъ да щелкъ! Это геологъ осматриваетъ и укладываетъ свои тяжеловѣсныя коллекціи... Отобьетъ кусочекъ, посмотритъ на отломъ въ лупу, поскребетъ ногтемъ, лизнетъ, если нужно, языкомъ, понюхаетъ, еще разъ посмотритъ и отшвырнетъ его далеко въ сторону, и онъ булкнувъ гдѣ-то за стѣнкою, въ арыкѣ,—или же тщательно завернетъ въ бумагу, наклеитъ нумерокъ, спрячетъ въ ящикъ и занесетъ въ путевой инвентарь свое пріобрѣтеніе.

Наконецъ, все угомонилось. Усталость взяла свое. Смолкнули вздохи и сѣтованія слабонервнаго ботаника, пересталъ ворочаться графъ, успокоился молотокъ Мушкетова; но за то эти звуки смѣнились другими, болѣе приличными данному часу ночи и покоя... Тихо, методично хрумкали кони, пережевывая свой ячмень, мѣрно отсчитывали за стѣнкою шаги часоваго казака. Изъ глубины горныхъ ущелій доносились какіе-то неопредѣленные, неразгаданные звуки... Въ воздухѣ пахло овцами и горѣлою коимою.

Съ солнечнымъ восходомъ мы выступили изъ Саздагана, продолжая путь въ томъ-же направленіи. Характеръ мѣстности и самой дороги былъ тожественъ съ пройденною уже нами частью пути—также предгорье влѣво, также періодически пересѣкающіе дорогу каменистые суходолы; только теперь слегка холмообразная стень становилась все гуще и гуще усѣянною пестрымъ галечникомъ, затруднявшимъ мѣстами путь для нашихъ арбъ...

У самыхъ предгорій, отошедшихъ отъ дороги версты на три влѣво, виднѣлись изрѣдка небольшія группы садовъ и всегда въ верховьяхъ суходола: тамъ кишлаки такіе-же, какъ и оставленный нами Саздаганъ; здѣсь-же, въ степи, кое-гдѣ попадаются кишлаки инаго вида—жалкіе, нищенскіе на видъ; гдѣ крохотныя сакли перемѣшаны съ кибитками и юламейками, прикрытыми сверху чернымъ, закопченнымъ отъ дыма войлокомъ, загороженныя съ боковъ соломенными плетенками,—это кишлаки черводаровъ (рис. 1) наймановъ, обладателей овечьихъ атаръ, пасущихся тамъ и сямъ по всему пространству этой выжженной солнцемъ пустыни.

Второй ночлегъ нашъ предстоялъ уже въ Джамѣ, на границѣ Самаркандскаго округа съ владѣніями бухарскаго эмира. Несмотря на почти сороковерстный переходъ, мы прибыли въ Джамъ еще до полудня, опять сильно опередивъ нашъ транспортъ (рис. 3).

Привѣтливо и видимо искренно-радушно встрѣтили насъ представители Джама и пріѣхавшіе уже сюда представители дружественной Бухары; но за то сурово и непривѣтливо встрѣтила насъ джамская природа.

Еще не доходя верстъ десяти, едва только мы вышли за траверзъ боковой вѣтви предгорныхъ холмовъ, мы попали въ сферу чуть не постоянныхъ вѣтровъ, несшихъ массу пыли; характеръ почвы здѣсь рѣзко мѣняется; кремнистый галечникъ уступаетъ мѣсто характерному средне-азіатскому «лёсу», безспорно плодотворнѣйшему изъ всѣхъ почвъ міра, но зарождающему тучи ѣдкой солоноватой пыли при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра,—а здѣсь дулъ уже не вѣтеръ—а вихрь, скорѣе похожій на ураганъ, налетающій свирѣпыми, бѣшеными порывами; тучи пыли, наполнявшіе воздухъ, скрывали всю окрестность; въ двухстахъ шагахъ только крупные предметы виднѣлись неясными очертаніями; пыль слѣпила глаза, лѣзла въ носъ и горло, вѣтеръ парализовалъ слухъ—обрывалъ чуть не у самаго рта звуки вашего собственнаго голоса.

Мы разсчитывали, придя въ Джамъ найти хотя какой-нибудь уголокъ затишья, хотя-бы относительнаго покоя,—но увы!—Джамъ расположенъ именно противъ самаго, устроеннаго природою, жерла вѣтровъ, на самомъ пути изъ горъ, гдѣ сгущенный холодами воздухъ стремительно несется въ раскаленныя степи, крутя пыльные смерчи при встрѣчныхъ теченіяхъ.

Кибитку для насъ поставили на берегу маленькаго «хауза»—резервуара для воды, осѣненнаго чахлыми, обитыми вѣтромъ талами; если-бы не эти деревья, къ которымъ крѣпко привязана была кибитка, ей невозможно было-бы устоять на своемъ возвышеніи; за кибиткою спряталась крохотная зеленая палаточка,—а немного поодаль высились изъѣденныя временемъ, источенныя дождями и бурями глинобитныя стѣны развалинъ бывшаго бухарскаго укрѣпленія, гдѣ кое-какъ примазались дрянныя саклишки современныхъ обитателей.

Въ Джамъ, еще за сутки до нашего пріѣзда въѣхали бухарскіе представители и курбаши изъ Катакургана, отъ котораго до Джама считается до семидесяти верстъ. Нашему пріѣзду предшествовало маленькое дипломатическое недоразумѣніе, совершенно въ средне-азіатскомъ духѣ. Бухарцы затѣяли споръ съ катакурганскимъ курбашею о томъ, кто имѣетъ честь угощать насъ въ Джамѣ. Представитель Катакургана основывалъ свои права на томъ, что Джамъ на землѣ Катакурганскаго уѣзда, а представители Бухары—на томъ, что мы ихъ будущіе гости, что граница Бухарскаго ханства всего въ полуверстѣ отъ Джама, и за этою чертою нѣтъ близко ни одного жилаго пункта. Споръ этотъ разрѣшился тѣмъ, что право чествованія «высокихъ гостей» раздѣлено было пополамъ. И вотъ едва мы кое-какъ устроились въ кибиткѣ, едва откашлялись и отчихались отъ ѣдкой пыли, помылись и сняли съ себя тяжелые путевые доспѣхи, какъ тотчасъ-же началось это соединенное, безконечно длинное, томительное чествованіе.

Посланный отъ Бухары, представитель шарскаго бека, сухой высокій, пожилой человѣкъ въ бѣлой чалмѣ и красномъ халатѣ, привѣтствовалъ насъ пожеланіями добраго часа для вступленія въ предѣлы ханства и поклонами отъ своего властителя. Помощникъ катакурганскаго уѣзднаго начальника, бравый сѣдобородый старикъ, въ громадной чалмѣ и синемъ шелковомъ халатѣ, съ ярко-цвѣтными разводами, приложилъ руку къ чалмѣ, яко-бы къ козырьку, по русскому обычаю. Затѣмъ подали обѣдъ изъ очень вкуснаго супа, неизбѣжнаго плова и жареной баранины; а послѣ обѣда начался церемоніалъ поднесенія «дастархана». Ко входу нашей кибитки подходила цѣлая вереница носильщиковъ подносовъ, съ деталями дастархана. Комично было видѣть всю эту цѣпь халатниковъ въ моментъ, когда налеталъ сильный шквалъ пыльнаго урагана. Чалмы распутывались, полы халатовъ разлетались въ стороны и парусили... И за порядкомъ одеждъ смотри, и подносъ свой береги!—бѣда да и только; а главное нарушаются чинность и порядокъ... Синій и красный халатъ усѣлись съ нами, у порога кибитки и жестомъ приглашали насъ принимать одинъ подносъ за другимъ... Скоро вся середина кибитки, все пустое мѣсто, не занятое только нашими персонами, все было въ два слоя заставлено подносами съ кишмишемъ, лепешками, дынями, виноградомъ, разными печеніями и конфектами сдѣланными изъ муки, сахара, патоки и бараньяго сала... Часа два длилось это приношеніе, и мы не безъ наслажденія вздохнули когда оба представителя, раскланявшись пожелали намъ покойнаго отдыха, а наши джигиты и казаки разобрали по торбамъ всѣ принесенныя сласти.

Мы думали, что къ ночи вѣтеръ стихнетъ—вышло наоборотъ... Порывы урагана не унимались; пыльные шквалы все сильнѣе и сильнѣе налетали на наше убѣжище. Едва только кто-нибудь изъ выходящихъ или входящихъ на мгновеніе, поднималъ полу ковра, защищавшаго дверь, тотчасъ-же лёсовая пыль обдавала насъ съ головы до ногъ, толстымъ слоемъ осѣдая на всѣхъ предметахъ; тендюкъ кибитки гудѣлъ и вздрагивалъ отъ ударовъ вѣтра; веревки подозрительно трещали, уныло шумѣли надъ головами—отрепанныя вершины таловъ... Намъ предстояла не совсѣмъ покойная ночь, да вдобавокъ еще мы знали, что Джамъ, при всѣхъ своихъ прелестяхъ, имѣетъ еще одну—это обиліе фалангъ и скорпіоновъ, имѣющихъ милую привычку сползаться на огонекъ... А безъ огня обойтись нельзя. Мы легли спать, на всякій случай не раздѣваясь и не снимая высокихъ кожанныхъ сапогъ.

Всю ночь бушевалъ ураганъ... Сонъ тревожный, прерывистый; да къ тому-же всюду мерещатся ползающіе фаланги, скорпіоны и всякая ядовитая нечисть. Упадетъ-ли высохшій листокъ тальника черезъ верхъ кибитки, свалится оттуда-же мохнатая невинная гусеница—тотчасъ-же безпокойное, порывистое движеніе кого-нибудь изъ спящихъ... торопливо зажигается спичка, освѣщая озабоченную, пожалуй даже испуганную физіономію... Глядишь—и другой начинаетъ копошиться, приподнимается и подозрительнымъ окомъ вглядывается въ свою подушку, въ переплеты кибиточной стѣнки, прислушивается къ малѣйшему шороху... Къ разсвѣту только одолѣлъ сонъ, да и то не надолго... Уже арбакеты встаютъ, джигиты поятъ коней... говоръ—движеніе... Пора и отступать...

А сизая, густая пыль все стелется сплошнымъ покровомъ надъ печальною котловиною Джама—этого проклятаго въ прежніе времена ссыльнаго пункта Бухарскаго ханства...

Проѣхавъ три версты, мы очутились на рубежѣ Бухарскаго ханства. Здѣсь, на кучѣ камней, уныло торчитъ невысокій столбъ, окрашенный нашими род-

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

ными, издавна намозолившими глаза, колерами. Сопровождавшій насъ, помощникъ каттакурганскаго уѣзда, афганецъ Сандъ-Ханъ, получившій передъ выѣздомъ изъ Джама отъ насъ въ подарокъ шелковый халатъ, распростился съ нами, и мы продолжали путь уже по бухарской территоріи и подъ покровительствомъ высланныхъ отъ эмира чиновниковъ и ихъ джигитовъ.

(*Продолженіе будетъ*).

16-го (28-го) января въ Алжиріи открылась первая художественная выставка. Всѣхъ произведеній доставлено 500 экземпляровъ, которые по окончаніи будутъ перенесены въ алжирскій музеумъ.

—

Гросвенорская галлерея выставила призовыя произведенія художниковъ, получившихъ золотыя медали, а именно: картину въ древне-римскомъ стилѣ—«Побѣда Весны», художника Крена и бюстъ, работы Гаага, «Генерала Бютнера», вождя ганноверскихъ войскъ, сражавшагося при Ватерло.

* *
*

Самымъ крупнымъ театральнымъ событіемъ прошедшей недѣли былъ бенефисъ высокоталантливой артистки, г-жи Савиной, которая, увлекшись, вѣроятно, примѣромъ московской актрисы г-жи Ѳедотовой, вздумала поставить комедію Шекспира, «Много шума изъ ничего», въ переводѣ покойнаго Кронеберга. Пьеса эта не шла у насъ уже очень давно; на русской сценѣ мы даже ея никогда не видали, а на нѣмецкой, много лѣтъ назадъ, роль Беатриче превосходно исполнялась г-жею Ванини. Извѣстно, что интересъ ея преимущественно заключается въ тонкомъ и остроумномъ діалогѣ, представляющемъ нѣчто въ родѣ дуэли на словахъ между своенравной дѣвушкой и молодымъ дворяниномъ Бенедиктомъ, которые оба любятъ другъ друга, но долго не рѣшаются сознаться въ этомъ чувствѣ. Съ первыхъ-же словъ комедіи стало ясно, что задача эта исполнителямъ пьесы не по силамъ. Мы не дождались поэтому конца злополучнаго спектакля 18-го января, но всѣ газеты единогласно засвидѣтельствовали, что, за исключеніемъ одного момента, основаннаго на мимической игрѣ, роль Беатриче совсѣмъ не удалась г-жѣ Савиной. Въ первыхъ актахъ она совсѣмъ не попала въ тонъ, и скороговорки ея почти вовсе не было слышно, чему, отчасти, способствовала и трудность вообще разыгрывать такую комедію въ Маріинскомъ театрѣ, объемъ котораго заставляетъ надрываться голоса даже оперныхъ артистовъ. Г. Нильскій вычитывалъ роль Бенедикта съ большею отчетливостью, но по игрѣ былъ довольно безцвѣтенъ. Изъ остальныхъ исполнителей можно отмѣтить съ похвалою только гг. Варламова и Арди въ роляхъ полицейскихъ, Клюквы и Киселя. Овація, сдѣланная г-жѣ Савиной въ этотъ вечеръ, отличалась необыкновенною горячностью. При первомъ появленіи симпатичной бенефиціантки, изъ верхнихъ ярусовъ ложъ посыпались на сцену лавровые вѣнки, причемъ артисткѣ былъ поданъ изъ оркестра серебряный лавровый вѣнокъ на бархатной подушкѣ. Потомъ, въ теченіи вечера, г-жѣ Савиной поднесены были еще весьма цѣнные подарокъ. Бенефиціантка была видимо тронута такимъ необыкновенно сочувственнымъ пріемомъ и, въ виду все усиливавшихся аплодисментовъ, не могла, наконецъ, удержаться отъ слезъ. Легко быть можетъ, что волненіе, причиненное этой встрѣчей, оказало неблагопріятное вліяніе на игру артистки въ роли Беатриче.

—

Въ субботу, 19-го января, въ Александринскомъ театрѣ представлена, съ довольно слабымъ успѣхомъ, историческая драма Путлица, «Das Testament des grossen Kurfürsten» (Завѣщаніе великаго курфюрста), которая дается въ Германіи уже нѣсколько лѣтъ, потому что льститъ національному самолюбію нѣмцевъ вообще и пруссаковъ въ особенности. Дѣйствіе пьесы происходитъ въ XVII-мъ столѣтіи, когда въ Берлинѣ царствовали еще бранденбургскіе курфюрсты. Курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ, прозванный Великимъ, оставилъ завѣщаніе, написать которое побудила его супруга, не довѣрявшая способностямъ своего пасынка, наслѣдника курфюрстскаго престола, и озабоченная огражденіемъ интересовъ своихъ дѣтей. Между тѣмъ завѣщаніе это—въ случаѣ, еслибы оно было приведено въ исполненіе—послужило-бы въ ущербъ величію и могуществу государства, подвергшагося раздробленію. Курфюрстъ Фридрихъ III-й считаетъ, однако, долгомъ своимъ, скрѣпя сердце, покориться волѣ своего покойнаго отца; но мать его, убѣдившись въ энергіи его характера, справедливости и твердой рѣшимости царствовать въ духѣ великаго родителя, разрываетъ внушенное ею-же завѣщаніе, во имя патріотизма. Тема эта разработана Путлицемъ далеко не талантливо, и потому пьеса смотрится весьма тяжело. Наиболѣе эффектна въ ней, сравнительно говоря, та сцена, въ которой курфюрстъ Фридрихъ III, чтобы отстранить отъ своей матери всякое подозрѣніе въ преступныхъ намѣреніяхъ относительно его, выпиваетъ при всемъ дворѣ стаканъ воды, въ который она, по его желанію, налила нѣсколько такъ называемыхъ «зеленыхъ капель», принимаемыхъ всѣми придворными за ядъ. Пьеса разыграна была весьма старательно. Главныя роли въ ней играли: г-жа Поллертъ (мать курфюрста), г. Реземанъ (курфюрстъ) и г. Кёхи (старый прямодушный фельдмаршалъ Дерфлингъ).

—

Въ Маломъ театрѣ возобновлена, въ послѣднее время, драма г. Чаева—«Свекровь», съ г-жею Жулевой въ главной роли, и состоялся не безъ успѣха дебютъ г. Плещеева—въ роли Андрея, въ комедіи «Женитьба Бѣлугина».

—

Въ субботу, 19-го января, на сценѣ «Благороднаго Собранія» дана была комедія г. Агапова—«Семья Жирдовыхъ», въ которой особенно выдѣлялся, по типичности игры, въ ряду исполнителей г. Петровъ, въ роли семинариста Гиппопотамова, а въ понедѣльникъ, 14-го января, въ «Собраніи Художниковъ» г-жа Стрепетова и г. Писаревъ съ огромнымъ успѣхомъ исполнили главныя роли въ первомъ актѣ «Псковитянка» и въ драмѣ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ».

* *
*

15-го января, въ 3-мъ концертѣ «Безпл. музык. школы» въ Спб., въ 1-й разъ была исполнена симфоническая поэма «Іоанна д'Аркъ», Морица Мошковскаго. Симфоническая поэма эта оказалась длиннѣйшей фантазіей, не отличающейся, впрочемъ, сильными и блестящими мыслями и тянувшейся добрые полчаса. Хладнокровіе автора, требующаго обязательно вниманія публики, дѣйствовало крайне утомительно. Рядомъ съ мелодіями г. Мошковскаго, замѣчены были заимствованія изъ «Лоэнгрина», «Мейстерзингеровъ» и даже итальянскихъ сочиненій. Инструментовка и техническая отдѣлка «Іоанны д'Аркъ» также не отличаются достоинствами и своеобразностью. Несравненно интереснѣе было прослушать каватину «Іоанна Грознаго», изъ «Псковитянки» Н. А. Римскаго-Корсакова, также исполнявшуюся въ 1-й разъ и къ тому-же хорошо спѣтую г. Прянишниковымъ. Не говоря уже про «гигантскій» шагъ, сдѣланный впередъ г. Римскимъ-Корсаковымъ, въ смыслѣ сліянія благозвучія съ требованіями реализма (Грозный царь распѣваетъ каватину!),—каватина эта дѣйствительно не лишена поэзіи и интересна. Она была даже повторена.—Г. Кюи, черезъ посредство аккомпанировавшаго г. Помазанскаго и пѣвицы г-жи Фалькманъ, представилъ намъ рядъ «музыкальныхъ картинокъ» и возобновилъ въ нашей памяти баркаролу изъ «Анжело» (впрочемъ, очень фальшиво спѣтую г-жею Фалькманъ). Музыкальныя картинки г-на Кюи отличаются текстами для дѣтей и музыкой для взрослыхъ, не лишенной извѣстнаго интереса. Исполнявшіяся «для взрослыхъ» и изданныя редакціей «Семья и Школа», пѣсни эти могли служить назиданіемъ, какъ не слѣдуетъ писать для дѣтей, если только г. Кюи имѣлъ въ виду *дѣтей*, выступивъ въ «безплатной школѣ» съ этими «картинками». Разумѣется, нечего говорить, что никакой *картинности* въ «картинкахъ» — нѣтъ; хотя и есть здѣсь нѣкоторыя описательныя стремленія (въ родѣ подражанія колокольному звону, въ аккомпаниментѣ фортепіано, въ «картинкѣ» «Христосъ Воскресъ»). Еще были исполнены три отрывка изъ «Освобожденнаго Прометея» —Листа: хоръ океанидъ, хоръ жнецовъ и хоръ тритоновъ. Исполненіе, какъ большею частью въ «безплатной школѣ», было неважное. Особенно бассамъ не слѣдовало такъ громко провозглашать славу Прометея, къ явному ущербу собственной славы исполнителей.

Придворныя извѣстія.

Е. В. Государыня Императрица изволила благополучно прибыть въ С.-Петербургъ 23-го января, въ 4 часа пополудни, совершивъ путешествіе отъ Канна безъ особаго утомленія.

Правительственныя распоряженія.

На основаніи ст. 55, прилож. къ ст. 4 (примѣч.) уст. ценз., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: прекратить печатаніе частныхъ объявленій въ газетѣ «Голосъ» на одинъ мѣсяцъ.

Выставки и юбилеи.

Въ засѣданіи городскихъ гласныхъ въ Ригѣ постановлено: въ ознаменованіе 25-ти-лѣтней годовщины восшествія на престолъ Его Величества Государя Императора назначить выдачу пособій изъ городскихъ суммъ: нижнимъ воинскимъ чинамъ изъ рижскихъ уроженцевъ, участвовавшихъ въ послѣдней турецкой войнѣ,—въ размѣрѣ 72-хъ рублей въ годъ на человѣка, пожизненно; вдовамъ убитыхъ или безъ вѣсти пропавшихъ—по 36 рублей; дѣтямъ ихъ, до 16-ти-лѣтняго возраста,—по 24 рубля, сиротамъ-же, до достиженія того-же возраста, — по 72 рубля въ годъ. Сверхъ того, постановлено препроводить къ Его Величеству Государю Императору артистически выполненный адресъ, съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ.

— **Въ** виду предстоящаго 19-го февраля 1880 года празднованія двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора, петербургская городская дума избрала особую коммиссію, которой и поручила составить предположенія о празднованіи 25-ти-лѣтія царствованія Государя Императора. Обсудивъ заявленныя въ коммиссіи предположенія о чествованіи городомъ дня 19-го февраля 1880 года, коммиссія остановилась на томъ, чтобы предложить думѣ:

а) Поднести Государю Императору отъ города С.-Петербурга всеподданнѣйшій адресъ и при этомъ, въ серебряномъ, художественно исполненномъ, ларцѣ, 25 листовъ акварельныхъ рисунковъ, изображающихъ достопамятныя для города событія, совершившіяся въ С.-Петербургѣ въ 25-ти-лѣтній періодъ царствованія Государя Императора, и замѣчательныя монументальныя сооруженія въ С.-Петербургѣ, возведенныя или оконченныя въ этотъ-же періодъ. Съ рисунковъ этихъ, а также и ларца снять фотографическія копіи, для храненія ихъ въ думѣ, вмѣстѣ съ точною копіею всеподданнѣйшаго адреса.

б) Издать для безплатной раздачи народу книгу: чтеніе о царствованіи Государя Императора, съ портретомъ Его Величества и 5-ю картинами.

и в) Устроить публичныя увеселенія для народа.

Медицина и гигіена.

Недавно извѣстный французскій ученый Поль Беръ открылъ новое анэстезирующее средство. Онъ беретъ смѣсь изъ закиси азота и кислорода, именно $^4/_5$ перваго и $^1/_5$ послѣдняго газа; и чтобы заставить закись азота этой смѣси поступать въ кровь, какъ будто-бы она была въ чистомъ видѣ, онъ немного усиливаетъ давленіе, подъ которымъ находится эта смѣсь. Обладая приборами, дозволяющими произвольно поднимать атмосферное давленіе въ цѣлыхъ камерахъ, Поль Беръ заставлялъ животныхъ дышать упомянутою смѣсью подъ давленіемъ выше атмосфернаго на 20—25 центиметровъ. Этого достаточно, чтобы вызвать у животнаго полную анэстезію безо всякихъ признаковъ асфиксіи.

Увеличеніе давленія, подъ которымъ стоитъ закись азота на 20—25 центиметровъ, производитъ то, что этотъ газъ поступаетъ въ кровь въ такомъ-же количествѣ, какъ будто онъ былъ въ смѣси въ пропорціи $^5/_5$.

Парижскіе хирурги жадно набросились на изобрѣтеніе Поля Бера. Лаббе, Пеанъ и другіе производили операціи въ камерахъ, гдѣ давленіе было поднято на упомянутую величину; и, заславляя больныхъ вдыхать смѣсь закиси азота съ кислородомъ, они получали полную анэстезію въ теченіи получаса и $^3/_4$ часа, дозволившую имъ производство большихъ операцій.

Анэстезія была полная и свободная ото всѣхъ тѣхъ непріятныхъ симптомовъ, которые обыкновенно сопровождаютъ наркотизацію хлороформомъ или эѳиромъ.

Сельское хозяйство.

Вопросъ о разведеніи американской кукурузы «конскій зубъ» въ Россіи нѣсколько уже лѣтъ занимаетъ нашихъ сельскихъ хозяевъ. Квашеная (въ особыхъ ямахъ) кукуруза представляетъ отличный кормъ скоту, и потому разведеніе ея, особенно въ среднихъ губерніяхъ, вполнѣ желательно. Въ настоящее время, различными сельскими хозяевами предпринимаются опыты акклиматизированія этого растенія. Одинъ изъ этихъ опытовъ, произведенный въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, г. Бодиско, вполнѣ удался и подаетъ надежду, что разведеніе кормовой кукурузы въ Россіи—вещь возможная.

Географія, этнографія и путешествія.

Въ Галифаксѣ дѣлаются приготовленія къ новой американской научной экспедиціи къ сѣверному полюсу. Экспедиція будетъ находиться подъ руководствомъ д-ра Эмиля Бесселя, который принималъ участіе въ экспедиціи капитана Голля, на кораблѣ «Polaris».

Некрологи.

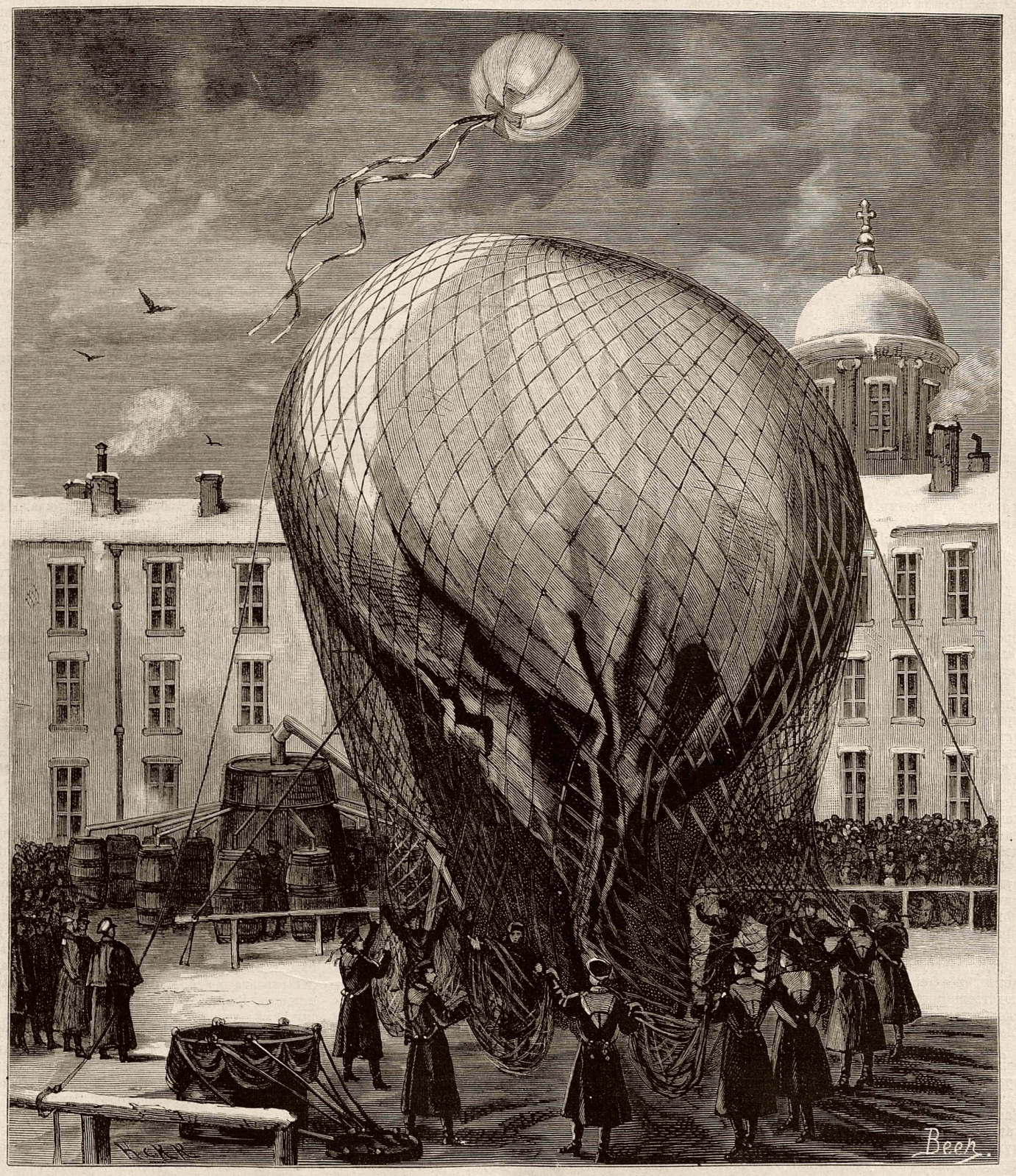
21-го января скончался почетный членъ, бывшій профессоръ и ректоръ с.-петербургскаго университета, членъ совѣта мин. народнаго просв., тайный совѣтникъ **Александръ Абрамовичъ Воскресенскій**.

— Въ ночь съ 22-го на 23-е января, скончалась въ Петербургѣ, бывшая артистка театра «Опера Буффъ», талантливая **г-жа Бланшъ-Норде**.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 578.] Годъ XII. 2 Февраля 1880 года. [Томъ XXIII. № 6.

С.-Петербургъ. — Поднятіе воздушнаго шара, при 10° мороза, 13-го января, на плацу константиновскаго училища.

(Рисовалъ И. Бееръ).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

ставки». Картина эта на многихъ произвела глубокое впечатлѣніе. Кромѣ потрясающей драмы въ лицѣ осужденнаго, его матери и отца, художникъ передалъ съ изумительной тонкостью разнохарактерныя экспрессіи остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Осужденный, для котораго жизнь какъ-бы уже кончена, для котораго нѣтъ уже болѣе ни близкихъ, ни родныхъ, болѣзненно тупо и какъ-то страдальчески смотритъ на свою мать; онъ удрученъ ея горемъ, ея воплемъ, у него отняты силы для утѣшенія, для того, чтобы сказать хоть одно слово рыдающей и приходящей въ отчаяніе матери; а она ломаетъ руки и съ рыданіями, произнося его имя, называя послѣдній разъ его ласковымъ словомъ, хочетъ кинуться къ нему, хочетъ проститься съ нимъ; но часовой, въ силу закона, отстраняетъ ее отъ преступника и тутъ-же какъ-бы говоритъ старику отцу: «убери ты свою бабу». Отецъ дергаетъ мать за шубку, а самъ уже и смотрѣть не можетъ на осужденнаго сына; онъ опустилъ голову и утираетъ только градомъ льющіяся слезы. Эта нѣмая минутная сцена тронула за сердце всѣхъ окружающихъ: жандармъ, идущій сзади преступника, опустилъ голову; другой жандармъ смотритъ съ соболѣзнованьемъ на мать, часовой, стоящій по другую сторону двери за преступникомъ, отвелъ глаза куда-то въ пространство и только какая-то дѣвушка изъ публики съ любопытствомъ и съ ужасомъ глядитъ на мать съ отцомъ, да чиновникъ-старикъ и чиновница смотрятъ на осужденнаго съ тѣмъ грустнымъ, но покойнымъ выраженіемъ, которое какъ-бы говоритъ, «будемъ молиться за него»... Мучительная минута, длившаяся на судѣ при ожиданіи совѣщавшихся присяжныхъ, теперь снова наступила для преступника и наступила уже съ убійственнымъ сознаніемъ, что все кончено; передъ нимъ послѣдній разъ явилась, какъ-бы во-очію, его прошлая свободная жизнь между людьми въ лицѣ дорогихъ и близкихъ для него матери и отца; одно только погибшее прошлое защемило ему сердце, сдавило ему голову, и съ этимъ послѣднимъ самымъ ужаснымъ сознаніемъ онъ какъ-бы окаменѣлъ и переноситъ тягостное возмездіе за совершенное преступленіе. Минута этого сознанія—это и есть то ужасное наказаніе, которое испытываетъ преступникъ, осужденный на каторжную жизнь, заключающуюся не въ тягостной подневольной работѣ, а въ лишеніи свободы и въ отчужденіи отъ всего, съ чѣмъ сроднилась душа человѣка... Убійственна эта минута; и съ нея-то начинается для преступника та именно каторжная жизнь, которая и днемъ и ночью преслѣдуетъ преступника сознаніемъ лишенія свободы... Это ужасное горе сознательно чувствуется всѣми, смотрящими въ такую минуту на преступника: всѣ глядятъ на него точно на погребаемаго заживо человѣка, провожаютъ его, какъ живаго покойника и только судьи и присяжные, привыкшіе къ такимъ сценамъ, равнодушно, какъ изобразилъ ихъ художникъ, говорятъ о преступникѣ, какъ о дѣлѣ, которое, въ силу правильнаго исполненія закона, должно имѣть такой исходъ. Присяжнаго и судью написалъ В. Маковскій на заднемъ планѣ, въ сторонѣ, и этимъ онъ какъ-бы только оттѣнилъ самую драму, которая послужила предметомъ для картины. Въ картинѣ художникъ далъ прочувствовать зрителю, такимъ образомъ, всю психическую сторону момента возмездія за преступленіе...

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

II.

(Продолженіе).

Дорога идетъ все ложбинами, то поднимаясь, то опускаясь; путь обозначенъ глубоко выбитыми ногами лошадей и верблюдовъ тропами; слѣды арбяныхъ колесъ почти незамѣтны. По сторонамъ видны пространныя богарныя запашки, гораздо больше тѣхъ, что встрѣчаются въ нашихъ предѣлахъ. Населенія не видно вовсе; кое-гдѣ только, въ глубинѣ боковыхъ лощинъ, прячутся одинокія кибитки самаго жалкаго вида.

Пройдя два таша (ташъ, какъ я уже говорилъ, равняется восьми верстамъ), мы сдѣлали небольшой привалъ на урочищѣ Шуръ-Кудукъ (соленые колодцы).—Вода, впрочемъ, въ этихъ колодцахъ оказалась превосходною. Типъ колодцевъ первобытный, библейскій: окно колодца окружено невысокою, глинобитною стѣною; съ одной стороны два параллельныхъ столба изъ глины-же, и между ними деревянный круглый брусъ, вмазанный горизонтально, черезъ который перекинута веревка съ кожаною бадьею. Верблюдъ или лошадь—а нѣтъ такъ и сами люди—тянутъ конецъ этой веревки, отходя отъ колодца на всю ея длину и извлекаютъ, такимъ образомъ, наполненную бадью на свѣтъ Божій.

Въ Шуръ-Кудукѣ выставлены были кибитки и заготовленъ завтракъ, или—вѣрнѣе—ранній обѣдъ. Опять представители мѣстной администраціи, опять «достарханъ»—и размѣнъ офиціальныхъ любезностей. Невольно мы обратили вниманіе на одно только обстоятельство—кулинарнаго, впрочемъ, свойства. Всѣ блюда приготовлены были здѣсь особенно тщательно и съ замѣчательнымъ искусствомъ. Это, оказалось, потому, что эмиръ выслалъ намъ сюда на встрѣчу своего собственнаго повара, «бакауль-баши», что значитъ: «глава съѣстныхъ припасовъ». Этотъ «бакауль-баши», красивый брюнетъ, въ золотисто-красномъ халатѣ, провожалъ насъ и остальную часть пути до Карши.

Мѣстность отъ Шуръ-Кудука до Беклемиша—нашего ночлега—ровная, спокойно холмистая, чрезвычайно напоминаетъ своимъ видомъ наши херсонскія равнины; только влѣво чуть-чуть маячитъ въ отуманенномъ пылью горизонтѣ далекая горная гряда. Вправо-же безъ конца тянется степь, и на ней опять грубыя богарныя пашни, опять немногочисленныя аторы овецъ, опять одиноко разбросанныя, жалкія кибитки, съ своими обывателями, почти нищенскими, полу-осѣдлыми, полу-номадами. Только за полчаса хода до Беклемиша показывается нѣчто въ родѣ растительности. Это заросли-колючки (alhagi-camelorum и phrino-cephalus); растенія эти служатъ здѣсь единственнымъ топливомъ и даже кормомъ для мѣстнаго скота и проходящихъ верблюжьихъ караванов. Колючку собираютъ весьма тщательно и заблаговременно: надо, чтобы она успѣла достаточно высохнуть къ зимѣ, чтобы удовлетворять своему первому назначенію.

Въ Беклемишѣ только единственное глинобитное постоянное зданіе — это мечеть; все-же остальное—тѣ-же кибитки и кибитки, разбросанныя на обширномъ пространствѣ. Вдали, на холмѣ, видны еще двѣ-три сакли, того-же типа, какъ въ черводорскихъ кишлакахъ, что мы видѣли, не доходя Джамо,—и загонъ для скота. Все урочище носитъ скорѣе характеръ кочевья, чѣмъ осѣдлаго селенія; степь кругомъ пестрѣетъ кучами собранной колючки. Богарныя пашни блестятъ отъ слюдистыхъ листочковъ, нанесенныхъ сюда вѣтромъ вмѣстѣ съ пескомъ, образовавшимъ мѣстами даже крохотные зачатки барханов.

Здѣсь случилось маленькое недоразумѣніе: провожающій насъ бокауль-баши отсталъ на пути и немного запоздалъ, какъ оказалось впослѣдствіи, чтобы распорядиться перевозкою ковровъ и прочихъ предметовъ комфорта съ мѣста привала на мѣсто ночлега. Не предупрежденные, или, вѣрнѣе, плохо предупрежденные жители Беклемиша встрѣтили насъ не совсѣмъ дружелюбно, но черезъ четверть часа все устроилось. Явился, запыхавшійся отъ быстрой скачки, грозный для беклемишцевъ и услужливый для насъ бокауль-баши и дѣло пошло какъ по маслу. Насъ устроили, къ великому нашему изумленію, прямо-таки въ мечети; явились и ковры, и кормъ для коней, и бараны нашъ будущій ужинъ, обагрившіе своею кровью ближайшій токъ для вымолотки пшеницы; сюда-же, поближе къ мечети, перенесены были двѣ ближайшія кибитки, перенесены цѣликомъ, безъ разборки, на рукахъ; самъ бакауль-баши, не снимая своего парадного халата, участвовалъ въ этомъ оригинальномъ перетаскиваніи.

Вечеръ наступилъ превосходный, тихій, пріятно-прохладный. Всѣ, кто, подъ вліяніемъ деннаго жара, забрались въ мечеть и даже расположились тамъ съ постелями, всѣ теперь выползли на свѣтъ Божій и возвышенную площадку, и на этой площадкѣ черезъ нѣсколько минутъ вытянулся рядъ нашихъ незатѣйливыхъ дорожныхъ логовищъ для успокоенія. Здѣсь насъ опять пугали скорпіонами, которыхъ, впрочемъ, мы во-очію еще не видали... Перемѣны температуры здѣсь чрезвычайно рѣзки и капризны: безо всякихъ видимыхъ причинъ, сегодня напримѣръ, ночь болѣе чѣмъ прохладная,—понадобились бурки и даже ватныя одѣяла.

Завтра къ вечеру мы должны прибыть въ Карши, осталось всего только сорокъ шесть верстъ,—мы попадемъ туда засвѣтло, тѣмъ болѣе, что выступаемъ завтра съ разсвѣтомъ. Намъ сообщили, что мѣстомъ полуденнаго привала назначенъ «Аллаха-бахъ», славное названіе: «Божій садъ»; намъ, судя по этому названію, должно быть, предстояла очень интересная и пріятная стоянка, но—увы!—послѣ длиннаго, скучнаго перехода по опаленной равнинѣ, въ страшную жару, мы прибыли на мѣсто, если и отличающееся отъ мѣста нашего ночлега, то скорѣе въ худшую сторону. «Аллаха-бахъ»—вышла самая злая пронія.

За нѣсколько верстъ передъ Аллаха-бахомъ насъ встрѣтили два всадника: одинъ—мальчикъ лѣтъ восемнадцати, въ красивомъ розовомъ халатѣ и тонкой чалмѣ изъ индійской кисеи; его превосходная горная лошадка была украшена дорогою уздечкою съ серебряными бляхами, усѣянными бирюзою и парчевымъ чепракомъ. Другой всадникъ былъ, видимо, слугою перваго,—это каршинскій бекъ выслалъ намъ на встрѣчу своего старшаго сына; а не прошло и получаса, послѣ того какъ мы устроились на мѣстѣ привала, явился Мирахуръ (шталмейстеръ эмира), а за нимъ маленькая коляска, европейской работы и типа, запряженная «двумя всадниками»—это самое удобное выраженіе подобной запряжки, потому что обѣ дышловыя лошади были осѣданы и на нихъ торжественно возсѣдали красные халаты, отороченные золотымъ галуномъ—придворные костюмы эмирскихъ конюховъ. Это эмиръ Моззафаръ выслалъ намъ, почета ради, свой собственный экипажъ, подаренный ему годъ тому назадъ генераломъ Кауфманомъ. У эмира уже есть цѣлая коллекція русскихъ каретъ, коляскъ и фаэтоновъ, но онъ, впрочемъ, не пользуется этими удобствами и предпочитаетъ ѣздить по старому — только верхомъ.

Какъ ни покойно казалось-бы путешествовать въ коляскѣ—вмѣсто сѣдла, но по этой невозможной дорогѣ ѣзда въ экипажѣ не представляла ничего привлекательнаго, а дѣлать нечего: такую любезность эмира нельзя было оставить безъ вниманія. Графу пришлось лѣзть въ коляску и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ задыхаться тамъ отъ духоты и пыли.

Маленькій, отдѣльно стоящій островомъ посреди степи хребетъ Кунчуръ-Тау, загораживалъ намъ видъ на долину рѣки Кошка-Дарья и городъ Карши; но когда мы миновали небольшое ущелье, раздѣлявшее хребетъ на двѣ части, и отлогій съ этой стороны перевалъ, то передъ нами развернулась разомъ вся зеленѣющая панорама долины, и въ облакахъ пыли, стоящихъ туманомъ надъ этою долиною, замелькали глиняныя стѣны и куполы городскихъ мечетей.

Внизу, у перевала, насъ ожидала блестящая конная группа, человѣкъ въ полтораста: это выѣхалъ намъ на встрѣчу керкинскій старый бекъ и съ нимъ «шагауль»—адъютантъ, докладчикъ эмира. Графъ вышелъ изъ экипажа и сѣлъ на коня; обѣ группы всадниковъ—наша и бухарская—встрѣтились и размѣнялись привѣтствіями, не сходя съ лошадей, и потомъ слились вмѣстѣ въ общемъ уже движеніи, по узкимъ дорогамъ окрестностей Карши и улицамъ его предмѣстій.

Каршинскій бекъ былъ боленъ, и потому, по приказанію эмира, его роль исполнялъ бекъ сосѣдняго города «Керки», Пиръ-Назаръ-Датха; это очень типичный старикъ лѣтъ восьмидесяти, если не больше, высокаго роста, худой какъ скелетъ, одѣтый въ блестящій халатъ изъ свѣтло-лиловой, затканной золотомъ матеріи; изъ-подъ дорогой индійской шали, обвившей голову старика, виднѣлись сѣдыя нависшія брови; подъ ними—глубокія впадины старческихъ, уже потухающихъ глазъ, длинный орлиный носъ и жиденькая, трясущаяся, сѣдая бородка. Онъ неподвижно сидѣлъ на превосходномъ сѣромъ аргамакѣ, сидѣлъ старчески сгорбившись; шамкалъ въ полголоса свои стереотипныя привѣтственныя фразы... за то шагауль-баши, молодой, блестящій франтъ, съ маленькимъ ножичкомъ въ бирюзовой оправѣ, заткнутымъ въ складки чалмы, поддерживалъ вполнѣ свое придворное адъютантское званіе... Онъ разсыпался въ любезностяхъ, заѣзжалъ то справа, то слѣва, перезнакомился въ одинъ мигъ со всѣми членами нашего кортежа, не исключая и конвойныхъ казаковъ, и когда кортежъ нашъ достигнулъ городскихъ воротъ, распоряжался на улицахъ,—ну, совсѣмъ какъ наши полицеймейстеры, передъ пріѣздомъ губернатора! Съ пріятною улыбкою онъ намъ указывалъ дороги, съ такою-же еще болѣе пріятною удовлетворялъ нашему любопытству, съ улыбкою и кивалъ многозначительно въ сторону какому-нибудь полицейскому кавасу, вооруженному длинною палкою, улыбаясь даже и тому зѣвакѣ, на чьи плечи, по намеку шагауля, обрушивалась эта административная палка.

Насъ провели прямо на посольской дворъ, предоставивъ его всецѣло со всѣми своими строеніями въ наше полное распоряженіе.

Чтобы попасть въ ворота посольскаго двора, надо не безъ риска—даже для верховыхъ всадниковъ, проѣхать узкимъ берегомъ арыка, безводнаго, по случаю особенно жаркаго лѣта и маловодія весеннихъ разливовъ. Съ одной стороны ваше правое стремя чертитъ глину довольно высокой, безконечно длинной степи; съ другой стороны лѣвая нога чуть не виситъ надъ самымъ проваломъ арыка; кони поминутно спотыкались на оголенныхъ корняхъ таловъ, растущихъ по арыку, пересѣкающихъ дорогу. Арбы вовсе не могли слѣдовать этою дорогою, и ихъ повели на другой дворъ, особымъ обходнымъ путемъ.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Посольскій дворъ имѣетъ видъ очень красивый, напоминающій своею легкою архитектурою сооруженія мавровъ; квадратный четырехугольникъ двора составляютъ двухъ-этажныя сакли; только съ одной стороны, гдѣ главное парадное помѣщеніе, комнаты занимаютъ высоту обоихъ этажей; верхніе этажи, смотрятъ во дворъ красивою вырѣзною аркатурою, поддерживаемою легкими колоннами; въ углахъ двора двѣ лѣстницы, ведущія въ верхнія помѣщенія; кромѣ того, фасъ къ сторонѣ улицы арыка имѣетъ большія квадратныя окна, съ деревянными, хитро вырѣзными ставнями; посреди двора нѣчто въ родѣ неогороженаго палисадника,—правильнѣе—клумбы, засаженной душистою мятою. Въ главномъ, большомъ помѣщеніи, выходящемъ во дворъ, роскошною полуоткрытою террасою, былъ накрытъ столъ и поставлены всевозможныя бухарскія лакомства и фрукты, и, конечно, пловъ, кувардакъ (жареная, мѣлко изрѣзанная баранина съ кусочкомъ пшеничной лепешки) и шурпа изъ курицы.

Мирахуръ-Зайлинъ-Динъ и сынъ каршинскаго бека, Абраимъ-бекъ, остались угощать насъ, а Шагауль-Ауле-Ахуль-бекъ поскакалъ къ эмиру увѣдомить его о нашемъ пріѣздѣ и доложить ему всѣ подробности встрѣчи. Нѣкоторые изъ членовъ экспедиціи сообщили Мирахуру свое желаніе воспользоваться баней,—возможностью побывать въ банѣ никогда не слѣдуетъ пренебрегать въ путешествіи,—но оказалось, что даже и это скромное желаніе надо сначала доложить его степенству, эмиру Мозафару, дабы онъ повелѣлъ заготовить тоже и тамъ для насъ все, что требовалъ этикетъ. Всѣ эти чалмоносные чиновники, на наши замѣчанія, что подобныя мелочныя китайскія церемоніи стѣсняютъ и ихъ, и насъ, и что мы съ большимъ удобствомъ воспользовались-бы сокращеніемъ почестей и знаковъ вниманія; но намъ на это отвѣчали, что они не могутъ, якобы, ручаться за народъ, что какой-нибудь «неучъ» и «невѣжа» могъ-бы сдѣлать намъ непріятность, хотя-бы и вздорную, но во всякомъ случаѣ стоющую ему головы, и при этомъ просили насъ отнюдь не выходить одинмъ, и что только понадобиться заявлять Мирахурѣ, а онъ, дескать, мигомъ исполнитъ всякое наше желаніе.

Что дѣлать—«въ чужой монастырь, съ своими уставами не суйся», и мы, волею, не волею должны были покориться необходимости и играть ролъ, далеко не похожую, впрочемъ, на роль свободныхъ путешественниковъ, а скорѣе на роль особенно почетныхъ плѣнниковъ.

Когда совершенно стемнѣло, явился Шагауль-баши объявить намъ, что баня эмиромъ разрѣшена, и также, что его степенство, эмиръ Мозофоръ, дастъ намъ завтра-же утромъ торжественную аудіенцію. Графъ остался съ обоими сановниками обсуждать всѣ детали завтрашняго представленія эмиру, а мы отправились въ баню.

Городъ спалъ, когда мы, сидя на двухколесныхъ арбахъ, тряслись по узкимъ улицамъ Карши. Впереди путь освѣщали всадники съ фонарями; по бокамъ арбъ шли полицейскіе; сзади, замыкая шествіе, двигалась смѣшанная группа конвоя. Восточныя бани описывались уже не разъ, и я ограничусь только замѣчаніемъ, что такихъ скверныхъ бань я не встрѣчалъ нигдѣ за все свое пребываніе въ центральной Азіи: въ этихъ баняхъ было приспособлено все, что только нужно человѣку чтобы вымачкаться, но отнюдь не ради обратной цѣли, такъ что мало нашлось смѣльчаковъ, готовыхъ довѣриться подозрительно скользкимъ плитамъ каменнаго пола и мутно-грязнымъ, издающимъ сѣрный запахъ бассейнамъ. Сопровождавшій насъ чиновникъ оправдывался тѣмъ, что вотъ уже мѣсяцъ какъ городъ страдаетъ отсутствіемъ воды, и что во всѣхъ резервуарахъ вода уже начала предаваться гнилости. Что дѣлать? пришлось вернуться обратно. Впрочемъ, чиновникъ намекнулъ намъ,—на случай, если эмиръ соблаговолитъ спросить насъ о данномъ предметѣ,—то чтобы лучше умолчать, чѣмъ подводить ни въ чемъ неповинныхъ людей, ибо «вода вѣдь въ рукахъ Аллаха».

Передъ утромъ я былъ разбуженъ командными выкриками, раздававшимися чуть не подъ самымъ ухомъ. Я приподнялся на локоть и выглянулъ въ окно.

Передъ воротами посольскаго двора выстроился взводъ бравыхъ на видъ, рослыхъ пѣхотинцевъ, въ черныхъ баранespeciallyихъ шапкахъ, въ кафтанахъ, полы которыхъ были запиханы въ широкія шаравары изъ желтой кожи. Этимъ взводомъ командовалъ офицеръ въ бараньей-же персидской шапкѣ, но въ голубомъ кафтанѣ, обшитомъ по бортамъ серебрянымъ галуномъ; на плечахъ у этого воина красовались наши родные, достаточно поношенные, докторскіе эполеты. Онъ командовалъ по-русски: «на плечо!», «на краулъ!» и т. д.,—вѣроятно по той-же причинѣ, по какой прежде и до сихъ поръ, у насъ сохранились въ командѣ нѣмецкія слова. Военный прогрессъ въ Бухарѣ идетъ отъ насъ: просвѣтителями арміи бухарской издавна служили и служатъ бѣглые русскіе солдаты, большею частью изъ казанскихъ татаръ. Въ арміи эмира есть и теперь, какъ мнѣ говорили (и потомъ я убѣдился въ этомъ лично), нѣсколько бѣглыхъ поляковъ, изъ числа поселенныхъ въ Сибири.

Взводъ бухарскихъ воиновъ раздѣлился на посты и окружилъ насъ—ну, положительно какъ арестантовъ; даже внутри двора мирно расхаживалъ молодецъ въ красномъ кафтанѣ, ловко повертываясь на каблукахъ, при каждой перемѣнѣ направленія.

Съ ранняго утра нашъ дворъ наполнился чиновниками эмира, солдатами и носильщиками. Дѣло въ томъ, что предстояло нести церемоніально подарки, назначенные эмиру отъ отсутствующаго начальника нашей экспедиціи.

Подарки эти состояли изъ телеграфныхъ аппаратовъ для двухъ станцій, съ проволоками и изоляторами, англійскаго охотничьяго ружья, золотой эмалированной стопки, работы Овчинникова, нѣсколькихъ оптическихъ игрушекъ и пары нарядныхъ бронзовыхъ канделябровъ. Главный подарокъ, конечно, были телеграфные аппараты. Цѣль этого подарка была весьма благая, предполагали, что эмиръ захочетъ соединить телеграфною проволокою свою столицу съ нашимъ Самаркандомъ, уже соединеннымъ съ общею телеграфною сѣтью европейской Россіи. Чтобы облегчить ему эту задачу, были приглашены съ нами и два телеграфиста, которые должны были остаться въ Карши для постановки аппаратовъ и даже, если эмиръ этого пожелаетъ, ѣхать въ Бухару—съ тою-же цѣлью.

Съ самымъ острымъ любопытствомъ, не безъ суевѣрнаго страха, наблюдали чиновники эмира за снаряженіемъ гальваническихъ баттарей. Установленныя въ ящики, удобные для переноски, баттареи эти составляли тяжесть порядочную, такъ что два здоровыхъ солдата едва могли тащить каждую... Шагауль-баши и Мирахуръ сами осмотрѣли всѣ подарки предварительно, позабавились отъ души стереоскопами и калейдоскопами и сформировали у насъ-же на дворѣ «подарочную» процессію.

Впереди тронулся конный курбаши (полицеймейстеръ), за нимъ нѣсколько человѣкъ пѣшей полиціи съ палками и «крикуны», расчищающіе дорогу; затѣмъ чиновники въ своихъ парадныхъ, яркоцвѣтныхъ халатахъ, по-парно; каждый несъ въ рукахъ какую-нибудь вещь... Даже крохотную эмалированную стопку несъ особый чиновникъ, держа на показъ всѣму свѣту на обѣихъ ладоняхъ. Къ ружью были пороховница, патронташъ и коробочка пистоновъ; и эти мелкіе предметы несли разныя лица, образовавъ весьма длинную процессію, начавшую уже вытягиваться изъ воротъ нашего дома, на улицу. Послѣдними несли телеграфные аппараты и шли оба телеграфиста, а затѣмъ уже всѣ члены посольства, верхомъ на коняхъ, а съ нами Шагауль-Мирахуръ и молодой сынъ каршинскаго бека, тотъ самый, что выѣхалъ къ намъ, въ Аллабагъ, на встрѣчу.

Пробравшись опять вдоль стѣнки, мы повернули направо, черезъ довольно непрочный, колеблющійся подъ ногами лошадей мостикъ и очутились на главной улицѣ, ведущей къ Малому базару. Большой каршинскій базаръ оставался въ сторонѣ, мы огибали его окольною дорогою. Досадно было, что сопровождавшіе насъ избрали такой малоинтересный путь, но претендовать на это было не совсѣмъ удобно, тѣмъ болѣе въ такую торжественную минуту...

Процессія медленнымъ шагомъ подавалась впередъ, прокладывая себѣ путь въ тѣсныхъ толпахъ самаго пестраго, азіатскаго населенія... Всѣ плоскія крыши, вершины стѣнъ, даже вѣтви деревьевъ за этими стѣнами,—все пестрѣло разноцвѣтными халатами и чалмами. Темныя закрытыя фигуры женщинъ виднѣлись на самыхъ отдаленныхъ планахъ, боязливо прячась за какими-нибудь закрытіями, а нѣтъ—такъ за фигурами мужчинъ... Раза два или три процессію задерживали на пути то группа отдыхающихъ подъ вьюками ишаковъ, загородившихъ узкую улицу, то пересѣкающій дорогу верблюжій караванъ, то арба на встрѣчу, которую, за невозможностью повернуть, приходилось тащить назадъ за колеса, пока не выберется случайно мѣстечка пошире.

Курбаши и сынъ каршинскаго бека энергично кидались въ такой моментъ впередъ, устраняя препятствіе всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами, и тотчасъ-же возвращались къ намъ съ самыми утонченными извиненіями, что уже, признаться, начинало надоѣдать порядочно.

Типъ азіатскихъ городовъ уже хорошо извѣстенъ. Всѣ дома и хозяйственныя постройки обращены окнами и выходами въ замкнутые дворы, и поэтому, проѣзжая узкими улицами города, вы ничего не видите, кромѣ сплошныхъ стѣнъ сѣро-глинистаго цвѣта. Только изрѣдка мелькнетъ хитро-рѣзная деревянная дверь, размалеванныя колонки портика мечети или узорный карнизъ... Если-бы не группы зелени, тамъ и сямъ прорѣзывающія эти сплошныя массы сѣрой глины, раскаленной солнцемъ, пышащей удушливымъ жаромъ, то—въ общемъ—видъ былъ-бы окончательно наводящій тоску и уныніе.

Въ Самаркандѣ, Коканѣ и Бухарѣ васъ поражаютъ, по крайней мѣрѣ, грандіозныя сооруженія Тимуридовъ; колоссальныя своими размѣрами, изящно украшенныя узорною кладкою лицеваго, покрытаго цвѣтною глазурью кирпича, зданія эти представляютъ собою въ высшей степени интересный контрастъ съ жалкою современностью, — но въ Карши нѣтъ такихъ зданій; только одна мечеть—медресе—сколько нибудь напоминаетъ ихъ типъ; даже дворецъ эмира или, правильнѣе, цѣлый лабиринтъ дворовъ и сакель, обнесенныхъ одною общею высокою стѣною, не представляетъ собою ничего замѣчательнаго и развѣ только размѣрами своими нѣсколько отличается отъ жилищъ скромныхъ подданныхъ высокостепеннаго эмира.

(Окончаніе будетъ).

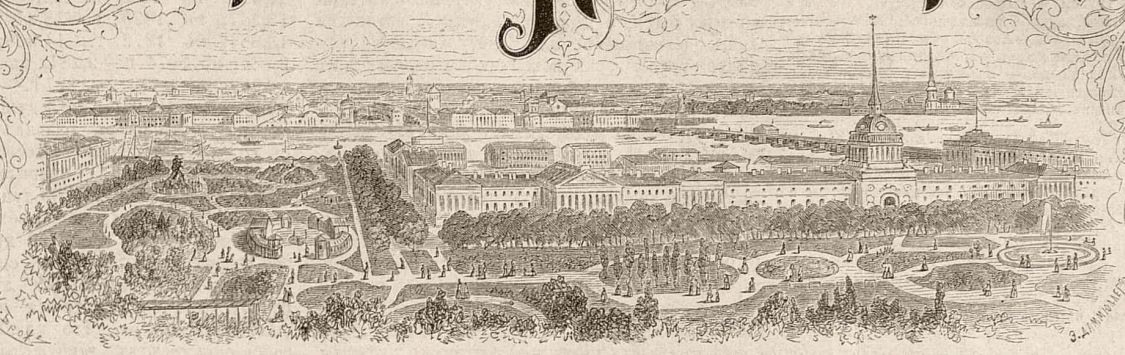
Томазо Сальвини.

Восхищающій, въ настоящее время, одесскую публику, извѣстный итальянскій трагикъ Томазо Сальвини родился въ Миланѣ 1-го января 1829 года. Его отецъ былъ профессоромъ литературы въ Ливорно, а дѣдъ офицеромъ папской арміи, подвергшимся за либерализмъ изгнанію. Отецъ Сальвини влюбился въ молодую драматическую актрису, женился на ней и основалъ въ Ливорно ученый институтъ. Ради жены онъ оставилъ свою карьеру и поступилъ въ актеры. Жена его умерла, однако, черезъ два года послѣ рожденія Томазо, который былъ ввѣренъ попеченіямъ его родныхъ во Флоренціи. Поступивъ воспитанникомъ во флорентинскую коллегію, мальчикъ Сальвини вскорѣ сталъ оказывать большіе успѣхи и подавать надежды на блестящую будущность; но его ученіе было прервано, потому что отецъ не въ силахъ былъ выносить уединеніе и взялъ сына къ себѣ.

Онъ началъ учить Томазо драматическому искусству, къ которому мальчикъ въ дѣтствѣ уже обнаружилъ большія наклонности. Знаменитому Густаву Модену довѣрено было дальнѣйшее образованіе будущаго Гамлета и Отелло. Первые дебюты Сальвини привлекли вниманіе артистовъ и публики, и вскорѣ антрепренеръ драматической труппы поручилъ ему трудныя и важныя роли. Молодой начинающій актеръ вполнѣ овладѣвалъ даже такими трудными ролями, какъ Давидъ въ «Саулѣ», Карлъ въ «Филиппѣ», Альфіери, и Максъ въ «Валленштейнѣ», Шиллера. Затѣмъ, Сальвини служилъ въ труппахъ Доменикани и Дондини, развиваясь и совершенствуясь съ каждымъ днемъ. Среди такой кипучей дѣятельности его артистическая карьера затормозилась вслѣдствіе крупной неожиданности. Трагикъ уступилъ мѣсто патріоту. Политическія событія 1849 года пробудили въ немъ унаслѣдованный имъ отъ дѣда духъ свободы и независимости. Томазо Сальвини принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ войнахъ за итальянскую независимость, сдѣлался другомъ Мадзини, Гарибальди и Саффи, и, вмѣстѣ съ ними, попалъ въ плѣнъ въ Генуѣ. Его мужество и самоотверженіе доставили ему золотую медаль и чинъ офицера. Въ дипломѣ, выданномъ ему отъ генерала Авеццаны, упоминается объ его беззавѣтной и горячей любви къ родинѣ и воинскихъ его доблестяхъ. Поселившись затѣмъ во Флоренціи, Сальвини посвятилъ цѣлый годъ классическому изученію искусства. Онъ приготовилъ роли Отелло, Саула, Гамлета, Орозмана. Убѣжденный, что для искусства нѣтъ родины, онъ съ одинаковой любовью и заботливостью изучалъ образцы какъ иностранныхъ литературъ, такъ и итальянскаго репертуара. Послѣ серьезной подготовки, Сальвини снова выступилъ на театральныя подмостки и перебывалъ съ лучшими труппами въ разныхъ городахъ Италіи, Испаніи и Португаліи. Въ 1872 г. онъ посѣтилъ Соединенные Штаты и многія другія мѣста южной Америки. Въ Барцелонѣ (Испанія) знать города устроила въ Атенеѣ праздникъ въ честь трагика и просила его написать этюдъ о драматическомъ искусствѣ. Сальвини въ три дня импровизировалъ превосходный трактатъ объ этомъ предметѣ. Къ нему обратились съ просьбою принести въ даръ рукопись этого трактата аѳинской библіотекѣ (въ Барцелонѣ). Авторъ охотно исполнилъ общее желаніе. Въ прошломъ году онъ съ огромнымъ успѣхомъ игралъ въ Парижѣ, а теперь подвизается, какъ мы уже говорили, въ Одессѣ, гдѣ наиболѣе удачно

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 579.] Годъ XII. 9 Февраля 1880 года. [Томъ XXIII. № 7.

Ввиду празднованія двадцатипятилѣтняго юбилея царствованія Е. И. В. Государя Императора, слѣдующій № (580) «Всемірной Иллюстраціи» выйдетъ вмѣсто 16-го—19-го февраля.

„Осенній лѣсъ„, картина академика Ю. Клевера.
(Рисовалъ на деревѣ самъ художникъ).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

II.

(Продолженіе).

Мы, мало по малу, выбрались изъ тѣсныхъ закоулковъ, повернули еще разъ круто направо и очутились на большой квадратной площади, въ глубинѣ которой чернѣла арка темнаго входа во внутренніе дворы лѣтней резиденціи. На этой площади, вдоль стѣны, примыкая лѣвымъ флангомъ къ воротамъ, стоялъ батальонъ пѣхоты, въ такихъ-же костюмахъ, какъ и нашъ караулъ, только съ тою разницею, что полы кафтановъ были выпущены на показъ. На нѣкоторыхъ полахъ сверкали золоченыя клейма, какіе, обыкновенно ставятся на нашихъ суконныхъ фабрикахъ. Смѣшно было видѣть, напримѣръ, на полѣ кафтана чернаго негра, барабанщика, золотыя буквы: «Иванъ Красильниковъ въ Москвѣ», для него, конечно, непонятныя, играющія роль случайнаго украшенія.

На правомъ флангѣ батальона собраны были музыканты и знаменоносцы. Знамена на высокихъ древкахъ, красныя и зеленыя, расписанныя изреченіями корана, колыхнулись при нашемъ появленіи, раздались русскія команды, брякнули разнокалиберныя пистонныя и даже кремневыя ружья и завыли длинныя мѣдныя трубы, аккомпанируемыя дробнымъ грохотомъ барабановъ.

Съ правой стороны воротъ стояли четыре пушки, въ распряжкѣ, и около нихъ сѣрые артиллеристы, въ бѣлыхъ чалмахъ, съ саблями на-голо. Дула орудій были закрыты красными фланелевыми чахлами, лафеты и колеса выкрашены въ ярко-зеленую краску.

Не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ до воротъ, насъ пригласили слѣзть съ лошадей, оставить здѣсь конвой и джигитовъ и пѣшкомъ продолжать путь далѣе.

Во дворы эмировскаго дворца только онъ одинъ имѣетъ право въѣзда на лошади.

Процессія съ подарками уже вошла въ ворота и исчезла гдѣ-то въ темныхъ закоулкахъ...

Пріятною свѣжестью и прохладою повѣяло на насъ, когда мы вошли по слѣдамъ носильщиковъ подарковъ. Здѣсь въ воротахъ опять стоялъ отрядъ пѣхоты, а правѣе, у втораго выхода, на небольшомъ возвышеніи—колоссъ палачъ, съ скуластою физіономіею узбека, засучивъ до локтей рукава своего халата, съ громаднымъ ножемъ въ рукахъ, стоялъ опершись на свою плаху.

Внушительная картина!

Изъ этихъ воротъ мы попали въ другія, миновали небольшой дворикъ, гдѣ взадъ и впередъ сновала прислуга дворца, таская какіе-то узлы и блюда съ угощеніемъ, прошли еще воротами и очутились, наконецъ, въ просторномъ четырехугольномъ дворѣ, совершенно пустомъ. Ни одной живой души не было видно на этихъ сѣрыхъ, раскаленныхъ отъ солнца, каменныхъ плитахъ. Прямо, противъ насъ, виднѣлся рядъ дверей, изъ которыхъ только одна была отворена настежь; надъ каждою дверью виднѣлось окно съ узорною рамою и мелкимъ переплетомъ. Всѣ сопровождавшіе насъ чиновники остались за порогомъ, не входя даже въ этотъ дворъ; только Шагауль и Мирохуръ-Зейлинъ-динъ остались еще пока при насъ и довели насъ до отворенной двери; оба эти сановника проходили дворъ, согнувшись въ три погибели и прижавъ обѣ руки къ животу. У дверей они пропустили насъ впередъ, а сами остались, не переступая священнаго порога аудіенцъ-залы.

Мы очутились въ громадной, очень высокой залѣ, освѣщенной только тѣми окнами, что мы видѣли подъ дверями. Потолокъ этой залы состоялъ изъ ряда простыхъ, даже неокрашенныхъ балокъ, забранныхъ сверху мелкими брусочками, стѣны гладко оштукатурены алебастромъ, плитный полъ покрытъ превосходнымъ цѣльнымъ ковромъ, полосатымъ «палацомъ».

Какъ разъ посрединѣ зала стояло кресло съ бочками и со спинкою, обитое красною матеріею; такія-же кресла стояли подъ угломъ къ этому—вдоль стѣны;—этихъ креселъ было ровно по счету насъ, никакой другой мебели не было въ залѣ.

На среднихъ креслахъ сидѣлъ человѣкъ, по виду еще далеко не старый, лѣтъ тридцати-пяти, самое большее, съ перваго взгляда, но, всмотрѣвшись пристальнѣе, вы замѣчали явные слѣды самой утонченной реставраціи... Глаза подведены темными линіями, брови выкрашены; даже самый тонъ лица и легкій румянецъ на щекахъ, били въ глаза своею искусственностью.

Это былъ самъ эмиръ Моззафаръ, властитель Бухарскаго ханства.

На немъ былъ темный шелковый халатъ, очень оригинальнаго рисунка и небольшая, туго свернутая, бѣлая чалма.

Чуть чуть поднимаясь съ креселъ, или правильнѣе, дѣлая видъ, что поднимается, эмиръ каждому изъ подходящихъ къ нему протянулъ по очереди руки и пригласилъ занять мѣсто. Переводчикъ нашъ остался стоять между нами и кресломъ эмира.

Когда мы размѣстились начались переговоры. Сначала, конечно, обмѣнъ привѣтствій, взаимные вопросы о здоровьѣ высокостепеннаго эмира и его величества русскаго государя—«акъ-падишаха», какъ его здѣсь называютъ, т. е. бѣлаго царя. Затѣмъ, вопросы о нашемъ личномъ здоровьи, о здоровьи генерала Кауфмана, генераловъ Иванова и Колпаковскаго, о томъ какъ мы доѣхали, довольны-ли мы распоряженіемъ эмира о встрѣчѣ, своимъ помѣщеніемъ въ Карши и проч.

Когда окончились эти вступительные мотивы, послѣ небольшой паузы, графъ началъ методично, отчеканивая каждую фразу, сообщать эмиру цѣль нашей поѣздки и настоящей аудіенціи.

Эти подробности не входятъ въ программу настоящихъ очерковъ; онѣ займутъ свое мѣсто въ большомъ полномъ изданіи трудовъ экспедиціи, а пока я ограничусь только результатами переговоровъ, результатами самыми желанными для насъ и для нашего дѣла.

Оказалось, что эмиръ на все согласенъ. Ни одного вопроса, ни одного предложенія нашего не осталось безъ утвердительнаго отвѣта: но эти утвердительные отвѣты,—по крайней мѣрѣ, это мое личное впечатлѣніе, не носили и тѣни искренности. Въ этихъ отвѣтахъ звучали скорѣе скука, какъ-бы желаніе отъ насъ поскорѣе отдѣлаться, а то такъ и злая иронія: «что, молъ, вы ко мнѣ пристаете и просите, когда имѣете полное право приказывать?.. развѣ я, молъ, въ такомъ положеніи теперь, съ своимъ ослабленнымъ ханствомъ, вполнѣ зависимомъ отъ васъ, русскихъ, чтобы могъ вамъ хотя въ чемъ-нибудь противорѣчить?»

Даже на такой вопросъ: «думаетъ-ли высокостепенный эмиръ, что соединеніе Бухары съ Россіею, путемъ рельсовъ и телеграфной проволокою послужитъ ко благу ханства и къ еще большему скрѣпленію дружбы между двумя державами?»—эмиръ отвѣчалъ:—«конечно, да, если это угодно Аллаху и генералу Кауфману,—его первому и старшему другу,—да продлитъ Богъ его жизнь на многія лѣта!»

Наконецъ, матеріалъ для разговоровъ истощился. Настала опять легкая пауза, и, словно сговорившись, самъ эмиръ и мы всѣ одновременно приподнялись съ своихъ мѣстъ.

Опять рукопожатіе по-очереди, и мы стали гуськомъ выбираться изъ аудіенцъ-залы. Мирохуръ и Шагауль ждали насъ за порогомъ и, вмѣстѣ съ нами, опять пошли черезъ дворъ; но оба сановника на этотъ разъ прошли довольно большое пространство двора пятясь задомъ и также согнувшись въ три погибели.

— Эмиръ очень, очень доволенъ вами,—сообщилъ намъ шепотомъ юркій Зейлинъ-динъ.

За порогомъ двора намъ сообщили, что эмиръ проситъ насъ къ столу, но что, по случаю праздника долженъ идти въ мечеть и отказать себѣ въ удовольствіи кушать вмѣстѣ съ нами.

Отсюда насъ провели въ другую саклю, тоже выходящую дверьми—окнами на дворъ, но убранную гораздо роскошнѣе первой: здѣсь и потолокъ, и стѣны, все было покрыто разноцвѣтными узорами и позолотою; посреди сакли стоялъ столъ, накрытый красною матеріею, заставленный сплошь блюдами съ кушаньемъ и дессертомъ, вокругъ стола табуреты, крытые тоже красною матеріею;—и опять ровно по счету членовъ миссіи.

Признаться сказать, мы успѣли проголодаться порядочно и оказали честь кухнѣ высокостепеннаго эмира.

Между тѣмъ, отсутствовавшій гдѣ-то, Шагауль-баши опять явился съ сіяющимъ лицомъ и сообщилъ намъ, что подарки наши очень понравились эмиру, что особенно ему пришлась по вкусу эмалированная стопка, такъ что онъ немедленно послалъ за придворнымъ ювелиромъ и велѣлъ придѣлать къ ней крышку въ томъ-же вкусѣ.

Пока мы завтракали, въ сосѣдней саклѣ появились люди, тащившіе громадные узлы въ кускахъ ситца; эти узлы внесены были къ намъ и передъ каждымъ изъ насъ положены на коврѣ. Мирохуръ, по очереди, развязывалъ каждый узелъ, въ которыхъ оказались сложенные аккуратно халаты, въ каждомъ узлѣ по девяти штукъ, пересчитывалъ содержимое и произносилъ: «это его высокостепенство эмиръ жалуетъ вамъ».

Вмѣстѣ съ этимъ, во дворѣ, раздался стукъ конскихъ копытъ и передъ раскрытыми настежь дверьми потянулась вереница лошадей, ведомыхъ каждая двумя конюхами. Всѣ лошади были осѣданы, покрыты парчевыми и малиновыми бархатными попонами, вышитыми шелками, золотою и серебряною мишурою и блестками. Уздечки и ремни сбруи блестѣли тоже серебромъ, бирюзою и сердоликами.

Ту-же фразу говорилъ, по-очередно, Мирахуръ, когда этихъ разубранныхъ коней проводили, на мгновеніе останавливая, передъ нашей дверью.

Вся эта картина была чрезвычайно оригинальна и эффектна; она дышала какою-то театральностью, точно смотришь на какой-нибудь фантастическій балетъ, съ волшебными процессіями и превращеніями.

Посидѣвъ еще съ полчаса и напившись чаю, мы направились къ выходу, гдѣ насъ ожидали наши собственные кони и конвой. По этикету слѣдовало одѣть на плечи подаренные эмиромъ халаты, сѣсть на этихъ убранныхъ коней и въ такомъ видѣ двигаться по улицамъ Карши; но русскіе давно уже ввели въ порядкахъ эмировскаго дворца нѣкоторыя исключенія, въ числѣ которыхъ и право не напяливать поверхъ мундира или чернаго сюртука жалованное азіатское одѣяніе.

При выходѣ Мирохуръ заявилъ намъ, что отсюда мы поѣдемъ уже главнымъ базаромъ, такъ какъ эмиръ желаетъ, чтобы весь народъ видѣлъ его «дорогихъ» гостей и порадовался-бы нашему пріѣзду вмѣстѣ съ своимъ властителемъ.

Мы тронулись церемоніально, по направленію къ главному базару.

(Продолженіе будетъ).

А. П. Ленскій

артистъ ИМПЕРАТОРСКОЙ московской драматической труппы.

Александръ Павловичъ Ленскій родился въ Москвѣ 1-го октября 1847 года. Дѣтство провелъ онъ въ семьѣ извѣстнаго артиста Полтавцева, у котораго почти еженедѣльно собирались лучшіе артисты того времени и почти всѣ крупныя тогдашнія силы нашего литературнаго міра. Ребенокъ, забившись въ уголокъ гостинной, прислушивался къ сужденіямъ гостей своего воспитателя о театрѣ, часто посѣщалъ спектакли, бредилъ ими, но у него не зарождалось мысли самому поступить на сцену; объ этомъ онъ не осмѣливался мечтать и готовилъ себя къ художественной карьерѣ, къ которой чувствовалъ призваніе и показывалъ большія способности, но и въ этомъ направленіи мальчику не дано было никакихъ положительныхъ знаній. Вообще его образованіемъ почти совсѣмъ не занимались, оно было, по выраженію самого артиста, «какое-то черезполосное»; то его учили всему, набивали голову всѣмъ, что въ то время считалось нужнымъ для образованнаго человѣка, то оставляли на произволъ судьбы и не занимались имъ по цѣлымъ годамъ. При такихъ-то обстоятельствахъ выросъ и достигъ 19-тилѣтняго возраста Александръ Павловичъ. Въ это время здоровье Полтавцева надломилось, и молодой человѣкъ рѣшилъ, во что-бы то ни стало, не отягощать собой своего воспитателя. Раздумывая, какъ-быть съ собой, Ленскій не могъ придти ни къ какому заключенію,—куда ни думалъ онъ поступить, всюду требовалась извѣстная подготовка; гдѣ-же ея не было нужно, къ такимъ занятіямъ не лежала душа молодаго человѣка. И вотъ онъ рѣшается поступить на сцену, ѣдетъ съ ничтожными средствами во Владиміръ и предлагаетъ себя тамошнему антрепренеру Огареву на роли безъ рѣчей. Первый выходъ Ленскаго состоялся въ 1866 г., въ пьесѣ «Игра счастія», въ роли слуги. «Я не чувствовалъ подмостковъ подъ собой», говоритъ артистъ: «мнѣ казалось, что всѣ глаза обращены на меня и что я изъ ничтожества, изъ ничего незначащей личности, вдругъ обратился во что-то такое, имѣющее значеніе и далеко не малозначущее». Этимъ спектаклемъ судьба Александра Павловича была рѣшена,—онъ еще болѣе пристрастился къ сценическому искусству и отдался ему со всей горячностью молодой пѣльной натуры. Черезъ годъ онъ перешелъ въ Нижній, къ Смалькову, и занялъ у него амплуа комическихъ стариковъ; здѣсь онъ женился на артисткѣ нижегородскихъ театровъ, Аннѣ Петровнѣ Сорокиной. Перейдя въ труппу Разсказова, онъ, по совѣту этого лучшаго провинціальнаго антрепренера, перемѣнилъ амплуа и взялъ на себя роли jeune premier, и въ нихъ, впервые, артистъ показалъ силу своего таланта. Скоро онъ сдѣлался извѣстнымъ провинціальнымъ антрепренерамъ, и предложенія, одно выгоднѣе другаго, являлись со всѣхъ сторонъ. Ленскій исколесилъ почти всю Россію, вездѣ вызывая восторгъ и самые сочувственные от-

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 581.] Годъ XII. 23 Февраля 1880 года. [Томъ XXIII. № 9.

Масляница. — Въ балаганахъ на 15-ти копѣечныхъ мѣстахъ.

(Рисовалъ А. Бальдингеръ).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Новости наукъ и цивилизаціи.

Придворныя извѣстія.

Въ «Пр. Вѣстн.» напечатаны слѣдующія свѣдѣнія о состояніи здоровья Ея Величества Государыни Императрицы за время отъ 13-го по 19-е февраля. Въ состояніи здоровья Ея Величества въ теченіи прошлой недѣли рѣзкихъ перемѣнъ не наблюдалось. Всѣ болѣзненные припадки держались въ обычной степени, представляя очень небольшія колебанія. Къ концу недѣли температура была нѣсколько выше предыдущихъ дней, кашель усилился и стали появляться небольшія разстройства пищеваренія. Апетитъ нѣсколько уменьшился. Сердцебіеніе безпокоило значительно меньше прежняго; сонъ очень порядочный; силы держатся.

Е. И. В., генералъ-фельдмаршалъ, Государь Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій изволилъ возвратиться изъ-за границы въ С.-Петербургъ 16-го февраля.

— **Е. К. В.** герцогъ Эдинбургскій изволилъ прибыть 16-го февраля въ С.-Петербургъ.

Правительственныя распоряженія.

Е. И. В. Великій Князь Алексѣй Александровичъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству.

— **Командиръ** 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, свиты Его Величества генералъ-маіоръ, е. в. принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

— **1880** года февраля 19-го, статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта, предсѣдатель комитета министровъ, кавказскаго комитета и коммиссіи прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Валуевъ, въ воздаяніе важныхъ его заслугъ Престолу и Отечеству, возведенъ съ нисходящимъ его потомствомъ въ графское Россійской Имперіи достоинство.

Судебная лѣтопись.

20-го февраля, какъ извѣстно, совершено было покушеніе на жизнь главнаго начальника верховной распорядительной коммиссіи. Въ виду наличности преступнаго событія и поимки злоумышленника, было тотчасъ-же приступлено къ дознанію и къ производству предварительнаго слѣдствія черезъ судебнаго слѣдователя, въ присутствіи исправляющаго должность прокурора с.-петербургской судебной палаты. Вечеромъ того-же дня слѣдствіе было окончено, и злоумышленникъ, оказавшійся мѣщаниномъ города Слуцка, Минской губерніи, Ипполитомъ Осиповымъ *Млодецкимъ*, преданъ былъ военному суду.

С.-петербургскій военно-окружный судъ открылъ засѣданіе 21-го февраля, въ 10½ часовъ утра. Подсудимый, въ данныхъ имъ суду объясненіяхъ, не отвергъ того, что онъ сдѣлалъ въ генералъ-адъютанта графа Лорисъ-Меликова выстрѣлъ, съ цѣлью лишить его жизни. По выслушаніи рѣчей военнаго прокурора и назначеннаго подсудимому защитника, судъ, въ часъ по полудни, объявилъ приговоръ, присуждающій Млодецкаго къ смертной казни чрезъ повѣшеніе.

Приговоръ этотъ, утвержденный въ установленномъ порядкѣ, приведенъ въ исполненіе 22 го февраля на Семеновскомъ плацу, въ 11 часовъ утра.

Пути сообщенія.

29-го (17) февраля окончено прорытіе туннеля Сенъ-Готардъ.

Геологія.

Судя по извѣстіямъ отъ 5-го февраля, на Кубѣ и въ разныхъ мѣстахъ Мексико были слышны подземные удары.

Некрологъ.

14 февраля скончался предсѣдатель главнаго военнаго суда, генералъ отъ инфантеріи Александръ Логиновичъ **Данзасъ**.

Астрономическій Календарь

(съ 1—15 марта 1880 года).

Мартъ.	Средн. время въ ист. полд.	въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. Восход. солнца.	Заход. солнца.	Восход. луны.	Заход. луны.	въ МОСКВѢ. Восход. солнца.	Заход. солнца.	Восход. луны.	Заход. луны.
	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.	ч. м.
1	12 9.5	6 22	5 58	6 12у	9 49в	6 20	6 0	6 26у	9 31в
3	12 8.9	6 16	6 3	6 30	—	6 15	6 4	6 57	—
5	12 8.6	6 10	6 8	7 14	1 50у	6 11	6 8	7 54	1 10
7	12 7.8	6 4	6 13	8 56	3 37	6 5	6 12	9 35	2 55у
9	12 7.2	5 58	6 18	11 32	4 26	6 0	6 16	11 57	3 57
11	12 6.6	5 52	6 23	2 25в	4 47	5 54	6 21	2 35в	4 32
13	12 6.0	5 46	6 28	5 26	5 0	5 48	6 25	5 23	4 57
15	12 5.3	5 40	6 33	8 40	5 13	5 43	6 29	6 22	5 23

Солнце 8-го марта вступаетъ въ знакъ Овна—начало весны.

Луна въ первой четверти 7-го, въ полнолуніи 14-го марта.

Петербургъ. Н. С. Если разговоры ваши похожи на стихи то «Дорогое созданье, которое спитъ сладкимъ сномъ непознанья», вѣроятно радо, что вамъ не удается «зажечь разговоръ»

Ярославль. М. М. Д — у. Ахъ, вы, несчастный! За что Богъ наслалъ на васъ такую кару: «Душа ваша мрачна, какъ хладная могила, сердце гложетъ тоска, пѣсенъ звуки тревожатъ вашихъ кипучихъ ранъ муки, сердце ноетъ и тоскою мрачной душу кроетъ, а въ больной надорванной груди горитъ мучительный огонь». Какъ вы еще живы!

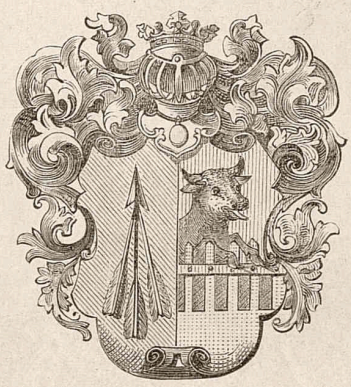
Москва. Р. С. Мы дали больше, чѣмъ обѣщали.

Тула. А. К. П. Постараемся исполнить ваше желаніе.

Минскъ. Объ этомъ было уже у насъ напечатано.

Москва. С. Въ слѣд. нумерѣ.

Генеалогія и Геральдика.

Гербъ дворянъ Валуевыхъ.

Родъ Валуевыхъ литовскаго происхожденія, и предокъ ихъ, знатный литовскій уроженецъ, по имени Окатья Волъ, прибылъ въ Россію въ началѣ четырнадцатаго столѣтія и принялъ здѣсь православную вѣру. У этого Окатья Воля были два сына, изъ которыхъ старшій, Василій Окатьевичъ Волуй, служилъ окольничьимъ при великомъ князѣ Симеонѣ Гордомъ и въ качествѣ свидѣтеля подписывалъ договоръ этого великаго князя съ братьями, а младшій сынъ, Иванъ Окатьевичъ Волуй или Волуй Окатьевичъ, былъ воеводою при войскахъ Дмитрія Донскаго и убитъ въ сраженіи на Куликовомъ полѣ. Въ томъ-же сраженіи убитъ и сынъ Василья Окатьевича, Тимоѳей Васильевичъ Волуевъ, предводительствовавшій полками Владимірскимъ и Юрьевскимъ. Имя Тимоѳея Васильевича записано на вѣчное поминовеніе въ синодикѣ московскаго Успенскаго собора и отъ него происходятъ дворяне Валуевы. Одинъ изъ потомковъ Тимоѳея Васильевича, Матвѣй Ивановичъ Валуевъ, находился въ числѣ дѣтей боярскихъ, сопровождавшихъ въ Литву дочь Іоанна Великаго, княжну Елену Іоанновну извѣсту литовскаго великаго князя Александра, въ 1495 году. Другой Валуевъ, Григорій Петровичъ, въ 1514 году заключилъ въ Новгородѣ, отъ имени великаго князя Василія Іоанновича, договоръ съ послами семидесяти ганзейскихъ городовъ. Подъ приговоромъ земской думы 2-го іюля 1566 года, о войнѣ съ Польшею, подписался также одинъ изъ Валуевыхъ, сынъ боярскій Суздальскаго уѣзда. У этого Ѳедора Степановича были сыновья Михайло и Никита Ѳедоровичи, внукъ Григорій Михайловичъ, правнукъ Андрей Григорьевичъ и праправнукъ Степанъ Андреевичъ Валуевы. Въ зимнемъ казанскомъ походѣ 1550 года убитъ Валуевъ Григорій Андреевичъ, и имя его записано въ синодикѣ московскаго Успенскаго собора на вѣчное поминовеніе. У него остались два сына, Леонтій Григорьевичъ и Прокофій Григорьевичъ, изъ которыхъ первый, Леонтій, выдерживалъ осаду отъ ливонскихъ рыцарей въ замкѣ Левенгарденѣ въ 1578 г., вмѣстѣ съ княземъ Елецкимъ, потомъ былъ намѣстникомъ въ Бѣлой—въ 1580 и 1581 годахъ, воеводою въ Невлѣ—съ 1582 по 1584 г. У Леонтія и у Прокофія осталось по одному сыну: Григорій Леонтьевичъ и Борисъ Прокофьевичъ; Григорій Леонтьевичъ вмѣстѣ съ Пв. Вас. Воейковымъ убилъ, въ маѣ 1606 года, перваго Лжедимитрія, потомъ находился въ числѣ воеводъ при князѣ Михаилѣ Васильевичѣ Скопинѣ-Шуйскомъ и подъ Волоколамскомъ разбилъ польскаго вождя Романа Рожинскаго. Въ 1619 году онъ былъ въ числѣ воеводъ, защищавшихъ Москву отъ нашествія польскаго королевича Владислава, позднѣе былъ воеводою въ Вязьмѣ и затѣмъ въ Астрахани. У Григорія Леонтьевича былъ одинъ сынъ Иванъ, съ которымъ и пресѣклось его потомство, такъ какъ у Ивана Григорьевича были только двѣ дочери и не было дѣтей мужскаго пола; одна изъ этихъ дочерей вышла замужъ за князя Мещерскаго, а другая за Карамышева. Родъ Валуевыхъ продолжался черезъ сына Бориса Прокофьевича, Семена Борисовича, который оставилъ четырехъ сыновей: двухъ Ивановъ, Ѳедора и Тимоѳея. Послѣдніе два не оставили потомства, а у обоихъ Ивановъ осталось по одному сыну: у старшаго Миронъ, а у младшаго Иванъ. Изъ трехъ сыновей Мирона Ивановича (Патрикій, Иванъ и Степанъ) Степанъ былъ хорошимъ инженеромъ и дослужился до генералъ-маіорскаго чина. Старшій сынъ его, Михайло Степановичъ, былъ убитъ въ 1771 году при взятіи Бендеръ, а второй сынъ, Петръ Степановичъ, находился оберъ-церемоніймейстеромъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, потомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, затѣмъ (въ царствованіе императора Александра I) сенаторомъ и главнымъ начальникомъ московской кремлевской экспедиціи и оружейной палаты, кавалеромъ св. Александра-Невскаго и св. Владиміра 1-й степени. Онъ былъ женатъ на Дарьѣ Александровнѣ Кошелевой и скончался въ 1814 году. Сестра его, Марія Степановна, вышла замужъ за Жеребцова и, кромѣ того, онъ имѣлъ еще двухъ братьевъ, Михаила Степановича и Алексѣя Степановича. У Петра Степановича было девятеро дѣтей,—сыновья: Петръ Петровичъ Валуевъ, убитый подъ Бородинымъ, Александръ Петровичъ (женатъ былъ на дѣвицѣ фонъ деръ-Бринкенъ, впослѣдствіи за Фелькерзамомъ), Павелъ Петровичъ и Степанъ Петровичъ; дочери: Екатерина (камеръ-фрейлина), Анна, Софія, Анастасія и Прасковья (за Ник. Ив. Аксаковымъ) Петровны. Петръ Александровичъ Валуевъ, нынѣ предсѣдатель комитета министровъ,—старшій сынъ Александра Петровича, былъ женатъ на княжнѣ Маріи Петровнѣ Вяземской, скончавшейся въ 1847 году, и отъ нея имѣетъ дѣтей.

Гербъ дворянъ Валуевыхъ помѣщенъ въ 1-й части общаго россійскаго гербовника, на стр. 38: щитъ раздѣленъ перпендикулярно на два поля: правое зеленое, и въ немъ три золотыя стрѣлы, соединенныя остріями и обращенныя вверхъ; лѣвое поле красное, и въ немъ справа выходитъ золотой волъ и передними ногами упирается въ золотую рѣшетку. Наметъ справа зеленый, слѣва красный, подложенъ золотомъ; щитъ держатъ два льва съ поднятыми хвостами.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

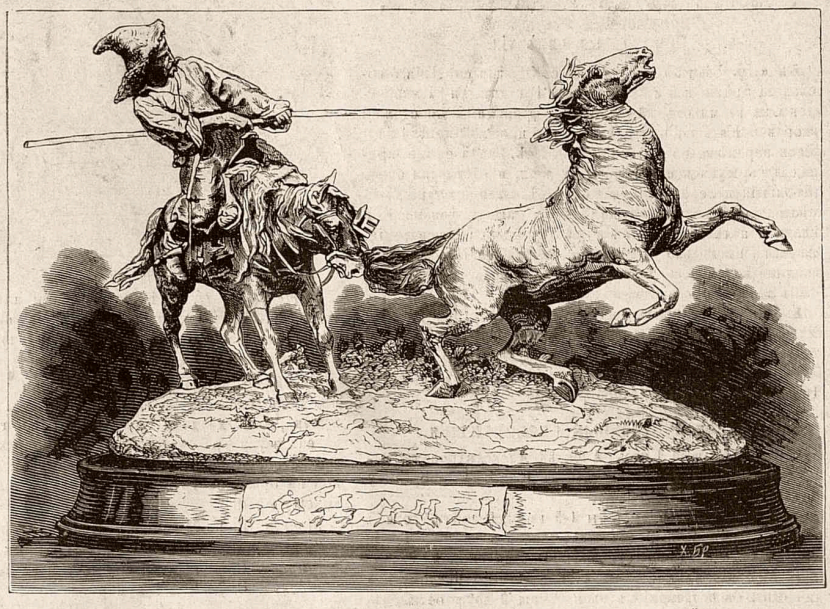
II.

(Продолженіе).

Крытые своды громаднаго базара защитили насъ отъ палящихъ лучей полуденнаго солнца. Базарная улица была запружена народомъ, и кортежъ двигался еще медленнѣе, чѣмъ когда мы ѣхали во дворецъ. Справа и слѣва тянулся рядъ всевозможныхъ лавокъ, расположенныхъ группами по своимъ спеціальностямъ: сначала лавки мясниковъ, распространяющія острый, бьющій въ носъ запахъ крови и ободраннаго мяса, далѣе груды дынь, арбузовъ и всякихъ фруктовъ, затѣмъ лавки съ красными товарами, задрапированными, ради вывѣски, кусками краснаго кумача; потомъ—сѣдельные и шорные магазины, входы въ которые были обвѣшаны всевозможною сбруею, сѣдлами, чепраками и проч.; за шорниками, слѣдовали, ювелиры и мѣдники; красиво чеканенные, изящной легкой формы кунчаны, мѣдные умывальные тазы, блюда, подносы, кальяны, все это сверкало и золотилось на солнцѣ, особенно, когда сквозь дырья навѣса проскользнетъ его яркій лучъ и разыграется, разсыплется на этихъ грудахъ металлической посуды. «Чай-хане» расположились на каждомъ перекресткѣ, на каждомъ поворотѣ—тамъ кипѣли, въ облакахъ пара, колоссальные самовары тульской работы, тамъ суетились мальчики въ красныхъ долгополыхъ рубахахъ, разнося угощеніе сѣдобородымъ, чалмоноснымъ посѣтителямъ этихъ азіатскихъ кафересторановъ. Изъ боковыхъ щелей переулковъ, куда едва могъ-бы протиснуться одинокій всадникъ, доносился чадный запахъ горѣлаго кунжутнаго масла, тамъ варился пловъ и готовились «зембузи» и пельмены; оттуда выбѣгали разносчики съ подносами горячихъ, только что вынутыхъ изъ печки лепешекъ... Въ воздухѣ стоялъ цѣлый хаосъ звуковъ... Говоръ, крикъ, перебранки, ревъ верблюда, озлобленное ржаніе лягающагося жеребца, крики ословъ, завываніе мулы или странствующаго факира-дувана—юродиваго... А наверху, надъ головами—воркованіе и хло-

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

панье крыльевъ милліоновъ голубей, пріютившихся на жердяхъ и перекладинахъ базарныхъ навѣсовъ.

Когда мы прибыли домой, на посольскій дворъ, тамъ уже ожидали насъ и наши жалованные кони и свертки халатовъ.

Всѣ мы чувствовали себя утомленными до-нельзя и нуждались въ отдыхѣ; болѣе всего утомило насъ, конечно, эти наши мундиры и суконное платье, вовсе уже не приспособленное къ мѣстному климату, особенно въ такую жаркую пору.

Не безъ наслажденія разошлись мы по своимъ саклямъ, отказавшись отъ приготовленнаго для насъ здѣсь обѣда, повтореніе того-же эмировскаго завтрака.

Вечеромъ, когда прохлада смѣнила невыносимый дневной жаръ, насъ ожидало новое удовольствіе. По приказанію эмира, у насъ во дворѣ устроена была, такъ называемая, «томаша» (зрѣлище), состоявшее изъ пляски бачей и театральнаго представленія, съ хорами пѣвцовъ и музыкантовъ.

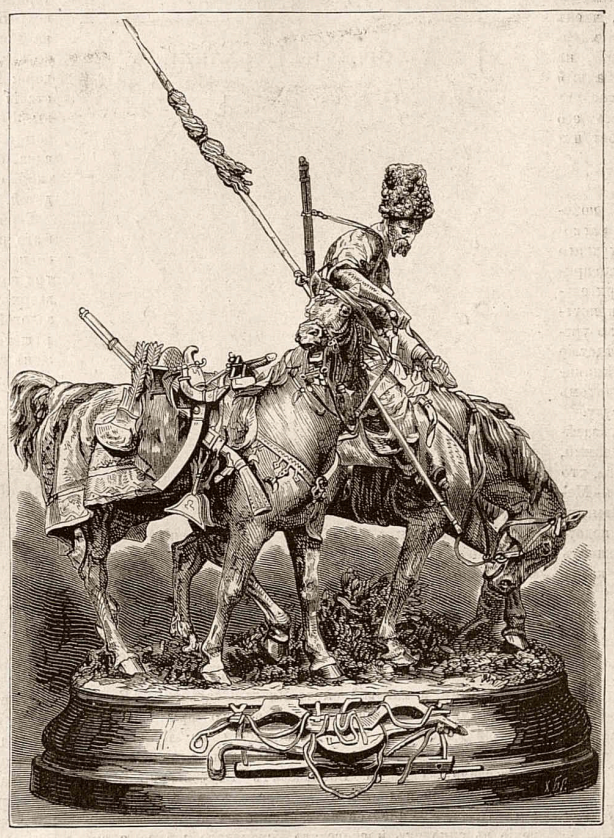
За часъ до солнечнаго заката начались приготовленія. Этими приготовленіями завѣдывалъ все тотъ-же бойкій и юркій Мирахуръ. Принесены были ковры и ими устланъ весь дворъ; затѣмъ появились рабочіе съ пачками сальныхъ свѣчей и стали прилѣплять эти свѣчи по всѣмъ линіямъ карнизовъ и подъ арками верхней веранды; кромѣ того, эмиръ прислалъ изъ своего дворца сотни двѣ стеклянныхъ и бумажныхъ фонарей, и все это, едва только наступила темнота, загорѣлось безчисленными огнями, заражая воздухъ запахомъ сала и копотью.

Во дворъ къ намъ забралось не малотаки и постороннихъ зрителей, кромѣ приглашенныхъ, и вдоль стѣнъ, на обоихъ балконахъ, даже на верху, на крышѣ, вездѣ расположились тѣсныя группы любопытныхъ. Высшіе сановники эмира заняли мѣста вмѣстѣ съ нами, на главной площадкѣ, возвышающейся надъ площадью двора аршина на два.

Сперва появились музыканты и заняли свои мѣста на коврахъ, сѣвши въ два ряда, на корточкахъ; эти музыканты раздѣлились на двѣ группы: одна съ бубнами и горшками обтянутыми кожею, для аккомпанимента плескѣ бачей, расположилась какъ разъ противъ насъ; другая, такъ называемая кашгарская музыка съ инструментами струнными, вродѣ нашихъ балалаекъ и кавказскихъ «саазовъ», усѣлась нѣсколько поодаль; въ этой второй группѣ находились и пѣвцы, исполнители народныхъ мотивовъ и легендъ съ историческою подкладкою, положенныхъ на стихи, изъ рода въ родъ передаваемые наслѣдственно, но, увы, почти нигдѣ не записанные,—ни въ старыхъ, ни въ новыхъ книгахъ среднеазіатской рукописной литературы.

Представленіе началось пляскою двухъ бачей, которыхъ вынесли на рукахъ изъ боковой двери. Оба мальчика были одѣты въ длинныя красныя рубахи, до самаго пола, подпоясанныя ниже белеръ, цвѣтными платками, изъ подъ ихъ маленькихъ тюбетеекъ (шапочекъ) выбивались длинные волосы, заплетенные въ косички; сверхъ рубахъ на плечи были накинуты халаты, на одномъ свѣтло-лиловый шелковый, на другомъ, пестрый, узорный.

Бачи были усердно набѣлены и нарумянены, глаза ихъ подведены черною краскою, концы ногтей и ладони рукъ подкрашены мареною.

Нѣсколько бронзовыхъ группъ Лансерэ, исполненныхъ заводомъ Г. Шопэна въ С.-Петербургѣ.

При появленіи первой пары плясуновъ воздухъ огласился привѣтственными криками зрителей, но эти крики тотчасъ-же были заглушены грохотомъ литавръ и бубновъ, невозможнымъ пѣніемъ музыкантовъ; невозможно было разобрать мелодію этихъ дикихъ звуковъ; европейскому уху понятенъ и доступенъ былъ только размѣръ, въ три такта, которымъ и начали батчи свою пляску.

Сперва они мѣрно обошли кругъ, одинъ на встрѣчу другаго, размахивая надъ головою длинными рукавами своихъ рубахъ; затѣмъ движенія ихъ стали все чаще и чаще, они выгибались всѣмъ тѣломъ назадъ, крутились словно красные волчки, крутились на кончикахъ босыхъ ногъ, на колѣняхъ, крутились до пота, крупными каплями выступавшаго на ихъ лицахъ. Музыканты надрывались, не щадя ни рукъ, ни инструментовъ; зрители ревѣли отъ восторга, и то и дѣло изъ ихъ толпы выскакивали особенные любители то съ чашкою чая въ рукахъ, давая прихлебнуть на лету усталому бачѣ, то съ платкомъ, вытирая на его лбу струящійся потъ...

За этою парою плясуновъ появилась вторая пара, лучшаго разбора; около этихъ бачей появились «машкарабазы», актеры-комики; у каждаго было по свѣчѣ въ рукахъ, и они слѣдили за каждымъ движеніемъ плясуна, освѣщая его лицо, суя чуть не подъ самый носъ оплывающую отъ жара сальную свѣчку. Эти машкарабазы выдѣлывали при этомъ своими туловищами самые циничныя, не подходящія ни подъ какое описаніе движенія,—изображая при этомъ на своихъ физіономіяхъ нелѣпость и удивленіе ловкости и красотѣ танцоровъ. Одинъ изъ бачей, талантъ безспорно крупный въ своемъ родѣ, блисталъ такимъ знаніемъ нецензурной мимики, что навѣрное заставилъ-бы позавидовать себѣ любую европейскую развратницу... Становилось просто противно смотрѣть на эти невозможно-циничныя кривленія.

Эти танцы смѣнили кашгарскіе музыканты, за ними опять пляска бачей, но уже особый весьма граціозный танецъ,—какъ называлъ намъ Мирахуръ, видимо большой знатокъ этого дѣла,—маврійскій.—Затѣмъ появились машкарабазы... Это собственно клоуны-комики, разыгрывающіе короткія сценки, часто даже съ случайнымъ участіемъ кого-нибудь изъ зрителей; содержаніе этихъ сценъ по большей части тоже до-нельзя скабрезное хотя и не лишено извѣстной степени юмора и даже, если хотите, сатирическаго характера.

Пляска бачей, пѣніе хоромъ и по-одиночкѣ, сцены машкарабазовъ, все это шло, смѣняясь и повторяясь съ однообразіемъ, начинающимъ уже порядочно надоѣдать. Мы положительно не знали, какъ намекнуть любезному Мирахуру, что пора-бы и кончить, что мы, молъ, и такъ много довольны; но весь спектакль такъ замѣтно нравился сановникамъ эмира и всѣмъ зрителямъ, восторгъ ихъ былъ такъ искрененъ и неподдѣленъ, что мы никакъ не рѣшались просить о прекращеніи зрѣлища и досидѣли такимъ образомъ почти до разсвѣта, когда утомленные плясуны едва уже передвигали свои ноги, а пѣвцы и музыканты потеряли голосъ, завывая уже не своими голосами.

Бачи, актеры и музыканты получили отъ насъ разные мелкіе подарки и халаты и убрались по домамъ; Мирахуръ и Шагауль пожелали намъ спокойной ночи и полюбопытствовали, есть-ли что-нибудь подобное у насъ въ Россіи. Толпы народа стали очищать балконы и дворы, расходясь въ восторгѣ отъ всего видѣннаго и слышаннаго.

Посольскій дворъ опустѣлъ, и по немъ снова заходилъ часовой съ ружьемъ, мѣрно шагая изъ угла въ уголъ, отъ одного входа до другаго. На другой день мы предполагали выѣхать изъ Каршы, но наши предположенія не сбылись. Насъ задерживали подъ разными благовидными предлогами, а между тѣмъ не выпускали съ посольскаго двора, когда мы заявляли о своемъ желаніи побывать на базарѣ, купить что-нибудь изъ издѣлій мѣстныхъ мастеровъ: намъ тотчасъ-же приносили все это на домъ.

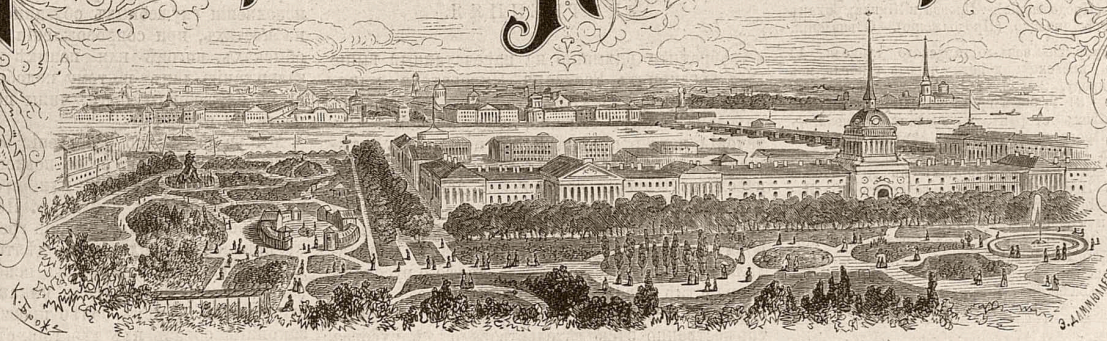
Наконецъ, только на третьи сутки пребыванія нашего въ Каршы мы могли тронуться съ мѣста и выступили двѣнадцатаго августа, въ девять часовъ утра.

Мирахуръ-Зейль-Динъ проводилъ насъ до городской черты и передалъ изъ рукъ въ руки мѣстнымъ аксакаламъ и амлякдарамъ того участка, территорію котораго мы должны были проходить. Съ этихъ поръ насъ такъ и передавали изъ рукъ въ руки, отъ одного амлякдара къ другому.

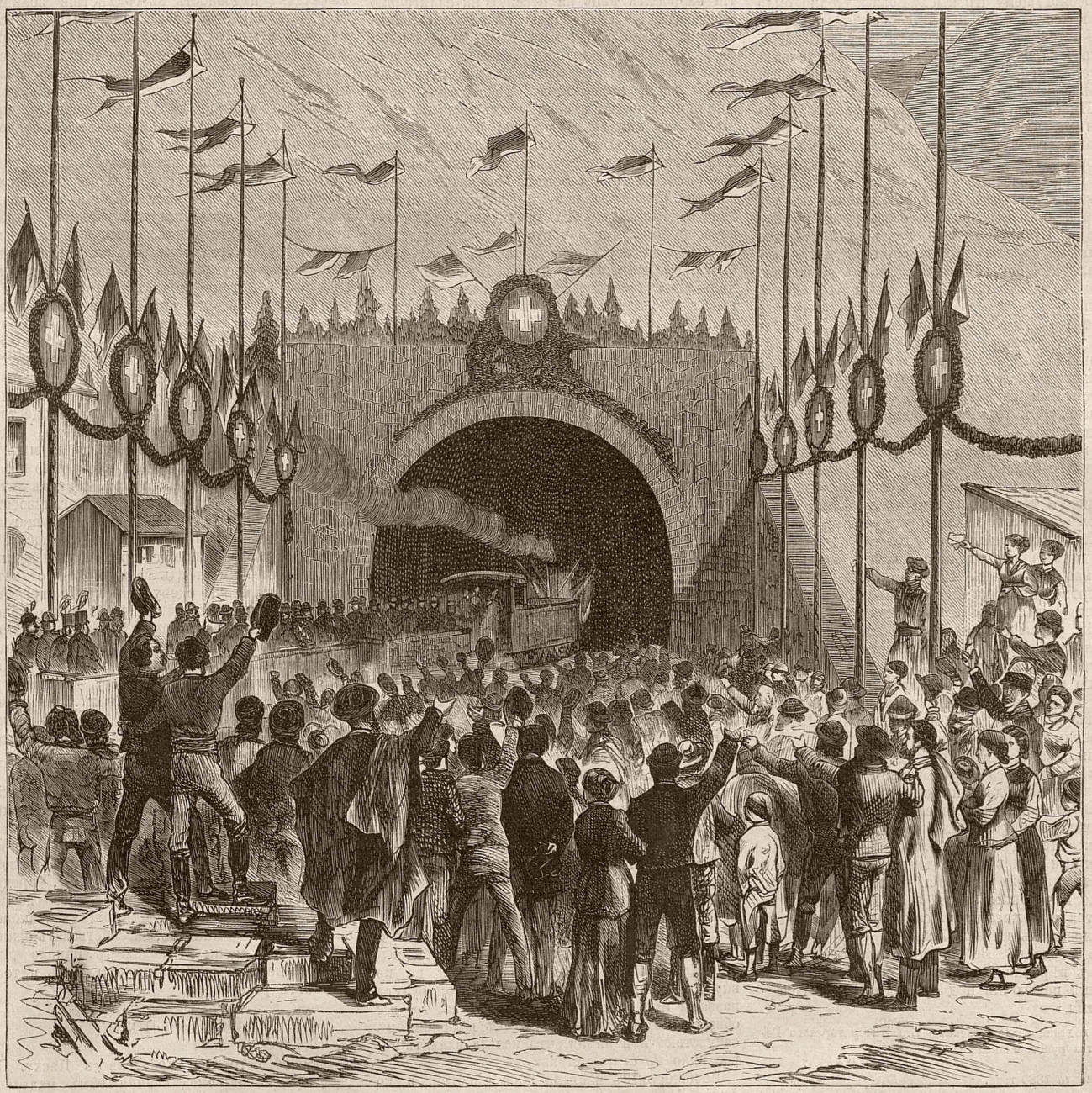
Н. Карязинъ.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 584.] Годъ XII. 15 Марта 1880 года. [Томъ XXIII. № 12.

Прорытіе сенъ-готтардскаго туннеля. — Первый поѣздъ инспекціи дороги черезъ туннель, изъ Гешенена въ Айролу, 2-го марта.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

конъ. Для этого взяли толстаго Яна, съ ослиной маской на головѣ и съ харей, нарисованной на спинѣ, и подняли его на руки, чтобы онъ могъ руками схватиться за перила балкона. Но осажденные не дремали и предвидѣли подобную хитрость. Онѣ не истратили еще всего запаса своей мучной картечи, на что разсчитывали уроды, и какъ только Янъ съ длиннымъ ушами былъ поднятъ, на него опрокинули цѣлыми коробками мучныя лепешки, засыпавъ не только его ослиную голову, но и всѣхъ его сподвижниковъ. Янъ уже не думаетъ нападать, а, прикрывая лѣвою рукою глаза, вопитъ во все горло, умоляя товарищей скорѣе опустить его на землю, чтобы отряхнуться.

Въ это-же время одинъ хитрый инженеръ уродовъ вымустилъ на веревочкѣ гуттаперчевый пузырь, вымазанный клеемъ, съ насыпанной на него мукой, и подвелъ его къ части балкона, прикрытой ковромъ, разсчитывая, что пузырь незамѣтно ткнется въ лицо какой нибудь зазѣвавшейся амазонкѣ. Но амазонки не зѣваютъ, хотя правда, что, отталкивая пузырь, имъ приходится пачкаться объ него, такъ какъ коварный инженеръ ловко управляетъ имъ и не даетъ схватить и оторвать отъ веревочки.

Въ самое горнило этой маскарадной суматохи, попалъ мосье Доберъ, старый холостякъ лѣтъ за сорокъ, неутомимый волокита. Еще до прихода процессіи уродовъ, онъ явился подъ балконъ, разодѣтый по послѣдней модѣ, съ моноклемъ въ одномъ глазу и и съ зонтикомъ въ рукѣ, на случай перестрѣлки лепешками, чтобы прикрыть свой цилиндръ. Стоя подъ балкономъ, онъ разсыпался въ любезностяхъ передъ цѣлымъ букетомъ антверпенскихъ красавицъ, надѣясь уйти во время, какъ только завидитъ процессію уродовъ. Но коварныя амазонки рѣшили иначе. Онѣ завлекли его своими шутками и многообѣщающими намеками, передъ которыми старый селадонъ растаялъ и зазѣвался до того, что неожиданно былъ застигнутъ толпою масокъ и попалъ въ самую середину баталіи. Забывъ уже о необходимости сохранять приличный видъ и думая только о спасеніи своего цилиндра, мосье Доберъ, не успѣвъ распустить зонтика, сталъ прикрывать голову руками и проталкиваться изъ толпы на свободу. Онъ былъ очень жалокъ и смѣшенъ въ эту минуту, и во всякое другое время на вѣки потерялъ-бы репутацію неотразимаго донъ-Жуана, но, къ счастью, амазонки о немъ забыли, занятыя отраженіемъ штурма.

Подобно мосье Доберу, въ суматоху попалъ и мосье Банъ, котораго какой-то длинноносый дуракъ грубо толкнулъ въ спину. Мосье Банъ круто повернулся и, подбоченившись, рѣзко вскрикнулъ:

— Надо быть осторожнѣе, милостивый государь!

— Ахъ ты Господи!—съ комической важностью отвѣтилъ уродъ.—Можно-ли сегодня обижаться за свою спину, когда эти прелести на балконѣ не обижаются даже за свои физіономіи, если получатъ лепешку въ носъ?

Но такіе мелкіе казусы не мѣшаютъ общему веселью продолжаться до конца.

— И что-же тутъ веселаго? — спроситъ какая нибудь русская барышня. — То-ли дѣло имѣть возможность написать ему:

Ты помнишь-ли тотъ день прекрасной,
Ты помнишь-ли тотъ темный кустъ,
Когда въ малинѣ, съ нѣгой страстной,
Сомкнулись двое жаркихъ устъ?

Да, это гораздо пріятнѣе. Но у всякаго свой вкусъ, и антверпенскія красавицы нисколько не теряютъ оттого, что умѣютъ веселится не только подъ темнымъ кустомъ, или подъ чернымъ домино, но и на открытомъ балконѣ.

Ар. Эвальдъ.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(*Продолженіе*).

Переходъ отъ города Карши до Гузара равняется шести ташамъ, т. е. около пятидесяти верстъ. Мы должны его сдѣлать въ одинъ день; на пути предполагается кратковременный привалъ въ кишлакѣ Яни-Кентъ.

Едва мы миновали Каршинскія предмѣстія, какъ передъ нами развернулась печальная, безжизненная и безводная панорама мѣстности, носящей, однако, слѣды искуственнаго орошенія и обработки; кое-гдѣ, по сторонамъ дороги, виднѣются кишлаки, но очень бѣдные, малонаселенные; у кишлаковъ, чахлыя, запыленныя группы деревьевъ; тамъ и тутъ исключительно тощія плантаціи джугары, изрѣдка хлопка, высохшіе до дна, безводные арыки и полувысохшіе, заплесневѣлые, издающіе отвратительный запахъ «хаузы» (прудики).

Здѣсь страшно свирѣпствуетъ часотка и другія на кожныя болѣзни, особенно если лѣто безводно, какъ нынѣшнее (мыться нечѣмъ, по неволѣ трудно быть чистоплотнымъ).

День жаркій; воздухъ наполненъ лесовою пылью; душный, не освѣжающій, но гнетущій васъ вѣтеръ налетаетъ шквалами, напоминая намъ джамскую стоянку

Безконечно долго тянулись эти четыре таша до Яникента, этого кишлака-кладбища, потому что этотъ пунктъ служитъ мѣстомъ погребенія для всѣхъ окрестныхъ жителей. Громадныя пространства усѣяны почти сплошь кучками сѣроватой глины—это могилы бѣдняковъ; изрѣдка возвышаются глинобитныя сооруженія въ видѣ саркофаговъ; кое гдѣ торчатъ шесты съ тряпками на концахъ,—могилы умершихъ отъ ранъ и павшихъ на боевомъ полѣ.

Рядомъ съ кладбищемъ довольно большой караванъ-сарай съ двумя жилыми саклями на переднемъ фасѣ, воротами между ними, маленькимъ прудикомъ посреди просторнаго двора, четырьмя тутовыми деревьями и въ тѣни ихъ небольшимъ четвероугольнымъ возвышеніемъ, на которомъ поставлена была кибитка, предназначенная для нашего отдыха. Здѣсь насъ ожидалъ завтракъ, а нашихъ усталыхъ, запыленныхъ коней—свѣжій кормъ.

Переждавъ въ Яни-Кентѣ самую жару, мы часовъ въ пять вечера тронулись въ путь, разсчитывая засвѣтло попасть въ Гузаръ, отстоящій отсюда не болѣе двадцати верстъ.

Подходя къ городу, мѣстность нѣсколько измѣнилась къ лучшему: впереди вырѣзываются синеватые силуэты горъ, а ближе, заслоняя видъ на Гузаръ, тянется цѣпь холмовъ,—вѣрнѣе кургановъ, ибо нельзя сомнѣваться въ ихъ искусственномъ происхожденіи.

Курганы эти совершенно одинаковой формы и размѣровъ; они расположены даже въ нѣкоторомъ тактическомъ порядкѣ: очевидно, эти курганы играли когда-то роль и наблюдательныхъ и опорныхъ пунктовъ боевой позиціи, защищающей подступы къ городу.

Едва мы миновали двойную линію этихъ кургановъ, какъ увидѣли передъ собою—высланныхъ намъ на встрѣчу гузарскимъ бекомъ, амлякдаровъ, которымъ и сдали насъ съ рукъ на руки сопровождавшіе насъ изъ Карши чиновники.

Солнце уже садилось, когда мы, миновавъ глубокій двухъ-ярусный арыкъ, вступили въ городъ,—съ этой стороны представляющій безпорядочную груду глиняныхъ сакель самаго жалкаго вида.—Въ городѣ незамѣтно ни единаго деревца, — ничего, на чемъ могъ-бы остановиться и отдохнуть глазъ путешественника, утомленнаго этою длинною и скучною дорогою.

По случаю праздника Уразы, всѣ жители заперлись по домамъ, базары были пусты, всѣ лавки заперты, и городъ казался совершенно безлюднымъ. Слѣдуя по узкимъ улицамъ, дѣлая самые неожиданные повороты, мы добрались до перваго крытаго базара и вступили подъ его мрачные своды; но за то едва мы вынырнули изъ этого туннеля, какъ передъ нами развернулась эффектная до грандіозности картина—городской цитадели на большой возвышенности за оврагомъ: длинныя, зубчатыя стѣны съ полукруглыми ронделями, съ зіяющими воротами, защищенными навѣсными бойницами, залитыя багровымъ свѣтомъ заходящаго солнца, эффектно рисовались на лиловомъ фонѣ вечерняго неба; внизу, у подножья этой цитадели, безконечная путаница плоскихъ крышъ, черныя трещины улицъ и переулковъ, а правѣе, по ту сторону оврага, спускаясь въ долину, восточная часть города въ противуположность западной, вся затонувшая въ густыхъ садахъ и плантаціяхъ. По дну оврага глухо бурлила и пѣнилась «Гузаръ-Дарья», то разливаясь по плоскимъ береговымъ полосамъ, усѣяннымъ ракушками, то горячо прорываясь между громадными каменьями.

Мы перебрались на тотъ берегъ по довольно прочному каменному мосту, поднялись круто на гору и въѣхали въ крѣпостныя ворота, гостепріимно распахнувшіяся настежь, не оберегаемыя никакимъ карауломъ.

Здѣсь опять потянулся длинный базаръ съ запертыми лавками, также безлюдный, за которымъ опять ворота, выводящія изъ крѣпости, а далѣе крутой поворотъ влѣво, по узкому карнизу, нависшему надъ оврагомъ у самаго подножья крѣпостной стѣны. Арбы наши не могли слѣдовать за нами по этой тропинкѣ, и ихъ помѣстили особо въ городѣ; насъ-же, всадниковъ, провели въ садъ гузарскаго бека, гдѣ мы должны были провести ночь.

Садъ гузарскаго бека, обнесенный со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, состоялъ всего изъ двухъ рядовъ старыхъ колоссальныхъ карагачей, большаго пруда и искуственнаго возвышенія по срединѣ; вдоль стѣнъ съ одной стороны тянулись крытые навѣсы и надолбы для привязыванія лошадей; съ другой—жилыя сакли; вдоль аллеи проведены были арыки, чисто содержимые и съ недурною проточною водою. По всему замѣтно было, что садомъ этимъ занимаются заботливыя и умѣлыя руки.

Гузарскій бекъ былъ въ отсутствіи, и его замѣнялъ встрѣтившій насъ на порогѣ племянникъ его, а съ нимъ высокій, арійскаго типа, старикъ,—его тесть. Внимательность хозяина выразилась между прочимъ и тѣмъ, что здѣсь мы нашли подобіе стульевъ, обитыхъ краснымъ кумачемъ, новенькихъ съ иголочки, очевидно сдѣланныхъ ради нашего пріѣзда.

(*Продолженіе будетъ*).

Нашъ извѣстный пейзажистъ, профессоръ Академіи Художествъ, Арсеній Ивановичъ Мещерскій, недавно получилъ большую золотую медаль, присужденную ему еще въ 1873 году за картины, бывшія на тогдашней лондонской международной выставкѣ; посрединѣ медали красуется портретъ президента, принца Уэльскаго и годъ «1873» а съ другой—зданіе галлереи выставки на ребрѣ медали надпись: «Арсенію Мещерскому». Это высшая награда, какую только можетъ получить себѣ художникъ-иностранецъ.

—

Изъ 1775-ти выставленныхъ въ гросвенорской галлереѣ въ 1879 году предметовъ удостоились принятія въ залъ принца Альберта только три картины, а именно: Вильсона два «морскихъ вида» нормандскаго прибрежья и Рамнея—«Портретъ красавицы».

—

Открытіе международной выставки исскуствъ въ Лондонѣ предполагается въ началѣ будущаго мѣсяца. Лучшія произведенія будутъ помѣщаться въ историческомъ отдѣленіи Гросвенорской галлереи, въ залѣ принца Альберта.

—

Королевская академія художествъ въ Берлинѣ устраиваетъ въ нынѣшнемъ году большую выставку произведеній современныхъ художниковъ; она будетъ открыта съ 29-го августа по 31-е октября.

—

Лекокъ пишетъ новую комическую оперу, которая пойдетъ нынѣшнею осенью на сценѣ парижскаго театра «Renaissance». Либретто для нея, подъ заглавіемъ «Маркизъ Виндзорскій», составлено Мейлакомъ и Галеви.

—

Христина Нильсонъ, во время своего пребыванія въ Мадридѣ, научилась играть на гитарѣ, какъ настоящая испанка. При ея отъѣздѣ, король и королева испанскіе предложили ей, въ знакъ памяти, драгоцѣнную жемчужину, обдѣланную бриліантами. Знаменитая артистка пожертвовала въ пользу бѣдныхъ въ городѣ 10,000 франк.

«Шахматисты Петербурга имѣютъ наконецъ возможность играть, какъ прилично настоящимъ шахматистамъ»*). Такъ начинается хроника первой книжки «Шахматнаго Листка» на 1880-й годъ. Много смѣлости надо, чтобы рѣшиться утверждать такую нелѣпицу. Вѣдь это значитъ, что всѣмъ настоящимъ шахматистамъ играть въ другихъ обществахъ и клубахъ—не прилично. Далѣе, писатель хроники силится поразить насъ, какъ громомъ, своей логикой, насмѣшкой, иронiей, именно тѣмъ, для чего необходимо имѣть сколько нибудь остроумія. Но всѣ усилія его пропадаютъ даромъ.

Когда ни тучки въ небѣ чистомъ,
Откуда-же возмется громъ....
Быть можно сильнымъ шахматистомъ
И слабо дѣйствовать пером.

Сказавъ объ избраніи въ новорожденномъ обществѣ правленія, въ которое и самъ онъ, разумѣется, попалъ, онъ самоувѣренно восклицаетъ: «Все это очень хорошо, но... не нравится г. составителю шахматнаго отдѣла Всемірной Иллюстраціи, и онъ разражается... желаніемъ, чтобы партія въ 60 членовъ (преостроумно!) ознаменовала себя блестящими ходами!...» Странная логика! Мы желаемъ обществу всего хорошаго; слѣдовательно, оно намъ не нравится. До такого вывода писатель хроники дошелъ

*) Въ новомъ шахматномъ клубѣ.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 585.] Годъ XII. 22 Марта 1880 года. [Томъ XXIII. № 13.

Отъ Главной Конторы Редакціи.

Вслѣдствіе поступленія въ Редакцію многочисленныхъ заявленій гг. желающихъ получать «**Всемірную Иллюстрацію**», съ **разсрочкою платы** подписной цѣны, Главная Контора Редакціи считаетъ нужнымъ довести до ихъ свѣдѣнія, что она согласна **разсрочить** уплату на **два срока**, а именно:

1) Съ доставкою въ С.-Петербургѣ, слѣдуетъ внести **при подпискѣ 8 руб., остальные 6 р. 50 к. — къ 1-му іюня.** 2) Съ пересылкою во всѣ города Имперіи, слѣдуетъ внести **при подпискѣ 9 руб.**, а **остальные 7 руб. — къ 1-му іюня.**

Журналъ будетъ высылаемъ съ 1-го нумера, со всѣми приложеніями.

☛ При **перемѣнѣ мѣста жительства**, гг. подписчики «**Всемірной Иллюстраціи**» благоволятъ увѣдомлять объ этомъ Контору Редакціи немедленно и прилагать при каждой перемѣнѣ адреса **28** коп. за напечатаніе новаго адреса. Вмѣстѣ съ новымъ слѣдуетъ прилагать и старый адресъ.

Начальникъ верховной распорядительной коммиссіи, генералъ-адъютантъ графъ **М. Т. Лорисъ-Меликовъ.**
(Рисовалъ К. Брожъ).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

клапана, который вслѣдствіе того откроется, и изъ цилиндра высунется или вытечетъ въ повозочку черезъ открытый клапанъ часть находящагося въ цилиндрѣ песку или свинцоваго груза. Вслѣдствіе прибавленія груза, повозочка скатится съ прежнею скоростью внизъ, такъ какъ сила, утраченная на преодолѣніе сопротивленія воздуха и тренія, возвращается добавленіемъ груза. Дойдя до середины пути, т. е до нижней его точки, повозочка сбрасываетъ свой добавочный грузъ и облегченная вкатывается въ противуположный конецъ дуги, гдѣ происходитъ опять та-же самая исторія: нажиманіе пружинки клапана, добавка груза и т. п. Изобрѣтатель воображаетъ, что силою движенія самой повозочки можно поднять сброшенный ею грузъ снова въ цилиндръ, откуда онъ опять будетъ выпадать въ повозочку и т. д.

Выставка В. В. Верещагина.

(Продолженіе).

Картины послѣдней русско-турецкой войны.

Въ предыдущемъ вступленіи мы уже говорили объ одной изъ картинъ—«Побѣдители»; но передъ нами цѣлая галлерея,—двадцать три нумера, изъ которыхъ каждый заслуживаетъ подробнаго описанія,—каждый исполненъ мысли, наблюдательности и извѣстныхъ технически-художественныхъ совершенствъ. Правда, и солнце не безъ пятенъ,— можно найти и у Верещагина нѣсколько слабыхъ, нѣсколько незаконченныхъ вещей; но недостатки произведеній Верещагина вполнѣ стушевываются передъ той массой достоинствъ, въ силу которыхъ онъ справедливо заслужилъ европейское имя. Главными, выдающимися вещами настоящей коллекціи слѣдуетъ назвать: «Побѣдители», «Побѣжденные», «Шипка-Шейново» и «Подъ-Плевною». Большая вещь, «Побѣжденные», представляетъ весьма грустную картину похоронъ. Тѣлами убитыхъ покрыто все поле; безконечное, уходящее далеко въ даль поле, на которомъ мѣстами видна желтая засохшая трава, прикрывающая, какъ сѣткой, ряды убитыхъ; надъ этимъ безконечнымъ полемъ нависли свинцовыя мрачныя тучи; онѣ заволокли всю даль какимъ-то траурнымъ саваномъ; они какъ-бы напоминаютъ, что для несчастныхъ-погибшихъ уже нѣтъ возврата на родину; и въ черной траурной рясѣ священникъ, стоящій на первомъ планѣ въ углу у общей ямы или могилы, выкопанной товарищами для погибшихъ, служитъ надъ этимъ мертвымъ полемъ панихиду; возлѣ него стоитъ солдатъ-причетникъ; и болѣе ни души, болѣе ни звука; тишина, видимо, кругомъ мертвая, тишина какъ въ могилѣ, только слабый голосъ священника и побрякиваніе цѣпочки слабо дымящагося кадила даютъ знать объ этой ужасной тишинѣ. Погибшіе, точно страшные призраки, выглядываютъ изъ за травы то тамъ, то сямъ обнаженными, изуродованными; страшно торчатъ въ одномъ мѣстѣ окоченѣлыя руки, въ другомъ ноги; тамъ виднѣется черепъ, здѣсь одна голова; и художественная чуткость подсказала Верещагину извѣстную границу, извѣстную мѣру этой ужасной картины «поля труповъ»; онъ сдѣлалъ ряды этихъ труповъ, какъ мы уже и сказали, едва замѣтными, онъ далъ только идею и полное представленіе ужаснаго поля мертвыхъ. Въ примѣчаніи въ каталогѣ Верещагинъ говоритъ: «Всѣ безъ исключенія раненые наши были предварительно перерѣзаны и изуродованы турками, и вмѣстѣ съ убитыми обшарены и раздѣты до гола. Товарищи ихъ, егеря, собрали разбросанныя по полю битвы тѣла, положили ихъ рядомъ передъ общею могилою... Священникъ отслужилъ панихиду...» Примѣчаніе это вполнѣ поясняетъ того дикаго врага, съ которымъ мы имѣли дѣло и то страшное поле обнаженныхъ и изуродованныхъ труповъ, которое представляетъ не поле послѣ битвы, а поле послѣ звѣрской бойни освирѣпѣлаго побѣдителя. Картина написана превосходно; но, говоря о такого рода картинахъ,— полныхъ глубокаго содержанія, какъ-то странно и упоминать о техническихъ достоинствахъ.

Сюжетъ «Шипки-Шейново» еще болѣе драматиченъ. Самый фактъ, послужившій предметомъ для картины, Верещагинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «На другой день побѣды при Шейновѣ войска были поставлены лѣвымъ флангомъ къ горѣ св. Николая, фронтомъ къ деревнѣ Шейново. Скобелевъ, выѣхавши изъ деревни, далъ шпоры лошади и, снявъ фуражку, на всемъ скаку привѣтствовалъ солдатъ: «Именемъ отечества, именемъ Государя, спасибо, братцы!...» Это привѣтствіе вырѣзано на рамѣ внизу подъ картиной. Картина представляетъ ряды солдатъ, бросающихъ вверхъ шапки и кричащихъ «ура», а передъ ними — скачущаго со свитой Скобелева. Какъ Скобелевъ, такъ и стѣна солдатъ хотя и составляютъ главный сюжетъ картины, но они написаны на второмъ планѣ; на первомъ-же мы видимъ въ снѣгу двухъ окоченѣлыхъ убитыхъ; и эти два трупа глубоко-трагически задѣваютъ за душу зрителя, напоминая ему, что побѣда на войнѣ требуетъ жертвъ, и «ура» или ликованье побѣдителей далеко не то, что «ура» на Марсовомъ полѣ. Въ этой картинѣ въ техническомъ отношеніи замѣчательно исполненъ первый планъ.

На картинѣ «Подъ Плевною» мы видимъ сидящаго на высокомъ бугрѣ царственнаго именинника—Его Императорское Величество Государя Императора, окруженнаго блестящей свитой генералъ-адъютантовъ. Государь, сидя на походномъ стулѣ, смотритъ въ бинокль; передъ его глазами растилается громадная равнина, покрытая пороховымъ дымомъ. Верещагинъ такъ описываетъ эту картину: «День штурма былъ пасмурный, съ тяжело нависшими тучами и, по временамъ, мелкимъ дождемъ. Гулъ 500 орудій, трескъ и перекаты ружейныхъ выстрѣловъ не переставали ни на минуту. Издали доносились русское «ура!» и «алла!» турокъ... Скоро послѣ полудня дымъ выстрѣловъ затянулъ все поле битвы!!...» Это описаніе съ фотографической точностью передано и на картинѣ, главный интересъ которой заключается, разумѣется, въ фигурѣ Государя Императора и въ окружающей его свитѣ. Полная напряженнаго вниманія фигура Государя, а также и остальныхъ лицъ исполнены превосходно; въ общемъ картина производитъ неотразимое впечатлѣніе; и напрасно Верещагинъ не вырѣзалъ подъ картиной надпись: «День 30-го августа». Каждый помнитъ этотъ день, и для каждаго было-бы понятно, что и Государь, повелитель громаднаго царства, проводилъ день своихъ именинъ въ трудахъ на полѣ битвы.

Вслѣдъ за такого рода chefs d'œuvre'ами настоящей коллекціи Верещагина мы перейдемъ къ другимъ прекраснымъ вещамъ, которыя также производятъ весьма сильное впечатлѣніе на зрителя. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о трехъ картинахъ подъ названіемъ: «На Шипкѣ все спокойно». Названіе «На Шипкѣ все спокойно» — это дословный рапортъ генерала Радецкаго. Подъ нимъ, въ каталогѣ, Верещагинъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «Каждый день солдаты падали десятками отъ турецкихъ пуль и сотнями отъ мороза. Полки уменьшались до невѣроятной цифры». Но стычекъ, битвъ, особой тревоги не было, и на войнѣ это называется «спокойствіемъ». Вотъ это-то «спокойствіе» войны Верещагинъ и изобразилъ въ солдатѣ, стоящемъ на караулѣ. Въ одномъ изображеніи, или на одной картинѣ, онъ представленъ стоящимъ во время страшной мятели; на другой онъ уже сидитъ, покрываемый цѣлыми тучами снѣга; на третьей онъ лежитъ мертвый, окутанный снѣгомъ, какъ саваномъ. Это опять-таки драма, характеризирующая войну, и совершенно правдивая драма, которая одна только и даетъ настоящее представленіе о войнѣ. Многіе упрекаютъ художника въ такой исключительности сюжетовъ; но вѣдь эту *исключительность* даетъ сама война и художникъ не причемъ, правдиво отнесшись къ дѣйствительности. Онъ былъ тутъ фотографомъ; но фотографомъ-художникомъ, взявшимъ тѣ сюжеты, которые характеризируютъ видѣнную имъ войну. Правда, не одна кровь и смерть представляютъ собою всю сущность войны: не однѣ «могилы на Шипкѣ» даютъ настоящее представленіе о войнѣ; но баталіи, или битвы,—видимо, не жанръ Верещагина и изъ таковыхъ онъ не изобразилъ ни одной. «Могилы на Шипкѣ»,—это тоже извѣстная художественная фотографія, подъ которой въ каталогѣ мы находимъ слѣдующее поясненіе: «На склонѣ горы св. Николая;—подъ главнымъ крестомъ лежатъ русскія головы, отрубленныя турками послѣ первыхъ схватокъ съ отрядомъ генерала Гурко».

Остальныя картины имѣютъ болѣе бытовой военный характеръ, и потому мы къ нимъ обратимся въ слѣдующей статьѣ. Здѣсь, въ заключеніе настоящаго, разсмотрѣннаго нами отдѣла или порядка картинъ, мы должны еще сказать два слова о картинѣ «Плѣнные», которая, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ слабымъ или неудавшимся произведеніямъ. Каталогомъ картина истолковывается такимъ образомъ: «Дорога отъ Плевны, отъ того мѣста за рѣкою Видъ, гдѣ Османъ-паша разбился о гренадеръ, до самаго Дуная, была буквально усѣяна замерзшими турками. Морозы наступили такъ внезапно и такіе сильные, что бравые защитники Плевны, въ своихъ оледенѣлыхъ одеждахъ, одинъ за другимъ, падали по сторонамъ дороги и, на глазахъ всѣхъ, тихо, безъ криковъ и стоновъ, замерзали. Нѣкоторые замерзали долго, впродолженіи двухъ — трехъ дней...» Подъ этимъ толкованіемъ, въ примѣчаніи къ нему, художникъ дѣлаетъ слѣдующую выписку изъ своего дневника или изъ своихъ воспоминаній: «вспоминаю двухъ турокъ: одного старика, другаго совсѣмъ еще юношу, сидѣвшихъ надъ какимъ-то подобіемъ костра, надъ дымившеюся лучиною. Я ѣхалъ въ Дольній-Дубнякъ, и когда, поровнявшись съ ними, остановился, юный турокъ началъ было что-то объяснять, да такъ и залился слезами. Старикъ молчалъ и сердито глядѣлъ внизъ. Когда подъ вечеръ я возвращался въ Плевну, знакомая лучина уже не дымилась, молодой турокъ лежалъ опрокинувшись навзничь, а старикъ все еще сидѣлъ неподвижно, нагнувшись,— живъ онъ былъ или тоже замерзъ?»

Ни этого эпизода и ничего подобнаго мы на картинѣ не видимъ; на картинѣ изображена большая столбовая, съ телеграфными столбами, дорога; по ней скачутъ вороны, а въ канавѣ по одну сторону видны окоченѣлые трупы. Трупы эти не производятъ никакого впечатлѣнія, и картина безъ подписи была-бы совершенно непонятна.

(Продолженіе будетъ.)

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Гузаръ считается однимъ изъ бѣдныхъ городовъ этого края; жители его занимаются, главнымъ образомъ, бочарными пошнями и ткутъ аллачу—бумажную ткань для дешевыхъ халатовъ.

Здѣсь мы застали дожидающагося насъ джигита изъ Самарканда, обогнавшаго нашъ отрядъ другою дорогою на Китабъ. Этотъ джигитъ привезъ намъ письма и посылки.

Здѣсь мы предполагали догнать и соединиться съ главнымъ отрядомъ экспедиціи, но узнали, что отрядъ этотъ выступилъ отсюда двумя сутками ранѣе насъ и ждетъ насъ въ Дербентѣ.

Комфортабельно переночевавъ подъ ароматными, прохладными сводами карагачей, мы утромъ выступили далѣе, распростившись съ гостепріимнымъ племянникомъ бека и его тестемъ.

Мы проходили теперь восточныя предмѣстья Гузара, почти не выступая изъ подъ тѣни его роскошныхъ садовъ; между прочими деревьями замѣченъ былъ родъ фикуса (rubiginosa и carica papaya). Водяныя мельницы весело бурлили гдѣ-то внизу за садами; нѣнистая вода арыковъ каскадировала по камнямъ; за высокими стѣнами, скрывавшими отъ нашихъ глазъ внутренность дворовъ, слышались веселые дѣтскіе и женскіе голоса, и, повременамъ, подъ гребнями стѣнъ мелькала оживленная головка въ красной тюбетейкѣ, слѣдившая за нами любопытными черными глазками.

За Гузаромъ опять начинается пустынный характеръ мѣстности, но впереди все яснѣе и яснѣе выдѣляются уступы горъ и—словно передовой отрядъ этого полчища громадъ—большая сѣдловидная гора, у подножія которой расположенъ Кишлакъ-Кушлюшъ,—мѣсто привала и смѣны нашихъ колесныхъ арбъ вьючными лошадьми.—Мы вступали въ горную область, отдѣляющую насъ отъ бассейна Кафирнигами и Сурэоба—первыхъ верховыхъ притоковъ Аму

Окрестности Кушлюша очень красивы; самый кишлакъ прячется въ глубокой котловинѣ «Кушлюшъ-дарьи»—горной рѣчки, пересыхающей лѣтомъ почти окончательно, за то бушующей многоводьемъ въ періодъ таянія снѣговъ и осеннихъ дождей. Въ эти періоды рѣка проложила себѣ широкое, загроможденное валунами и песчаными заносами русло, по которому и тянется горная тропинка, нашъ путь — положительно немыслимый для колеснаго слѣдованія.

Въ Кушлюшѣ насъ ожидали—собранныя отъ окрестныхъ жителей за сутки—жалкія вьючныя лошаденки, тощія, со сбитыми спинами, малорослыя и, казалось, до того слабосильныя, что едва-ли и сами могли передвигать ноги, безо всякаго вьюка. Сомнѣваясь въ способности этихъ животныхъ — тащить по горамъ наши чеморданы и ящики, мы было заявили претензію кушлюшскому амлякдору, но тотъ отвѣчалъ, что—«такова воля Аллаха, а другихъ лошадей во всей окрестности нѣту»; «жители очень, очень бѣдны»—добавилъ онъ, разводя безнадежно руками,—и точно: владѣльцы этихъ лошадей, сидящіе тутъ же на корточкахъ, въ своихъ жалкихъ отрепяхъ, болѣзненно истощенные, какъ нельзя больше оправдывали замѣчаніе своего амлякдора.

Ну, что дѣлать?—закусили, поработали, пора и дальше, въ дорогу. Принялись вьючить. На несчастныхъ клячъ взвалили тюки, ящики, ящтаны, свертки ковровъ и дорожныхъ постелей; все это неловко—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось—держалось на сбитыхъ спинахъ лошадей и вотъ-вотъ грозило паденіемъ. Мало того: владѣльцы лошадей и сами забрались наверхъ нашихъ вьюковъ. Тронулись въ путь, еле-еле передвигая ноги, поминутно останавливаясь и попрыгивая... Ну,—думаемъ—до Тенги-Херома—верстъ двадцать пять, къ ночи не дойти, а ночевать въ ущельи, безъ пріюта, не совсѣмъ-то будетъ удобно...

Однако, чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ бойче и бойче сѣменили ногами горныя лошаденки вьюки улеглись, веревки обтянулись, все приспособилось, и съ пятой версты мы, конечно, могли убѣдиться окончательно, что вьюки отъ насъ не отстанутъ... Каждый разъ, когда намъ, ради съемки мѣстности и другихъ работъ, приходилось останавливаться на нѣсколько минутъ, вьюки значительно уходили впередъ, и часа черезъ три, къ солнечному закату, когда мы подъѣхали къ Тенги-Херому, вещи на-

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

ши уже оказались приведенными въ полный порядокъ, а тощія лошади мирно стояли на приколахъ, пожевывая кормъ и отмахиваясь отъ докучливыхъ мухъ своими жиденькими хвостиками.

Тенги-Херомъ уже не носитъ характера селенія осѣдлаго, а кочеваго аула; здѣсь нѣтъ ни одной сакли, и по долинѣ, по берегамъ извилистаго, оросительнаго арыка разбросаны—на большихъ разстояніяхъ одна отъ другой—бѣдныя войлочныя кибитки полу-номадовъ, полу-земледѣльцевъ... На предгорьяхъ видны стада козъ; низкіе скаты предгорій, и сама долина почти сплошь вспахана; кое-гдѣ виднѣются таловыя деревья и зеленоватыя заросли камыша и кучи по болотистымъ разливамъ.

Въ Сардухѣ чувствуются свѣжесть и холодъ горъ; сѣрый, пронизывающій туманъ стелется надъ долиною; внизу уже темно, а впереди, за грядами холмовъ, еще золотится высокая, далекая горная цѣпь, перевалить которую намъ придется прежде, чѣмъ мы доберемся до Дербента.

На этомъ ночлегѣ намъ въ первый разъ понадобилось теплое платье, понадобились костры уже не для однихъ только чайниковъ, а и для обогрѣванія.

Въ Тенги-Херомѣ вьючныхъ лошадей смѣнили верблюды, шагъ которыхъ (четыре версты въ часъ) до такой степени вѣренъ и точенъ, что имъ можно безошибочно пользоваться для опредѣленія при маршрутныхъ съемкахъ пройденнаго разстоянія.

До Тенги-Херома и верстъ пятнадцать дальше дорога еще сносная и представляетъ возможность обработки ея для колеснаго пути; въ двухъ-трехъ мѣстахъ потребуются только минныя работы, мостовъ не потребуется вовсе, но за то далѣе путь становится буквально невозможнымъ; ущелье мѣстами съуживается, дѣлая крутые повороты; мѣстами тропинка пробита по узкимъ карнизамъ, нависшимъ надъ отвѣсными скатами... Одинокій всадникъ едва можетъ пробраться по такому карнизу, да и то не безъ опасности и риска сломать себѣ шею. Надъ головами путешественниковъ громоздятся растрескавшіяся причудливыми узорами известняковыя скалы, на каждомъ шагу крутѣе, до тридцати градусовъ подъемы и такіе-же спуски; самая тропинка завалена обломками скалъ, скатывающимися сверху; все русло горнаго ручья, пробирающагося по дну лощины, буквально загромождено этими обломками. Глазамъ путешественника представляется картина дикая, безлюдная, непривѣтливая.

Дорога все время идетъ постепеннымъ общимъ подъемомъ; на боковыхъ горахъ начинаютъ показываться признаки горной растительности: кусты можжевельника и арча (родъ хвойнаго дерева). На всемъ протяженіи пути, болѣе двадцати верстъ, ни одного жилья. Въ раструбахъ боковыхъ ущелей встрѣчаются отдыхающіе караваны и отдѣльныя группы путниковъ; впереди слышится какой-то странный гулъ и грохотъ, удесятеренный горнымъ эхомъ, — словно тысячи орудій невидимой арміи несутся намъ навстрѣчу. Но вотъ еще поворотъ, еще маленькій подъемъ, — и обнаруживается причина этихъ грозныхъ звуковъ: это нѣсколько десятковъ крохотныхъ ишаковъ, навьюченныхъ лѣсомъ (арчею) спускается съ горъ въ долину. По бокамъ каждаго животнаго къ сѣдламъ подвязаны по два бревна; концы ихъ тащутся по каменистой дорогѣ, оставляя широкія двойныя борозды; облако пыли стелется вмѣстѣ съ этою оригинальною группою; погонщики—черные, загорѣлые, полуголые, дико-боязливо косятся на насъ, «гяуровъ»,—не привычныхъ для ихъ глаза, путниковъ. Въ этихъ мѣстахъ они идутъ пѣшкомъ и погоняютъ ишаковъ хриплыми, горланными звуками.

Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ растительность становится богаче; по карнизамъ цѣпляется гребенщикъ; можжевельникъ и арча становятся рослѣе, образуя нѣчто похожее на лѣса; попадается даже, хотя изрѣдка, родъ клена, по туземному—«дулона».

Верстъ за шесть до Гафизъ-Джама—мѣсто нашего ночлега—общій подъемъ становится замѣтно круче. Сверху, обернувшись назадъ, далеко видна вся лощина, обрамленная ярусами горныхъ кряжей, теряющихся въ безконечной пыльной синевѣ. На этой высокой точкѣ, у края дороги, ростетъ великолѣпный экземпляръ арчи, возрастаніе которой туземныя легенды возводятъ до нѣсколькихъ соть лѣтъ; это священное дерево носитъ названіе акъ-арчи, т. е.—одинокая; привилегіей беречь его и пользоваться правомъ на его тѣнь обладаетъ изъ рода въ родъ одно семейство хаджи, представитель котораго и сидитъ самъ въ тѣни этого священнаго дерева день и ночь, собирая съ проѣзжихъ мѣдныя чеки, какъ дань уваженія къ святынѣ и вознагражденія за глотокъ воды изъ глиняной чашки и затяжку дымомъ кальяна, привѣтливо курящимся на соблазнъ пересохшаго горла правовѣрнаго путника.

Я срисовалъ тутъ-же въ свой путевой альбомъ, и это красивое дерево съ его темно-зеленою листвою, съ узловатыми, полуобнаженными, причудливо расползшимися корневищами, и самимъ владѣльцемъ, сухимъ, муміеобразнымъ старцемъ, съ важностью индійскаго факира молчаливо созерцающаго широко развертывающуюся передъ его глазами чудную горную панораму.

У подножія этого возвышенія, лѣвѣе, виднѣлъ клочокъ обработанной земли, ярко зеленѣющей посѣвомъ люцерны, обнесенный валикомъ, сложеннымъ изъ камней.

По гребню ската вся плоскость, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ саженей, усѣяна кучками мелкихъ камней и кое-гдѣ торчатъ могильные шесты: это опять кладбище, тоже, какъ и «акъ-арча», пользующееся нѣкоторыми привилегіями святости.

Отсюда не болѣе шести верстъ до Гафизъ-Джама; поднявшись еще футовъ на двѣсти, виднѣлъ и самый кишлакъ, осѣненный высокою группою старыхъ таловыхъ деревьевъ.

Внизу опять показываются поля люцерны; за ними чернѣютъ нѣсколько кибитокъ и даже двѣ сакли, пасутся ишаки и лошади, начинаетъ показываться что-то похожее на осѣдлость. Вотъ и арыкъ, поднятый, какъ оказалось по измѣреніямъ, на высоту трехъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря; по этому арыку медленно струится вода,—увы! горько-соленая.

Продолжительный горный переходъ далъ таки, съ непривычки, намъ себя почувствовать; сильно разбитые дорогою, съ наболѣвшими отъ напряженія при подъемахъ и спускахъ колѣнями, мы съ наслажденіемъ протянулись на грязныхъ войлокахъ, въ грязной кибиткѣ, въ ожиданіи сильно отставшаго верблюжьяго каравана съ нашими пожитками.

Абсолютная высота Гафизъ-Джама — три тысячи шесть сотъ футовъ,—разница относительно Тенги-Херома тысяча триста футовъ; эта высота чувствуется въ пріятной свѣжести горнаго воздуха дышется легко и привольно; даже кони наши ободрились, стряхнувъ лѣнь и усталость.

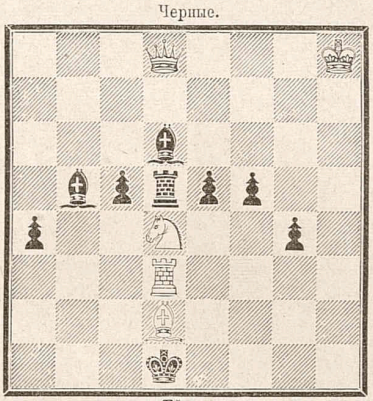
(*Продолженіе будетъ*).

ЗАДАЧА № 537.

Англо-Французская война съ Китайцами 1860 г.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлая королева представляетъ Англію, бѣлый король—Францію. Черный король—Китайскій императоръ. Прочія шашки изображаютъ раскрытый зонтикъ. Бѣлые начинаютъ.

Гуманнымъ націямъ какъ видно,
Ужасно сдѣлалось обидно,
Что ихъ торговля стѣснена...
И вотъ за опіумъ — война!

* * *

Но Богдыханъ всегда считая,
Что «стѣнъ недвижнаго Китая»
Врагамъ не сдвинуть ужь никакъ,
Ихъ презираетъ какъ собакъ.

* * *

Подъ зонтикомъ, за чашкой чая,
Даетъ приказъ изгнать враговъ;
Совсѣмъ того не замѣчая,
Что самому матъ съ трехъ ходовъ.

Въ Висбаденѣ 3-го (15-го) іюля нынѣшняго года откроется шахматный конгресъ; три приза въ 1000, 500 и 250 марокъ назначены для игроковъ большаго турнира и другіе призы меньшей цѣнности—для турнира-гандиканъ и пр.

ПАРТІЯ № 453.

Игранная недавно въ Варшавѣ.

Дебютъ Понціани.

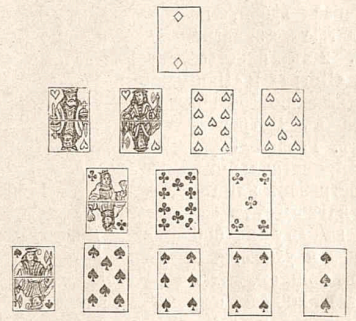
№ г.	Бѣлые. Винаверъ.	Черные. г. Б.		
1.	e2—e4	1. e7—c5	10. c3—c4	10. d5—d6
2.	g1—f3	2. b8—c6	11. c1—f4	11. d6—d7
3.	c2—c3	3. d7—d5!	12. d3—f5	12. d7 : f5
4.	d1—a4	4. d5 : e4	13. a4 : c6†	13. e8—f8
5.	f3 : e5	5. d8—d5	14. c6 : a8	14. f5 : f4
6.	e5 : c6	6. b7 : c6	15. a8 : c8†	15. f6—e8
7.	d2—d4	7. e4 : d3	16. b1—c3	16. f4 : c4
8.	f1 : d3	8. g8—f6	17. f1—e1	17. c4—c5
9.	0—0	9. f8—e7	18. a1—d1	Сдается.

Карты.

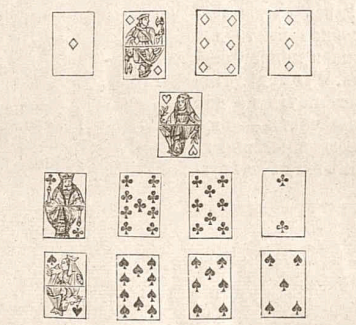
ЗАДАЧА № 5.

Вистъ.

Козыри бубны, игра деревяннаго.

Карты въ рукахъ у играющаго съ деревяннымъ.

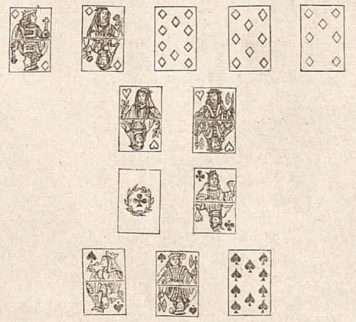

Съ какой карты лучше открывать игру, если ходить деревянному?

ЗАДАЧА № 6.

Пикетъ.

Что вы снесете въ первой рукѣ?

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 3.

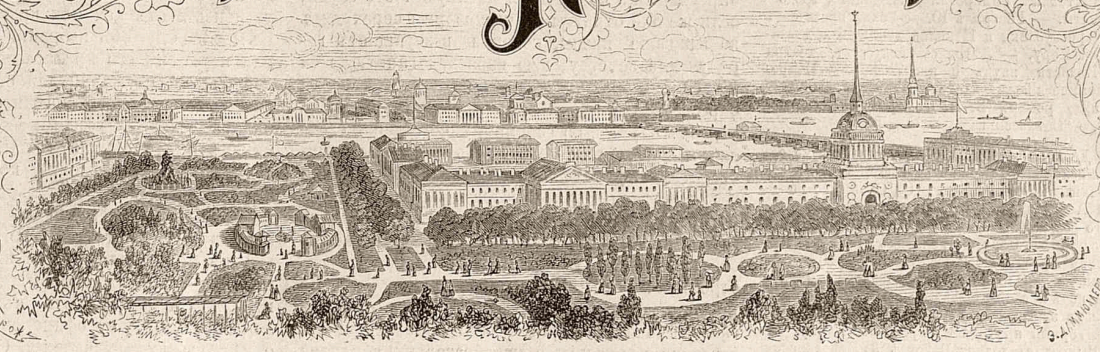
У играющаго на рукахъ десятка, девятка и восьмерка козырей и король самъ семь пикъ; у другаго виста ни одной пики и король, валетъ и семерка козырей. Ходъ играющаго съ пикъ.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 4.

У играющаго на рукахъ тузъ, король самъ шестъ пикъ, тузъ трефъ, тузъ бубенъ и семерка съ восьмеркой червей. У перва говиста — дама пикъ, король, валетъ, десятка трефъ; король, дама, девятка бубенъ; тузъ, дама девятка червей. У другаго виста валетъ пикъ, дама, девятка, восьмерка трефъ, валетъ, десятка, восьмерка бубенъ и король, валетъ, десятка червей. Ходъ играющаго съ туза пикъ.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 586. | Годъ XII. 29 Марта 1880 года. [Томъ XXIII. № 14.

Отъ Главной Конторы Редакціи.

Вслѣдствіе поступленія въ Редакцію многочисленныхъ заявленій гг. желающихъ получать «**Всемірную Иллюстрацію**», съ **разсрочкою платы** подписной цѣны, Главная Контора Редакціи считаетъ нужнымъ довести до ихъ свѣдѣнія, что она согласна **разсрочить** уплату на **два срока**, а именно:

1) Съ доставкою въ С.-Петербургѣ, слѣдуетъ внести **при подпискѣ 8 руб., остальные 6 р. 50 к. — къ 1-му іюня.** 2) Съ пересылкою во всѣ города Имперіи, слѣдуетъ внести **при подпискѣ 9 руб.**, а **остальные 7 руб. — къ 1-му іюня.**

Журналъ будетъ высылаемъ съ 1-го нумера, со всѣми приложеніями.

☞ При **перемѣнѣ мѣста жительства**, гг. подписчики «**Всемірной Иллюстраціи**» благоволятъ увѣдомлять объ этомъ Контору Редакціи немедленно и прилагать, при каждой перемѣнѣ адреса, **28** коп. за напечатаніе новаго адреса. Вмѣстѣ съ новымъ слѣдуетъ прилагать и старый адресъ.

День 19-го февраля 1880 года. — Торжественное молебствіе на Эриванской площади, въ г. Тифлисѣ.

(Съ фотографіи г. Барканова, рисов. С. Шамота).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

на которомъ толпа толкучаго рынка вставлена въ рамку вмѣстѣ съ окружающими зданіями. При свѣтѣ солнца толпа пестритъ разными группами, и каждая группа, безспорно, полна интереса, полна наблюдательности и типовъ; есть лица или фигуры, которыя невольно приковываютъ глазъ зрителя, невольно ими любуешься, вглядываешься въ нихъ: эти лица всѣмъ и каждому знакомы; они тѣ-же вывѣски толкучаго рынка, они безсмѣнные представители каждой толкучей толпы. В. Маковскій передалъ ихъ необычайно жизненно и характерно; точно также какъ переданы тутъ-же и сцены толкучаго рынка, взятыя какъ-бы цѣликомъ съ натуры. Эти сцены, каждая сама по себѣ, составляютъ отдѣльную картину; въ нихъ много живаго, неподдѣльнаго, несочиненнаго; онѣ полны интереса, но... но вотъ здѣсь мы и оговоримся относительно общаго впечатлѣнія, которое производятъ эти сцены и вся цѣликомъ картина. Въ общемъ, въ силу частнаго интереса, въ силу отдѣльности, изолированности каждой группы и въ силу... богъ его знаетъ чего,—въ картинѣ нѣтъ фокуса, нѣтъ цѣлаго; на томъ разстояніи, на которомъ ее должно смотрѣть, она не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія; она не достигаетъ того, что мы видимъ и что насъ поражаетъ въ натурѣ. Такимъ образомъ, картина полна интереса въ то время, когда подходишь къ ней близко и когда смотришь не на всю картину, а на отдѣльныя группы или части картины.

Другая—равносильная-же картинѣ В. Маковскаго—картина «На войну» К. Савицкаго представляетъ тѣже достоинства и тѣ-же недостатки, что мы видимъ и въ «Толкучемъ рынкѣ». На дебаркадерѣ желѣзной дороги, у длиннаго деревяннаго помоста платформы вокзала, у которой по одну сторону стоитъ приготовленный въ путь поѣздъ, по другую—на самой платформѣ, внизу ея, на землѣ представлена толпа новобранцевъ и бессрочныхъ солдатъ, отправляющихся съ отходящимъ поѣздомъ. Толпа эта крайне интересна отдѣльными группами, отдѣльными сценами и эпизодами, выхваченными прямо изъ дѣйствительности, списанными прямо съ натуры. Въ одномъ мѣстѣ вы видите геркулеса-мужика, покойно облокотившагося о повозку, и возлѣ него женщину, прильнувшую головой къ повозкѣ и видимо рыдающую. Фигура этой женщины вполнѣ передаетъ то горе, которое она испытываетъ; вполнѣ выражаетъ то отчаяніе, которое она переживаетъ, простившись съ мужемъ или любимымъ братомъ. Рядомъ такая-же сцена—жена повисла на груди своего мужа; за этой сценой—новая группа прощанія, а тутъ—еще и еще такія-же полныя драматизма сцены; и каждая изъ нихъ глубоко прочувствована художникомъ, въ каждой много наблюдательности и много своего отдѣльнаго и глубокаго интереса.

На деревянныхъ перилахъ, окружающихъ платформу, мы видимъ фигуру женщины, которая повисла на этихъ перилахъ и у которой голова тяжело свѣсилась или упала на перило. Эта сцена или одна эта глубоко прочувствованная фигура—одна она достойна картины. Точно также достойны отдѣльныхъ картинъ и другія сцены; но... здѣсь опять то-же «но», которое мы поставили при картинѣ Маковскаго: то-есть картина,—вполнѣ интересная и талантливая въ частностяхъ, въ отдѣльныхъ сценахъ, — въ общемъ представляетъ пеструю толпу, нарисованную въ два яруса: одинъ на платформѣ, другой—внизу на землѣ. Эта толпа, кромѣ сценъ прощанія, которыя мы только что описали, иллюстрирована и другими не менѣе интересными сценами. Такъ, у самаго паровоза мы видимъ коменданта или офицера, отдающаго приказанія солдатамъ или конвойнымъ, сопровождающимъ поѣздъ. Какъ солдаты, такъ и комендантъ очень характерны и стоятъ точно живые. За ними сдѣдуетъ другая сцена: жандармъ, толкающій какого-то новобранца; потомъ сцена развеселаго характера представляющая группу новобранцевъ молодежи съ гармоникой и пляской у входа въ вагоны, тамъ, у самыхъ вагоновъ,—еще сцена; внизу, на землѣ, выглядываетъ или выдѣляется изъ толпы глупо-осклабляющаяся физіономія какого-то парня, нарядившагося уже въ солдатскую форму и вполнѣ довольнаго своимъ положеніемъ; и такъ,—сцена за сценой, типъ за типомъ, если хотите, то даже картина за картиной; но въ общемъ, все-таки, одной цѣльной картины нѣтъ...

Въ картинѣ К. Савицкаго есть еще одинъ весьма крупный недостатокъ,—это грубоватость и жесткость письма.

Къ остальнымъ большимъ картинамъ перейдемъ въ слѣдующей статьѣ.

(*Продолженіе будетъ*).

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(*Продолженіе*).

Выступили мы изъ Гафизъ-Джама около восьми часовъ утра на слѣдующій день. Общій подъемъ все еще продолжался; только на восьмой верстѣ мы достигли точки перевала Акъ-Рабатъ — на высотѣ четырехъ тысячъ пяти сотъ пятидесяти пяти футовъ. На этомъ перевалѣ опять кладбище, обозначенное грудами камней и шестами съ кучками сухой травы; отсюда дорога начинаетъ замѣтно идти на спускъ; мы снова входимъ въ ущелье, по дну котораго пробирается полувысохшая рѣка Чакъ-Чакъ. Справа и слѣва громоздятся косвенно лежащіе взломанные пласты раковистаго известняка и гипса; вся дорога изрыта и усѣяна обломками скалъ; на гребняхъ вершинъ и по крутымъ скатамъ—рѣдкія заросли арчи, гребенщика, мелколистнаго клена и душистой джиды; попадаются и дико-ростущія фисташковыя деревья; близъ дороги деревья значительно крупнѣе, такъ что въ тѣни такого дерева можетъ пріютиться двое всадниковъ съ своими лошадьми,—это объясняется тѣмъ, что придорожныя деревья щадятся человѣкомъ именно ради тѣни и пріюта, а потому и достигаютъ большаго возраста. Собственниковъ эти лѣса не имѣютъ; они принадлежатъ тѣмъ, кому есть охота и время ихъ эксплуатировать. Вывозъ лѣса въ Дербентъ и Гузаръ крайне затруднителенъ, а цѣны на лѣсной матеріалъ въ этихъ пунктахъ сбыта не настолько высоки, чтобы вознаграждать трудъ вывозки и рубки.

Дорога носитъ нѣкоторые слѣды обработки и предусмотрительности. Узкіе, опасные карнизы обложены мѣстами, со стороны обвала, валиками изъ камней.

На десятой верстѣ лощина расширяется; горы отступаютъ влѣво, образуя особую гряду; за первыми грядами поднимается высокая гряда палеозойскаго известняка, а внизу—красный песчаникъ тріасовой формаціи... Мы должны скоро подойти къ знаменитому ущелью, носящему названіе: Желѣзныя Ворота.

Дорога крута, почти подъ прямымъ угломъ уклоняется вправо, переваливаетъ высокій порогъ обнаженныхъ, сглаженныхъ весенними водами, ярко бѣлѣющихся на солнцѣ песчаниковъ и опять ныряетъ въ тѣснину, загроможденную горными обвалами, изрытую глубокими водомоинами и трещинами.

Съ каждымъ шагомъ впередъ, при каждомъ поворотѣ пути, глазъ поражается все новыми и новыми дико-грандіозными картинами дикой горной мѣстности; эфектъ слѣдуетъ за эфектомъ; но надо помнить, что зѣвать по сторонамъ опасно: можно легко сломать себѣ голову; осторожные, привычные горные кони—и тѣ навострили уши и внимательно выбираютъ дорогу. Пройдя нѣсколько верстъ этою ужасною дорогою, мы подошли къ узкому входу Желѣзныхъ Воротъ. Названіе это ущелье получило потому, что съ нимъ связана легенда, будто-бы здѣсь были Тимуромъ повѣшены настоящія желѣзныя ворота, ключи отъ которыхъ находились подъ особою охраною и заклятіемъ «Пророка». Легенда эта, впрочемъ, слышанная нами въ Карши и Бухарѣ, здѣсь на мѣстѣ ничѣмъ не подтверждается; какъ ни разспрашивали мы мѣстныхъ жителей и старыхъ мулъ—всѣ они отозвались даже незнаніемъ о существованіи этой легенды.

Само ущелье представляетъ собою чрезвычайно рѣдкую картину капризовъ природы; оно тянется зигзагомъ—на протяженіи почти двухъ съ половиною верстъ—между отвѣсными скалами темносѣраго известняка, изборожденнаго глубокими вертикальными трещинами; мѣстами видны шаровидныя пустоты, каверны, преимущественно у основаній стѣнъ ущелья, очевидно, образованныя дѣйствіемъ водъ. Высота стѣнъ этого ущелья доходитъ отъ пятисотъ до семисотъ футовъ, ширина—отъ пяти саженей,—даже менѣе мѣстами—и не болѣе десяти, такъ что, при данной высотѣ, производитъ впечатлѣніе узкой трещины, въ которую входишь съ невольнымъ благоговѣйнымъ страхомъ, словно дерзаешь забираться въ самыя нѣдра этихъ горныхъ громадъ, вѣющихъ на путешественника могильнымъ холодомъ и сыростью.

Ударъ конской подковы по камню, слово, сказанное вполголоса, — всѣ звуки гулко разносятся по ущелью, подхваченные эхомъ, и долго еще гудятъ въ воздухѣ, сливаясь съ новыми звуками; скалы грозно нависаютъ надъ головою; кажется, что вотъ-вотъ рухнутъ и раздавятъ васъ, ничтожную живую пылинку, осмѣливающуюся забраться сюда, въ это царство мрака и камня. А тутъ и предостереженія—своего рода «memento mori»: громадные куски известняка, въ нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ вѣсомъ, дѣйствительно сорвавшіеся съ высоты и загораживающіе путь; иногда такія глыбы не достигаютъ дна въ своемъ паденіи и висятъ надъ самою головою, стиснутыя боками ущелья,—висятъ, образуя крытыя галлереи и ходъ... Взглянешь вверхъ—тамъ синѣетъ узкая полоска синеватаго неба; на гребняхъ стѣны, словно травка, виднѣются группы деревьевъ, а ниже ихъ—ясные слѣды обвала, совершенно своими формами отвѣчающіе формамъ свалившихся глыбъ... свалившихся еще на памяти мѣстныхъ жителей. Черный цвѣтъ стѣнъ ущелья еще болѣе увеличиваетъ мрачность всего пейзажа; тоскливо становится на душѣ и невольно торопишь коня, чтобы скорѣе выбраться на просторъ, на болѣе открытое и, конечно, безопасное мѣсто.

Таково ущелье Темиръ-Дервазъ—Желѣзныя Ворота, представленныя на моемъ рисункѣ, набросанномъ мною съ натуры, на половинѣ его протяженія.

За выходомъ изъ этой тѣснины пейзажъ рѣзко измѣняется. Вы видите далеко впереди, за ярко бѣлыми, блестящими на солнцѣ, гипсовыми обнаженіями, начало долины Дербента; лѣвѣе поднимаются высочайшія гряды палеозойскаго даломитированнаго известняка—это самая ось всей горной группы, которую мы пересѣкаемъ; по эту сторону оси всѣ пласты породъ идутъ уже въ обратномъ порядкѣ; этотъ переломъ замѣтенъ уже въ самомъ ущельи Желѣзныя Ворота. За крутымъ подъемомъ начинаются крутые спуски; глухой, гудящій звукъ конскихъ шаговъ обнаруживаетъ обширныя внутреннія пустоты въ этихъ алебастровыхъ массивахъ; между розовато-бѣлыми скалами зеленѣетъ кишлакъ Шуръ-Объ, а дальше —отрадная полоса садовъ Дербента, обрамленная со всѣхъ сторонъ горами, амфитеатромъ спускающимися къ самому городу.

Дорога все время идетъ по алебастру, и только подходя къ самому городку, начинается красный песчаникъ, а ближе у русла и по самому руслу Дербентъ-дарьи—мелкій галечникъ.

Мы перешли рѣку по каменному мосту съ деревянною настилкою, круто поднялись на гору и, оставивъ слѣва скалистые скаты, круто повернули направо къ садамъ и базарчику Дербента.

(*Продолженіе будетъ*).

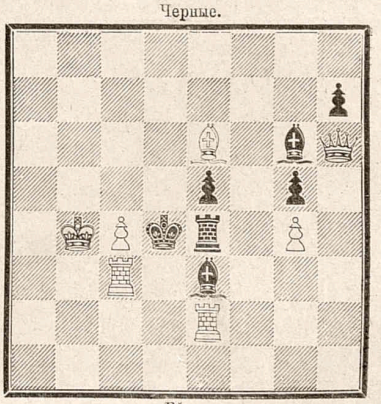
По поводу открытія новаго общества шахматистовъ въ Новомъ переулкѣ, мы уже высказали всю правду и продолжать споръ съ пишущимъ въ шахматномъ отдѣлѣ одного изъ нашихъ иллюстрированныхъ изданій считаемъ лишнимъ, тѣмъ болѣе, что это не можетъ принести никакой пользы ново-открытому обществу; при томъ, спорить съ человѣкомъ, который не перестаетъ искажать смыслъ нашихъ словъ, — невозможно, и это послѣднее наше возраженіе. Онъ говоритъ, что мы упрекаемъ его въ томъ что онъ толкуетъ *все вздоръ*... Гдѣ онъ нашелъ такой упрекъ? За то теперь, относительно своихъ послѣднихъ толкованій, онъ можетъ принять его вполнѣ.

Напримѣръ, онъ говоритъ: «мы совсѣмъ не искажали смысла замѣтки en question, ибо никакого смысла въ ней не замѣтили...» Школьническая увертка! Удивляется, что мы не вѣримъ въ существованіе новаго общества, когда оно существуетъ! — Это слишкомъ наивно! Надѣемся, что оно просуществуетъ и всѣ четыре времени года: шахматисты не мошки, которыя только лѣтомъ явятся, поиграютъ въ воздухѣ нѣсколько часовъ и умираютъ. Онъ говоритъ: «Что касается до намековъ на двухъ благотворителей и пожеланій, чтобы рука дающая не оскудѣла, — то нужно считать ихъ неловкими выходками, весьма близкими къ инсинуаціи...» — Мы сказали прямо о томъ, что гласно и извѣстно всѣмъ и служитъ только къ чести тѣхъ лицъ; слѣдовательно, это не намеки и не имѣютъ даже ни малѣйшей тѣни инсинуаціи. Наконецъ, онъ обвиняетъ насъ въ безцеремонномъ искаженіи и невѣрномъ освѣщеніи фактовъ въ глазахъ публики. Ничего мы не искажали и не освѣщали. Для публики довольно одного слѣдующаго факта: учредилось шахматное общество; члены его по уставу должны вносить 15 рублей въ годъ; за помѣщеніе въ годъ 1080 р.; при томъ необходимо: отопленіе, освѣщеніе, прислуга; доходы ничтожные. Вопросъ: можетъ-ли такое общество самостоятельно существовать?

ЗАДАЧА № 538.

Д. В. Кларка (въ Барнаулѣ).

Черные.

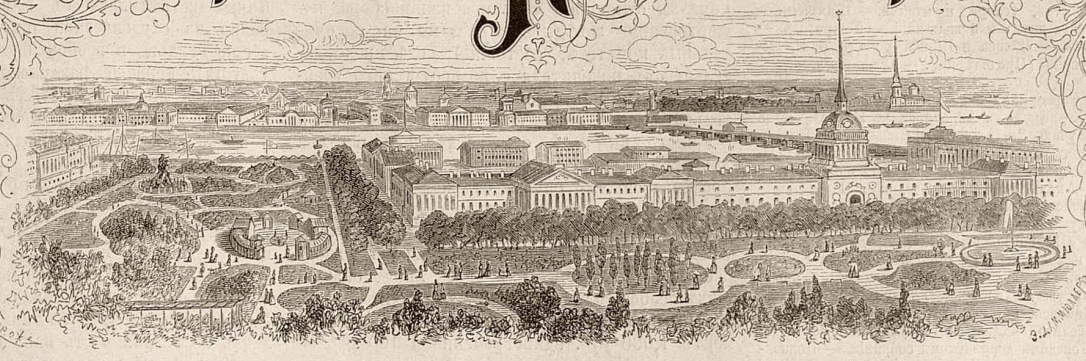

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ матъ въ 2 хода.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 587. | Годъ XII. 5 Апрѣля 1880 года. | Томъ XXIII. № 15.

Въ этомъ нумерѣ 20 страницъ.

Серебряная корзинка, поднесенная Государынѣ Императрицѣ Л.-Гв. Кирасирскимъ Ея Величества полкомъ, по случаю 25-лѣтія со дня назначенія Ея Величества шефомъ полка, работы моск. фабр. П. А. Овчинникова.

(Рисов. А. Бальдингеръ).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

сивны и живы. Остальная часть картины не интересна...

«Долину смерти» В. Полѣнова нельзя причислить къ разряду удачныхъ произведеній, хотя и въ ней есть свои достоинства, и художникъ, видимо, желалъ передать на полотнѣ то впечатлѣніе, которое произвела на него послѣдняя война, гдѣ онъ находился при отрядѣ Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича.

Молодой талантливый жанристъ Н. Богдановъ написалъ весьма характерную сцену изъ стараго помѣщичьяго быта, подъ названіемъ «Въ своихъ владѣніяхъ». Помѣщица-барыня идетъ по одной изъ алей своего сада. Двѣ дѣвушки слѣдуютъ за ней и одна несетъ надъ барыней зонтикъ. Мальчикъ, поливавшій въ саду цвѣты, робко и боязно сталъ съ лейкой въ сторону, опустя голову,— а барыня медленно движется мимо него, сознавая все свое величіе и свою силу. Экспрессіи лицъ выдержаны довольно вѣрно; написана картина въ общемъ хорошо.

Картина Н. Загорскаго «Альтистъ», — музыкантъ-скрипачъ, также предъявляетъ въ молодомъ художникѣ извѣстную силу таланта; и намъ странно, что г. Загорскій, заявившій себя нѣсколько лѣтъ тому назадъ, только теперь напоминаетъ публикѣ о своемъ талантѣ.

Третій дебютъ экспонента С. Левицкаго можно назвать также удачнымъ, и его картина «Передъ храмовымъ праздникомъ» замѣчена уже нѣкоторыми изъ рецензентовъ, какъ вещь во многихъ отношеніяхъ хорошая...

(*Окончаніе будетъ*).

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(*Продолженіе*).

Дербентъ городъ очень небольшой: число его домовъ насчитываютъ всего до четырехсотъ, жителей около двухъ тысячъ, и въ числѣ ихъ сто двадцать муллъ, т. е. грамотныхъ, изучившихъ премудрость корана и шаріата,— процентъ весьма почтенный, говорящій въ пользу просвѣщенности этого городка. Окрестности Дербента хотя чрезвычайно живописны, но неудобны для хлѣбопашества: почва, преимущественно, известнякъ и гипсъ, въ чемъ мы убѣдились, проходя послѣднія двадцать верстъ пути. Кое-гдѣ, мѣстами, сѣютъ просо, но очень мало, исключительно для своего продовольствія; за то ближайшія окрестности и промежутки между домовъ города сплошь зеленѣютъ роскошными садами, гдѣ зрѣютъ превосходный виноградъ и лучшій урюкъ (абрикосы). Горныя пастбища, неудобныя для крупнаго скота и верблюдовъ, заставляютъ дербентцевъ разводить исключительно козъ: у многихъ жителей этихъ животныхъ насчитываютъ до тысячи штукъ и болѣе. Дербентцы изъ козьей шерсти выдѣлываютъ превосходные и цѣнные войлоки и сбываютъ этотъ товаръ въ Кунградъ. Подъ этимъ названіемъ не слѣдуетъ подразумѣвать извѣстный хивинскій оазисъ, о которомъ большинство обитателей Дербента вѣроятно и понятія не имѣетъ, — Кунградомъ здѣсь называютъ страну, лежащую на сѣверо-востокъ отъ Дербента, населенную малочисленными горными племенами, когда-то независимыми, теперь-же ставшими вассалами бухарскаго эмира.

Вокругъ города, на высотахъ четырехъ-восьми тысячъ футовъ, въ горахъ, растутъ арча и кленъ; но дербентцы не эксплоатируютъ этого лѣснаго богатства и предоставляютъ лѣсопромышленность пріѣзжимъ изъ Карши и даже дальнѣйшихъ мѣстностей.

Наша ставка была расположена въ прекрасномъ саду, урюковыя деревья котораго стояли отягченныя созрѣвающими плодами (уже послѣдніе сборы). Въ сплошной тѣни этихъ деревьевъ помѣстился весь нашъ отрядъ, даже съ коновязями вьючныхъ лошадей. Солнце уже садилось, освѣщая чудный пейзажъ характерной горной природы. Дикія рѣзко, угловато очерченныя, буро-красныя скалы громоздились одна на другую, вокругъ этого зеленѣющаго садами оазиса съ разбросанными между деревьями группами сакель и мечетей; далѣе, на второмъ планѣ картины, высились далекіе горные хребты известняковъ съ ихъ оригинальными изломами и трещинами, освѣщенными косыми лучами заходящаго солнца.

Мы не теряли времени; и пока я набрасывалъ въ альбомы все, что видѣлъ вокругъ себя, и заносилъ въ путевой журналъ впечатлѣнія дня, а Мушкетовъ приводилъ въ порядокъ свою минералогическую коллекцію, — графъ приступилъ къ статистическимъ работамъ, для чего собраны были сюда въ садъ старѣйшіе представители Дербента. Уже стемнѣло, и эти оригинальныя фигуры библейскихъ старцевъ въ пестрыхъ халатахъ и чалмахъ картинно группировались около костровъ, представляя собою самыя живописныя, фантастическія группы.

Уже былъ первый часъ по-полуночи, когда наши гости разошлись по домамъ, а мы залегли спать, плотно завернувшись въ свои бурки и теплыя, ватныя одѣяла. Ночь была свѣжая и сильно росистая; во избѣжаніе лихорадки, которую очень легко захватить, ночуя на открытомъ воздухѣ въ такую ночь, всѣ приняли по порошку хины, (предосторожность далеко не лишняя) и крѣпко уснули, вполнѣ довѣрившись туземцу сторожу, задремавшему, впрочемъ, тоже у воротъ, склонившись на свой сторожевой бубенъ.

Въ Дербентѣ мы узнали, что первый отрядъ нашей экспедиціи проходилъ здѣсь всего за сутки передъ нами и долженъ ждать насъ въ Кумъ-Курганѣ, уже на Сурхобѣ, первомъ правомъ притокѣ Аму-Дарьи, уже въ ея верховомъ теченіи.

Отъ Дербента до Байсуна считается всего около двадцати пяти верстъ, такъ что въ этомъ городѣ предполагался только кратковременный отдыхъ, а къ ночи мы должны были дойти до Сары-Камыша, т. е. сдѣлать всего около пятидесяти верстъ; что, впрочемъ, оказалось менѣе по маршрутной съемкѣ.

Дорога отъ Дербента очень интересна: узкій, каменистый, исключительно вьючный путь ведетъ съ перевала на перевалы, высочайшій изъ которыхъ достигаетъ четырехъ тысячъ шестисотъ десяти футовъ. Съ вершины этого перевала, который носитъ названіе Гонъ-Хамъ-Урачь, что значитъ «семь спусковъ, семь подъемовъ», открывается прелестный видъ на гору Гумбаиръ (палеозойскій известнякъ). — Ниже этой горы по верхамъ холмовъ тянутся, производя издали впечатлѣніе искусственныхъ полуразрушенныхъ стѣнъ, гребни юрской формаціи. Спускъ съ этого перевала очень крутъ; за нимъ опять подъемъ, опять спускъ, — и такъ почти все время. Путь пересѣкаютъ отроги главнаго хребта, оставшагося влѣво, уступами поднимающагося все выше и выше.

Между отрогами, въ глубинѣ лощинъ видны сухоподолы, усѣянные галечникомъ. Въ этихъ сухихъ ложахъ вода бываетъ только въ осенніе дожди и весною; лѣтомъ-же они пересыхаютъ окончательно, и жители этой горной страны довольствуются колодцами съ солоноватою водою и горными родниками, вкусъ воды которыхъ сильно известковый.

Близъ суходоловъ, въ лощинахъ, изрѣдка виднѣются жалкія кибитки и крохотныя сакли. Съ полупути начинаютъ появляться на пологихъ скатахъ, прикрытыхъ лесовымъ тукомъ, богарныя пашни... На горахъ видны стада козъ и барановъ.

Растительность жалкая, народъ крайне бѣдный, и эти стада — главное хозяйство горцевъ.

Ниже юрскихъ гребней, спускаясь къ самой дорогѣ, залегаютъ, отмытыя водою, округленныя обнаженія песчаниковъ, рѣзко выдѣляясь въ зеленовато-сѣромъ фонѣ туковаго слоя. Дорога проходитъ вплотную мимо оригинальнаго кишлака «Акъ-Кой» — (бѣлый баранъ), состоящаго изъ нѣсколькихъ глинобитныхъ сакель, кое-какъ прикрѣпленныхъ къ песчаниковымъ обнаженіямъ. Эти жилища поражаютъ путешественника своею нищетою; крохотная сакля, едва-ли въ квадратную сажень вмѣстимости, безъ оконъ, съ какимъ-то лазомъ вмѣсто дверей — вотъ и все. Я заглянулъ въ крайнюю изъ нихъ: внутренняя обстановка совершенно отвѣчала внѣшности; кромѣ войлока, грязнаго, прожженаго, кишащаго паразитами, кубышки тыквянки для воды и деревянной растрескавшейся чашки, тамъ ровно ничего не было. Какое-то полуголое, увѣшанное тряпками существо испуганно прижалось въ уголъ при моемъ появленіи; черная коза въ углу, только-что родившая на свѣтъ своихъ козлятъ, приподняла свою рогатую голову, вскочила и приняла тотчасъ-же воинственную позу. Совершенно голый ребенокъ, необыкновенно пузатый, на тонкихъ кривыхъ ножкахъ, проскочилъ у меня чуть не между ногъ, заоралъ благимъ матомъ и, прыгая козленкомъ, пустился на утекъ, ловко цѣпляясь (какъ обезьяна) и руками, и ногами за камни.

«Джаманъ - адамъ — тулаймъ-байгушъ!*)» — замѣтилъ мнѣ мой джигитъ, когда я вновь садился на моего уже начинавшаго уставать «Карьку».

За четыре версты не доходя Байсуна, совершенно неожиданно, словно по мановенію волшебнаго жезла, открывается разомъ великолѣпная, чарующая картина. Вы дѣлаете небольшой, довольно крутой подъемъ, огибаете черно-сѣрую скалу, загородившую вамъ дорогу, и не можете, удержаться отъ невольнаго крика восторга и изумленія.

Передъ вашими глазами развертывается безконечная панорама долины Байсуна, съ голубыми, исчезающими въ туманѣ горными хребтами вдали, и моремъ зелени, съ затонувшимъ въ садахъ городомъ а на первомъ планѣ—дикія, изрытыя, взбудораженныя громады скалъ, бездонные провалы, острые выступы словно зубы сказочнаго гигантскаго чудовища, и между всѣми этими ужасами горной природы — тонкая, извивающаяся, лавирующая по карнизамъ — тропинка.

Эта долина ласкаетъ глазъ, составляетъ рѣзкій контрастъ съ мертвенно-грозною, молчаливою природою горъ. Оттуда вѣетъ пріятной свѣжестью. Спускъ въ долину чрезвычайно крутъ и совершенно не обработанъ; кое-какъ, съ большимъ трудомъ, карабкаются по этому пути привычные горные кони и ишаки.

Здѣсь я долженъ сдѣлать замѣтку относительно копытъ лошадей и ишаковъ, а также и мѣстной коровы, встрѣчающейся въ окрестностяхъ Байсуна въ ограниченномъ весьма количествѣ — однокопытники не куются здѣсь вовсе — никакая подкова не выдерживаетъ; за то надо видѣть эти превосходныя, блестящія, какъ сталь, копыта; они и прочны, какъ сталь, вы не замѣтите на нихъ ни одной трещинки, ни одного сколотаго мѣста.

(*Продолженіе будетъ*.)

*) Дурные люди — совсѣмъ нищіе.

Въ лондонскомъ Гайдъ-паркѣ, противъ статуи Ахиллеса, поставлена прекрасная бронзовая статуя Байрона.

—

Въ Лондонѣ 20-го марта (1-го апрѣля) окончено постройкою снаружи зданіе новаго южно-кенсингтонскаго зоологическаго музеума. Зданіе громадныхъ размѣровъ и сооружено исключительно изъ терра-котты, желѣза и стекла, въ смѣшанномъ готическомъ стилѣ XII столѣтія. Главный фасадъ украшенъ массивнымъ, въ видѣ купола, подъѣздомъ.

—

Въ Парижѣ 26-го марта (7-го апрѣля) открылась выставка американскихъ художниковъ, представившихъ свои произведенія, заимствованныя изъ жизни и пейзажей своей родины. Въ выставкѣ приняли участіе 62 художника и 12 художницъ.

—

Въ берлинскомъ художественномъ обществѣ выставлена въ настоящее время новая картина Генриха Семирадскаго, носящая заглавіе: «Пляска между мечами». Въ бесѣдкѣ сада, лежащаго на берегу моря и принадлежащаго къ вилѣ какого-нибудь знатнаго римлянина, собралось пять человѣкъ гостей, которые смотрятъ довольно невнимательно на нагую танцовщицу, исполняющую предъ ними пляску между шестью прямо поставленными мечами. Пятый гость поднялся со своего ложа и приблизился къ танцовщицѣ, чтобы ближе насладиться зрѣлищемъ. На переднемъ планѣ, на краю фонтана, сидятъ въ великолѣпныхъ одеждахъ три невольницы, сопровождающія пляску игрой на инструментахъ. Танцовщица-же сбросила съ себя одежды на мраморную скамью.

—

Аукціонъ индійской коллекціи картинъ В. В. Верещагина начался въ субботу, 29-го марта, въ часъ дня, и продолжался до четырехъ, затѣмъ въ воскресенье, 30-го марта, аукціонъ начался также въ часъ дня и продолжался до пяти. Всѣхъ посѣтителей было до пятидесяти человѣкъ, такъ что сумма, вырученная за продажу входныхъ билетовъ въ пользу «Краснаго Креста», дошла, съ небольшими пожертвованіями, до шестисотъ рублей. Главными покупщиками были: Павелъ Михайловичъ Третьяковъ, г. Базилевскій, кн. Санъ-Донато (Демидовъ), Нарышкинъ, Д. П. Боткинъ, кн. Воронцовъ, кн. Меншиковъ, гр. Строгановъ, гг. Зиновьевъ, Ханенко и Терещенко. Аукціонъ начался съ маленькой боковой залы, которая направо отъ входа, затѣмъ перешелъ въ залу съ электрическимъ свѣтомъ, гдѣ продолжался не болѣе четверти часа, такъ какъ въ ней продавались всего четыре картины, изъ которыхъ «Мечеть великаго могола», стоимостью въ двадцать-пять тысячъ, и «Людоѣдъ» остались непроданными; потомъ главная аукціонная продажа шла въ средней залѣ, залѣ сосѣдней съ отдѣломъ, гдѣ помѣщались картины русско-турецкой войны. Передъ началомъ аукціона П. М. Третьяковъ предлагалъ, какъ говорятъ, В. В. Верещагину 102 000 за всю коллекцію; но В. В. Верещагинъ не согласился, и коллекція индійскихъ картинъ, оцѣненная самимъ художникомъ въ 150,000, распродана въ разныя руки на сумму 117,925 руб., изъ которыхъ 10% должно быть отчислено въ пользу школы «общества поощренія художествъ». Такимъ образомъ, сумма, полученная художникомъ, вышла та-же, какую предлагалъ и Третьяковъ съ той только разницей, что одна картина, въ 25,000, и еще нѣсколько остались непроданными. Въ первый день аукціона было продано на сумму 52,491 р. и во второй на 65,433 руб.

Для точнаго указанія повышенія цѣнъ на картины на аукціонѣ, а также и для свѣдѣнія о томъ, у кого какія картины индійской коллекціи будутъ находиться, мы

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 588.] Годъ XII. 12 Апрѣля 1880 года. [Томъ XXIII. № 16.

„Вербное воскресенье".

(Рисунокъ А. Баумана).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

тилъ на себя вниманіе силою своихъ убѣжденій и страстностью рѣчей. Мало-по-малу популярность его возрастала, и онъ всталъ вскорѣ во главѣ ирландской лиги, которая требовала, чтобы земля принадлежала тѣмъ, кто ее обрабатываетъ. Наиболѣе сильно проявилась эта агитація въ прошломъ году, во время неурожая, который былъ особенно чувствителенъ, вслѣдствіе застоя торговли и промышленности, вызваннаго бойкою политикою лорда Биконсфильда. Какова была нужда населенія, достаточно сказать, что въ 1878 году, считающимся голоднымъ, сборъ картофеля простирался до 50-ти милліоновъ центнеровъ, а въ 1879 году равнялся лишь 22-мъ милліонамъ центнеровъ. При этомъ нелишнее замѣтить, что о такомъ неурожаѣ правительство было предупреждено заблаговременно: ирландскія газеты кричали о немъ за нѣсколько мѣсяцевъ; ирландскіе представители подняли вопросъ о немъ въ парламентѣ; ирландское духовенство умоляло о помощи, но лордъ Биконсфильдъ отнесся къ этому вопросу, по обыкновенію, небрежно и заявилъ, что частной благотворительности будетъ довольно для отвращенія бѣдствія. Факты показали, какъ онъ ошибся. Когда наступилъ голодъ, вмѣстѣ съ нимъ явились тифъ и лихорадки, а вспоможеніе нуждающимся оказывалось весьма туго и при томъ съ разборомъ: выдавали пособія только тѣмъ изъ фермеровъ, которые внесли арендную плату или не принадлежали къ членамъ ирландской лиги. Къ этому присоединились безпорядки по поводу изгнанія неисправныхъ плательщиковъ-арендаторовъ, вслѣдствіе жалобъ землевладѣльцевъ. Въ Карраро, въ Нокрикардѣ, Карнагѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ дѣло дошло до драки между полиціею и крестьянами, при чемъ нѣсколько человѣкъ было убито, а многіе получили болѣе или менѣе тяжелыя раны; но такія крайнія мѣры только разожгли народное негодованіе: число фермеровъ, отказывавшихся платить аренду помѣщикамъ, увеличивалось, благодаря краснорѣчію нѣкоторыхъ журналистовъ и депутатовъ, проповѣдывавшихъ на митингахъ сопротивленіе; статьи въ ирландскихъ газетахъ приняли зажигательный тонъ—и былъ моментъ, когда Биконсфильдъ нашелъ необходимымъ усилить британскія войска въ Ирландіи, опасаясь возстанія.

Нельзя не сознаться, что одною изъ причинъ такого возбужденія былъ пріемъ, оказанный Парнелю въ Соединенныхъ Штатахъ, куда онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ однимъ изъ агитаторовъ, Диллономъ, вскорѣ послѣ прекращенія сессіи. Дѣйствительно, встрѣча ирландскаго агитатора была необыкновенная: поѣздка его по городамъ великой заатлантической республики уподоблялась торжественному шествію тріумфатора: въ Бостонѣ, въ честь его, улицы были уставлены войсками, и старшіе офицеры сопровождали Парнеля на митингъ; а въ Вашингтонѣ онъ былъ приглашенъ въ залу засѣданій конгресса и ему дозволено было произнести рѣчь съ занятаго имъ мѣста, какъ-бы члену конгресса. Бруклинъ, Филадельфія, Ричмондъ и другіе города соперничали между собою въ пріемѣ Парнелю и выражали свое сочувствіе Ирландіи громадными демонстраціями, въ которыхъ принимали участіе не только ирландцы, но и урожденные янки. Митинги, на которыхъ онъ говорилъ, и открытыя въ разныхъ мѣстахъ въ пользу бѣдствующихъ ирландцевъ подписки принесли огромныя суммы, которыя были выданы частью Парнелю, а частью пересланы дублинскому мэру; что касается благотворительнаго комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ герцогини Марльборо, то американцы отказались имѣть съ нимъ сношенія, зная, что онъ учрежденъ съ политическою цѣлью. Мало того, въ конгрессѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы сдѣлать британскому правительству представленіе по поводу современнаго положенія Ирландіи.

Но было-бы ошибочно приписать всѣ эти демонстраціи талантамъ Парнеля; онъ былъ только предлогомъ къ выраженію накопившагося неудовольствія американцевъ на Англію, а населеніе Ирландіи было такъ подготовлено къ поземельному движенію предшествовавшими страданіями, что поднялось-бы на зовъ даже гораздо менѣе талантливаго оратора, чѣмъ Парнель, который выступилъ-бы защитникомъ народныхъ правъ. Парнель великъ тѣмъ, что понялъ способъ борьбы съ Англіею и выбралъ удобный моментъ, но ему далеко до О'Конелля, и популярность его невозможно и сравнивать съ популярностью перваго борца за свободу Ирландіи законнымъ путемъ. Во всякомъ случаѣ это человѣкъ даровитый, и обстоятельства слагаются для него болѣе благопріятно, чѣмъ для Даніэля О'Конелля, хотя улучшенія участи ирландскаго населенія и поземельной реформы надо ожидать не отъ виговъ или торіевъ, а отъ того положенія, въ которое поставитъ Англію внѣшняя ея политика; только серьезная опасность можетъ заставить Великобританію поступиться своими правами.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Спустившись въ долину, мы проѣхали нѣсколько пригородныхъ кишлаковъ, затонувшихъ въ садахъ, и перешли сухое русло Бойсунъ-Дарьи съ крутыми, обрывистыми берегами; спуски и подъемы на эти берега устроены насыпными каменными аппарелями.

Взобравшись на тотъ берегъ, мы очутились въ самомъ городѣ, миновали нѣсколько кривыхъ улицъ и, круто повернувъ влѣво, очутились въ темномъ, прохладномъ тоннелѣ воротъ Урды — ведущихъ въ помѣщеніе бойсунскаго бека.

Самъ высокій хозяинъ отсутствовалъ; онъ находился въ Карши, при эмирѣ, который имѣетъ привычку и обыкновеніе группировать въ своей свитѣ во время путешествій всѣхъ окрестныхъ бековъ посѣщенной его высокостепенствомъ страны.

Здѣсь, въ прекрасной, украшенной узорами и позолотою саклѣ, устланной мягкими коврами, намъ приготовленъ былъ парадный завтракъ и чай, что было какъ нельзя болѣе кстати послѣ такого утомительнаго горнаго перехода.

Вьючные верблюды наши направлены были мимо Бойсуна, прямою, болѣе близкою дорогою на Сара-Камышъ.

Отъ Бойсуна до Сара-Камыша дорога значительно ровнѣе; мы пересѣкаемъ продолговатую равнину, заселенную довольно густо. Справа и слѣва, всторонѣ и у самой дороги, на пространствѣ менѣе чѣмъ двѣнадцати верстъ, мы насчитали шесть значительныхъ кишлаковъ. Ирригаціонныхъ канавъ, арыковъ очень мало, и тѣ совершенно сухи. Особенно безводное лѣто и здѣсь дало себя почувствовать. Бойсунцы довольствуются водою колодцевою — отвратительною, солено-горькаго вкуса и съ дурнымъ запахомъ.

Пройдя долину, мы вошли опять въ узкое дефиле, но уже далеко не съ такими высокими берегами. Этимъ дикимъ и безлюднымъ ущельемъ, образовавшимся исключительно въ песчаниковыхъ породахъ, мы шли до вечера и къ солнечному закату прибыли въ Сара-Камышъ — кишлакъ, состоящій изъ трехъ караванъ-сараевъ, предназначающихся исключительно ради пристанища проходящихъ каравановъ. Въ Сара-Камышѣ нѣтъ ни одного кустика, ни одного деревца; сѣровато-желтый цвѣтъ глинобитныхъ стѣнъ и сакель не отличается ничѣмъ отъ такого-же тона окружающихъ песчаниковыхъ скалъ.

Въ этихъ караванъ-сараяхъ ничего нельзя было достать, и все необходимое для нашего ночлега и довольствія было доставлено, заблаговременно, изъ Бойсуна.

Здѣсь мы поймали перваго скорпіона, видѣннаго нами во-очію. Отвратительное насѣкомое, въ два съ половиною дюйма длины, выползло изъ трещины стѣны и появилось совершенно неожиданно посреди тарелокъ и подносовъ съ яствами на скатерти. Скорпіона замѣтили во-время и нахлопнули чайною чашкою. Затѣмъ осторожно пересадили его въ банку со спиртомъ, гдѣ онъ и занялъ мѣсто, совмѣстно съ прочими ядовитыми тварями, добытыми по дорогѣ нашимъ зоологомъ.

Ночь въ Сара-Камышѣ была крайне холодная. Мертвыя скалы кругомъ, слабо освѣщенныя первою четвертью луны, наводили тоску и уныніе. Не безъ удовольствія мы распростились съ этимъ мѣстомъ и, продолжая маршрутную съемку, двинулись далѣе уже въ долину рѣки Сурхоба.

Отъ Сара-Камыша верстъ на пятнадцать тянется пустынное и дикое ущелье, славящееся своею небезопасностью для торговыхъ каравановъ и мирныхъ путешественниковъ. Здѣсь все приспособлено для разбоя, — полное безлюдіе и легкая возможность скрыться; что ни шагъ, то мѣсто пригодное для засады. На всякій случай мы усилили конвой при нашемъ вьючномъ караванѣ.

Дорога довольно сносная, даже удобная для колесъ. Только при началѣ ущелья, по галечному руслу струится ручей съ солоноватою водою, образуя мѣстами стоячіе затоны лужи, покрытые красно-бурымъ налетомъ, издающіе скверный сѣрнистый запахъ; далѣе ручей этотъ совершенно пересыхаетъ, хотя сухое русло его, развѣтвленное на нѣсколько рукавовъ, тянется гораздо далѣе, пересѣкая нашу дорогу. Отсюда уже до самаго Сурхоба ни капли воды, а переходъ предстоитъ довольно изрядный, болѣе пятидесяти верстъ.

Съ десятой версты боковыя гряды горъ все понижаются и понижаются, отступая все дальше и дальше отъ дороги, — ущелье расходится широкимъ, покатымъ раструбомъ, и въ концѣ его мѣстность принимаетъ совершенно степной характеръ.

У выхода изъ ущелья дорога раздѣляется на три вѣтви,— правая, болѣе торная, протоптанная верблюжьими караванами, идетъ на Денау-Юрчи. Мы сворачиваемъ по средней едва замѣтной тропинкѣ.

Стень носитъ слѣды богорныхъ запашекъ; мѣстами видны гладко утрамбованныя молотбища, издали замѣтныя по кучамъ симану (трухи отъ соломы); вокругъ — никакого жилья, даже признака жилаго мѣста. Богорныя пашни здѣшнія обрабатываются жителями кишлаковъ, расположенныхъ по берегамъ р. Сурхобы, приходящими сюда за тридцать и болѣе верстъ.

Воздухъ наполненъ лёсовымъ туманомъ, но пріятно свѣжій... Невольно чувствуется близость значительнаго воднаго бассейна. Впереди, далеко-далеко, чуть-чуть обозначается невысокая гряда — это матерой противуположный берегъ Сурхобы.

Съемка очень легкая: разъ направленіе опредѣлено, иди впередъ хоть рысью до новой засѣчки. Мы подвигаемся очень ходко впередъ: рѣка манитъ — невольно торопишься пройти это унылое, скучное, глинисто-песчаное пространство.

Къ двумъ часамъ пополудни показались жиденькіе тополи Кумъ-Кургана и за ними уже въ желтѣющихся камышахъ блеснула рѣка... Лошадей съ трудомъ можно сдержать.

За селеніемъ, на самомъ берегу, видѣнъ оживленный лагерь... Группами стоятъ кибитки, бѣлѣютъ казачьи палатки; на большомъ пространствѣ просторно расположены привязанные къ приколамъ кони. Тамъ и сямъ поднимается привѣтливый столбъ дыма, на берегу бѣлѣютъ развѣшанныя для просушки рубахи и въ водѣ видна группа купающихся.

Это ставка перваго отряда нашей экспедиціи, пришедшаго сюда полтора сутокъ раньше нашего.

Оба отряда, наконецъ-таки, соединились.

Здѣсь случилось маленькое, не совсѣмъ пріятное происшествіе, надѣлавшее намъ не мало хлопотъ и безпокойства. Уже начало темнѣть; весь нашъ отрядъ давно собрался, а Ляпунова все еще не было. Припоминали, что онъ отсталъ съ своимъ козакомъ, не доходя развѣтвленія дороги, о которомъ говорили выше, — очевидно онъ ошибся выборомъ пути и свернулъ, — но куда? Правѣе или лѣвѣе? — Во всякомъ случаѣ онъ, замѣтивъ, наконецъ, свою ошибку, долженъ былъ-бы выбраться на берегъ Сурхоба. Въ виду этого, разослали конныхъ джигитовъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ разыскивать отставшаго. Караванъ тоже еще не приходилъ, а по вѣрному разсчету верблюжьяго шага долженъ-бы былъ давно придти на мѣсто.

Только въ третьемъ часу ночи, прибыли, наконецъ, и Ляпуновъ и наши вьючные верблюды; они дѣйствительно попали не на ту дорогу и сдѣлали, вслѣдствіе этого, до сорока верстъ лишнихъ.

Сурхобъ — рѣка очень мелководная — съ частыми, мѣняющими свое мѣсто песчаными перекатами, что дѣлаетъ судоходство по ней буквально невозможнымъ. Сурхобъ періодически — во время весенняго и осенняго половодья — можетъ играть роль сплавной рѣки; но только сплавлять по ней нечего, развѣ только арчу и другой горный лѣсъ съ ея верховій.

Положеніе и направленіе рѣки на существующей картѣ оказались довольно вѣрными, но за то береговые кишлаки всѣ показаны на этой картѣ не на своихъ мѣстахъ, что и было нами исправлено, во время слѣдованія внизъ по рѣкѣ къ Термезу, значащемуся по картѣ на самомъ устьѣ Сурхоба.

Въ Кумъ-Курганѣ мы простояли двое сутокъ.

(Продолженіе будетъ).

◆◆ ПАМЯТНЫЙ ЛИСТЪ ◆◆

„ОСВОБОЖДЕНІЕ БОЛГАРЪ",

изящный рисунокъ въ память

РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

1877—1878 г.,

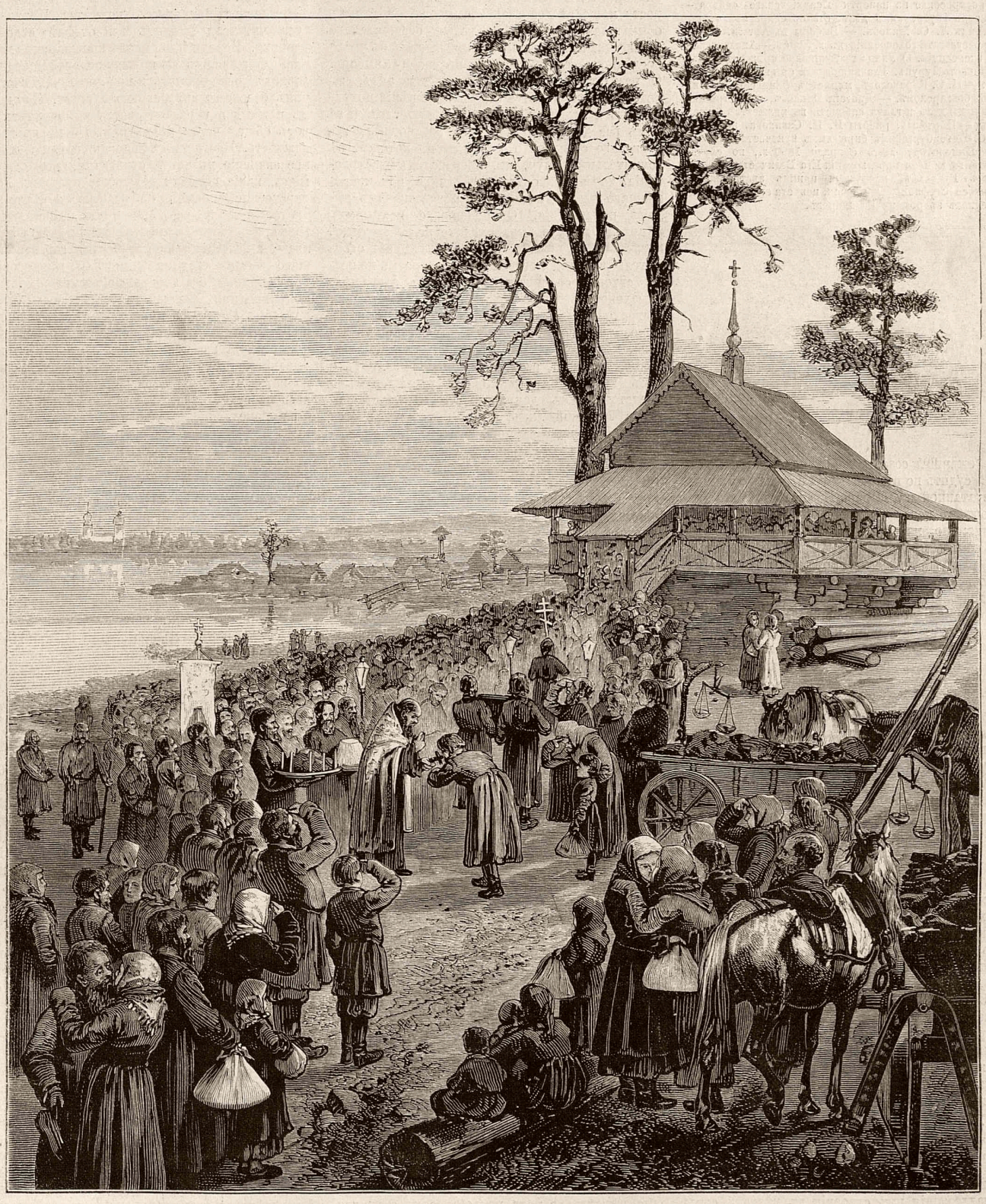
исполненный по рисункамъ художника К. Брожа, напечатанный на прекрасной бумагѣ.

Величина 14×10 вершковъ. Цѣна 40 коп., съ пересылкою 1 рубль.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 589.] Годъ XII. 19 Апрѣля 1880 года. [Томъ XXIII. № 17.

Свѣтлое Воскресенье въ деревнѣ.

(Рисунокъ А. Баумана).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Министръ народнаго просвѣщенія Гюзелевъ воспитывался въ габровской гимназіи, откуда перешелъ въ одесскую духовную семинарію, а по окончаніи курса въ ней — въ новороссійскій университетъ, откуда былъ выпущенъ въ 1871 году и немедленно уѣхалъ на родину, гдѣ занялъ должность учителя въ Габровѣ. Незадолго передъ войною онъ былъ арестованъ и просидѣлъ полтора мѣсяца въ цѣпяхъ въ тырновской тюрьмѣ. Приближеніе русскихъ войскъ спасло его. По освобожденіи изъ заключенія, онъ былъ инспекторомъ народныхъ училищъ и потомъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Министръ юстиціи Стояновъ окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету, куда поступилъ изъ второй одесской гимназіи. Во время русской оккупаціи служилъ въ канцеляріи генерала Домонтовича; извѣстенъ какъ авторъ избирательнаго закона и краснорѣчивый ораторъ. Передъ назначеніемъ министромъ занималъ должность предсѣдателя кассаціоннаго суда.

Военный министръ генералъ-маіоръ Казиміръ Густавовичъ Эрнротъ, финляндецъ родомъ, поступилъ на службу въ 1850 году и окончилъ образованіе въ николаевской академіи генеральнаго штаба; участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и при усмиреніи Польши; произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1868 году. Въ послѣднюю кампанію командовалъ 11-ю пѣхотною дивизіею; имѣетъ ордена: св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ; св. Анны 2-й степени съ короною и мечами; св. Владиміра 3-й степени; св. Станислава 1-й степени и золотую шашку съ надписью: «за храбрость».

Такимъ образомъ, всѣ члены нынѣшняго кабинета получили вполнѣ или отчасти образованіе въ Россіи и имѣли возможность познакомиться съ нею во всѣхъ отношеніяхъ. Это знакомство предотвратитъ ихъ отъ ложныхъ надеждъ и увлеченій и укажетъ имъ лучшій образъ дѣйствій для достиженія единства Болгаріи. Обстоятельства слагаются нынѣ сравнительно благопріятно для достиженія этой цѣли; мы говоримъ: сравнительно, потому что отъ Биконсфильда славяне могли ожидать только препятствій, тогда какъ Гладстонъ относится сочувственно къ идеѣ балканской федераціи, но это сочувствіе не уменьшаетъ внутреннихъ затрудненій, которыя представляются новому кабинету: съ одной стороны ему приходится подавить мусульманское движеніе, съ наступленіемъ весны снова обнаружившееся въ нѣкоторыхъ округахъ, съ другой — необходимо поднять экономическій уровень страны, такъ какъ ей предстоитъ вскорѣ нести расходы по уплатѣ причитающейся на ея долю части турецкаго долга и дани Портѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду дипломатическихъ усложненій, необходимо довершить преобразованіе и вооруженіе арміи и, въ то-же время, бороться съ интригами чорбаджіевъ и иностранцевъ, окружающихъ князя.

Выборы въ парламентъ въ Англіи.

Парламентскіе выборы въ Англіи, не смотря на всю важность ихъ относительно управленія страною, не смотря на то, что въ избраніи лучшихъ представителей націи заинтересованы сами избиратели, сопровождаются многими злоупотребленіями и даютъ поводъ къ эпизодамъ, полнымъ самаго высокаго комизма и которые не разъ были мастерски воспроизведены Диккенсомъ и Теккереемъ.

Однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ нарушеній закона при выборахъ являются фиктивные избиратели. Такъ какъ право голоса имѣютъ не только землевладѣльцы и домохозяева, но также арендаторы и квартиранты, платящіе опредѣленную сумму, то крупные собственники стараются ко дню внесенія избирателей въ списки надѣлить лицъ, находящихся отъ нихъ въ зависимости, домами или извѣстными участками земли, вслѣдствіе чего нѣкоторые помѣщики имѣютъ въ своемъ распоряженіи двѣсти-триста голосовъ незаконныхъ. Другой способъ заключается въ выдачѣ избирателямъ денегъ на проѣздъ на мѣсто выборовъ, въ угощеніи ихъ, въ обѣщаніяхъ и другихъ средствахъ, которыхъ не чуждаются кандидаты, чтобы пробраться въ парламентъ, хотя многія изъ этихъ средствъ осуждаются закономъ и общественнымъ мнѣніемъ.

Разумѣется, все это требуетъ громадныхъ издержекъ, а прежде было еще дороже, такъ что иногда расходы доходили до восьмидесяти и девяноста тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Со времени билля о реформѣ въ 1832 году издержки уменьшились, но все-таки онѣ достигаютъ серьозной цифры, что можно видѣть изъ представляемыхъ палатѣ общинъ каждымъ ея членомъ отчетовъ о расходахъ, сдѣланныхъ при выборахъ. Въ 1874 году 652 избранныхъ депутата истратили въ общей сложности около 6½ милліоновъ рублей на наши деньги, а 429 забаллотированныхъ кандидатовъ заплатили болѣе 4.000,000 рублей. Разумѣется, цифра издержекъ падала неравномѣрно на соискателей: нѣкоторымъ ирландскимъ автономистамъ расходы обошлись около 2,500 руб. на каждаго, а кандидаты въ округѣ Сѣвернаго Дургама истратили каждый болѣе 70,000 рублей. Безъ сомнѣнія, эти цифры далеко ниже настоящихъ, потому что въ отчеты не вошли незаконно израсходованныя суммы.

Единовременно съ производствомъ этихъ расходовъ кандидаты рекомендуются избирателямъ и излагаютъ свои программы. Здѣсь происходятъ преуморительныя сцены. Иной кандидатъ, ничему не учившійся или позабывшій то, что зналъ, съ важностью выступаетъ на митингѣ и произноситъ самоувѣренно рѣчь, сочиненную для него бойкимъ секретаремъ и вдругъ обрывается, смущенный неожиданными вопросами; другой простодушный воинъ съ узкимъ міросозерцаніемъ ультра-торія откровенно высказываетъ свои убѣжденія, не смотря на ихъ несовременность, при чемъ сознается, что не чувствуетъ особеннаго желанія засѣдать въ парламентѣ и если выступаетъ передъ избирателями, то потому лишь, что пріятели уговорили его баллотироваться; наконецъ, находятся такіе чудаки, которые полагаютъ, что противъ Афганистана можно дѣйствовать флотомъ. Понятно, что подобные субъекты являются предметомъ смѣха, и соперничающая партія старается разоблачить ихъ, чтобы сдѣлать ихъ избраніе невозможнымъ и представить противниковъ своихъ въ комическомъ видѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ газетахъ идетъ ожесточенная борьба между партіями, которыя употребляютъ всѣ усилія, чтобы выставить кандидатовъ противной стороны въ возможно худшемъ свѣтѣ.

Затѣмъ наступаетъ день выборовъ. Въ опредѣленное за-ранѣе число избиратели сходятся въ зданіи, назначенномъ для баллотировки и представляютъ чиновнику, поставленному отъ правительства, свои документы; провѣривъ ихъ, онъ даетъ каждому изъ избирателей бланкъ съ именами всѣхъ соперничающихъ кандидатовъ, на оборотѣ котораго поставлено казенное клеймо, показывающее, гдѣ и когда онъ выданъ; получившій этотъ бланкъ идетъ въ каморку посреди которой стоитъ столъ съ перьями и чернильницей; одна сторона каморки открыта, такъ что всякій можетъ видѣть, что избиратель дѣлаетъ, но никто не можетъ замѣтить передъ чѣмъ именемъ онъ ставитъ крестъ, показывающій кого онъ выбираетъ; затѣмъ онъ складываетъ бюллетень такъ, чтобы клеймо приходилось посреди наружной части и вручаетъ его чиновнику, завѣдывающему голосованіемъ, который опускаетъ билетъ, въ виду всѣхъ, въ избирательный ящикъ. Когда баллотированіе кончено, приступаютъ къ счету голосовъ и о результатѣ телеграфируютъ немедленно въ Лондонъ и сообщаютъ публикѣ.

Этотъ способъ голосованія имѣетъ много преимуществъ передъ открытою баллотировкою; теперь подкупы стали затруднительнѣе, и ни одна партія не можетъ съ точностью опредѣлить числа своихъ приверженцевъ. Случается, что избиратель, поставленный въ зависимость отъ кандидата, обѣщаетъ ему свой голосъ, но въ дѣйствительности подаетъ его за другаго, и нѣтъ возможности уличить его.

Нельзя не замѣтить, что эта система была одной изъ причинъ неудачи торіевъ. Впрочемъ, и безъ того побѣда ихъ была невозможна, хотя пораженіе при другихъ условіяхъ было-бы, вѣроятно, не столь полное. Нація была недовольна не только воинственною внѣшнею политикою Биконсфильда, возвысившею налоги и произведшею застой, но и отношеніемъ его ко многимъ внутреннимъ вопросамъ — отъ пренебреженія къ нуждамъ Ирландіи до такъ называемаго «водянаго» билля. Сущность послѣдняго заключалась въ выкупѣ правительствомъ лондонскихъ водопроводовъ, находившихся во владѣніи восьми компаній, что представляло большія неудобства для населенія. Сумма капитала, помѣщеннаго въ акціяхъ, не превышала восьми милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, но министерство предложило за нихъ тридцать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и вызвало этимъ лихорадочную биржевую игру, при которой акціи поднялись, все-таки, лишь вдвое. Негодованію общества не было предѣловъ, такъ что Биконсфильдъ убѣдился, что даже покорный ему парламентъ не утвердитъ этого проекта, и поспѣшилъ взять его обратно. Къ этому присоединилось обнародованіе бюджета съ дефицитомъ, раскритикованнаго Гладстономъ, и неполученіе извѣстій съ театра войны въ Афганистанѣ. Кромѣ того, многіе изъ торіевъ были недовольны цинизмомъ Биконсфильда въ восточномъ вопросѣ; безучастное отношеніе его къ болгарамъ оскорбляло фарисейскую часть торіевъ; они требовали громкихъ фразъ во имя человѣколюбія и на этомъ условіи готовы были смотрѣть сквозь пальцы на турецкія звѣрства; другая-же фракція этой партіи отступилась отъ Биконсфильда, увлеченная примѣромъ графа Дерби.

Вотъ при какихъ условіяхъ произошло распущеніе парламента. Министерство рѣшилось на эту мѣру, надѣясь захватить своихъ противниковъ врасплохъ и побуждаемое поѣздкою королевы въ Германію; не слѣдуетъ забывать, что политическія воззрѣнія ея величества были во многихъ пунктахъ тожественны съ воззрѣніями Биконсфильда, и потому утвержденіе прежняго кабинета во власти могло имѣть громадное значеніе для политическихъ комбинацій, ради которыхъ королева уѣхала на континентъ. Эти соображенія заставили кабинетъ рискнуть на новые выборы; но ожиданія его не оправдались: нація была настроена относительно министерства неблагопріятно, по причинамъ, о которыхъ мы уже говорили, а блистательныя рѣчи Гладстона довершили пораженіе торіевъ, причемъ, надо принять во вниманіе, что кандидаты либеральной партіи были въ большинствѣ образованнѣе кандидатовъ консервативной.

Такимъ образомъ, нынѣшніе выборы служатъ новымъ подтвержденіемъ успѣха демократической пропаганды въ Англіи. Значеніе аристократіи слабѣетъ, и въ настоящемъ парламентѣ находятся уже въ значительномъ числѣ сторонники поземельной реформы, приверженцы Чарльза Дильке и ирландскіе автономисты. Всѣ эти фракціи, соединяющіяся во враждѣ къ правительству Биконсфильда, отдѣляются одна отъ другой цѣлями, къ которымъ стремятся, и не согласны между собою по многимъ вопросамъ. Поэтому и либеральное большинство въ палатѣ общинъ окажется на практикѣ не столь подавляющимъ, какъ можно предположить съ перваго взгляда, принимая въ соображеніе лишь общее число противниковъ Биконсфильдовской политики.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Отъ Кумъ-Кургана, мѣста нашей пятидневной стоянки, путь пролегалъ по обоимъ берегамъ „Сурхана“, переходя съ одного берега на другой. Намъ, такимъ образомъ, пришлось на пространствѣ семидесяти верстъ два раза переправляться вбродъ черезъ рѣку. Къ счастію, глубина воды никогда не превышала двухъ съ половиною-трехъ футовъ и на пути попадались порядочные броды.

Оригинальную картину представляла переправа вереницы вьючныхъ лошадей и верблюдовъ.

Малорослыя лошаденки, боязливо прядя ушами и фыркая, входили въ воду и очень ловко справлялись съ быстротою теченія; но больше всего возни было

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

съ верблюдами, этими исконными врагами воды: горбатые колоссы противно ревѣли и упирались; ихъ осыпали ударами погаекъ и палокъ и чуть не руками вталкивали въ воду. Нѣсколько животныхъ упало, и вьюки сильно пострадали отъ подмочки, но въ общемъ обѣ переправы обошлись довольно благополучно.

Берега Сурхана пестрѣютъ небольшими селеніями, кишлаками, осѣненными группами фруктовыхъ и таловыхъ деревьевъ; часто видны зеленѣющія плантаціи джугары и риса. Мѣстами узенькая тропинка, пробитая исключительно ногами лошадей,— такъ какъ здѣсь аробъ нѣтъ и въ помині, — извивается въ густыхъ зарослях береговыхъ камышей и „кучи“, и намъ приходилось пробираться гуськомъ, защищая руками лицо отъ розмаха высокихъ стеблей этой джунглевой растительности. День былъ превосходный — ясный и не особенно жаркій. Въ воздухѣ чувствовалась свѣжесть рѣки и близость еще бо́льшаго, колоссальнаго бассейна Аму.

Во время перехода въ первый день мы держались у самаго Сурхана, но послѣ ночлега нашъ путь сильно уклонился вправо, и мы снова вошли въ область богарныхъ пашень, а затѣмъ — въ глубокіе пески, тянущіеся уже вплоть до праваго берега Аму-Дарьи.

Не доходя песковъ, еще издали на горизонтѣ показались какія-то развалины и доминирующій надъ ними высокій, круглый минаретъ: это остатки древнѣйшаго, когда-то цвѣтущаго города „Міа“ (что значитъ черепъ), свидѣтельствующіе о томъ, что прежде вся эта печальная пустыня жила цвѣтущею жизнью.

Чудную, вѣющую сѣдою древностью картину представляли собою эти оригинальныя развалины мечетей, караванъ-сараевъ, базаровъ и пр. Крѣпкій кирпичъ-желѣзнякъ выдержалъ борьбу со временемъ и сохранилъ еще эти красивыя арки, смѣлыми линіями изогнутыя на остаткахъ своихъ массивныхъ опоръ... Вся мѣстность вокругъ завалена грудами мусора и обломками кирпича. Кирпичъ квадратной формы, плитный и металлически звенитъ подъ ударомъ конскихъ подковъ; кое гдѣ пестрѣютъ черепки, покрытые голубой и зеленой глазурью; кое-гдѣ на стѣнахъ развалинъ виднѣются остатки той-же глазури, украшавшей когда-то карнизы и арки строеній въ видѣ бордюровъ, гдѣ живописный арабскій шрифтъ перемѣшанъ съ вычурными арабесками.

Но самое замѣчательное явленіе въ этомъ „городѣ мертвыхъ“ — городѣ легендъ и воспоминаній — составляетъ безспорно круглый минаретъ „Міа“, гордо поднимающій свою голову надъ всѣми развалинами, эффектно рисующійся издали красною колонною на синемъ фонѣ безоблачнаго неба.

Этотъ минаретъ облицованъ узорною кладкою плитнаго кирпича — на ребро; мѣстами по главнымъ линіямъ узора, образовавшагося вслѣдствіе этого способа кладки, пробѣгаютъ голубовато-сѣрые проблески глазури. Шестигранное основаніе минарета наиболѣе пострадало отъ времени, а также и отъ рукъ человѣческихъ; всѣ углы его сильно обиты и снизу подточены весенними водами. Пострадала также и верхушка, украшенная превосходнымъ узоромъ изъ надписей и арабесковъ, обводящихъ колонны тройнымъ широкимъ поясомъ.

Въ срединѣ всей колонны ведетъ наверхъ полуобсыпавшаяся витая каменная лѣстница, и когда мы съ трудомъ и не безъ опасности вскарабкались по ея ступенямъ, передъ нами развернулась безконечная, теряющаяся въ вечерней мглѣ панорама: долина Сурхана, серебристая лента рѣки съ своими разливами и отмелями, а вправо — мрачная степь, пересѣченная борханами сыпучихъ наносныхъ песковъ.

Какъ контрастъ жалкаго современнаго съ величественнымъ старымъ, между развалинами кое-гдѣ прилѣпились жалкіе шалаши и кибитки козьихъ пастуховъ, крохотные клочки джугарныхъ посѣвовъ, и по развалинамъ ловко лазятъ маленькія черныя козы, скусывая пробивающуюся изъ подъ мусора травку. Тутъ-же дремлютъ на солнцѣ полуголые пастухи, дико и недовѣрчиво косясь на насъ, странныхъ и непрошеныхъ пришельцевъ съ далекаго сѣвера.

Они, впрочемъ, угостили насъ кислымъ козьимъ молокомъ, но за то изъ такой дивной чашки, что тотчасъ-же, черезъ переводчиковъ, приступлено было къ переговорамъ о продажѣ этого сосуда, что и устроено за два рубля серебряными „коканами“. Чашка, — очень можетъ быть, что случайно найденная въ этихъ-же развалинахъ, — была сдѣлана изъ тянутой мѣди, украшенной мелкимъ чеканомъ.

Солнце уже близилось къ закату, а намъ предстояло еще сдѣлать изрядный перегонъ по сыпучимъ пескамъ, ибо, раньше чѣмъ прибыть на самый берегъ Аму, нигдѣ не было удобнаго ночлега.

Вьючный караванъ нашъ уже втянулся въ пески и давно скрылся между борханами, слабо поросшими полувысохшимъ гребейщикомъ и колючкою.

Пески и пески! — Мы то поднимаемся на борханы, то спускаемся, зигзагами пробираясь между песчаными грядами. Весь кортежъ растянулся версты на двѣ. Не смотря на свѣжесть вечера, отъ почвы пышетъ какъ изъ накаленной печки; кони въ поту... у всадниковъ пересыхаетъ въ горлѣ. Спасибо, что предусмотрительные джигиты туземцы запаслись мѣшкомъ арбузовъ и дынь.

Солнце уже совсѣмъ сѣло, когда на горизонтѣ, прямо передъ нами, обрисовался синеватый силуэтъ далекой горы; за этою горою — Аму.

Кромѣ насъ, на всемъ пути не видно ни одной живой души. Въ воздухѣ — ни одной птицы; только ящерки юрко шмыгаютъ въ песчаныхъ бороздахъ, спасаясь отъ копытъ нашихъ коней.

Время въ такомъ пути тянется безконечно долго — кажется, что и конца нѣтъ этой унылой дорогѣ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда путь пошелъ на легкій подъемъ, и, наконецъ, далеко-далеко, на самомъ горизонтѣ блеснула освѣщенная луною полоска воды: это Аму.

Версты за четыре до берега снова начинаются слѣды древнихъ построекъ. Такія-же характерныя развалины, какъ и въ „Міа“, попадаются все чаще и чаще справа и слѣва дороги; лѣвѣе онѣ тянутся безконечными массами до самаго устья Сурхана, отъ котораго мы уклонились вправо верстъ на двадцать.

Чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ эти развалины чаще и чаще и, наконецъ, сплошь покрываютъ всю песчанистую почву.

Это древнѣйшій *Термезъ*.

Какую грандіозную, фантастическую картину представляли собою эти развалины, освѣщенныя луною! Длинныя стѣны арокъ и просвѣчивающихъ стрѣльчатыми арками стѣнъ тянутся черезъ дорогу, пугая лошадей; удары копытъ по твердому желѣзняку гулко подхватываются эхомъ, отражаясь въ темныхъ сводахъ старинныхъ сооруженій. Впереди, загораживая Аму, поднимается силуэтомъ черная громада старой цитадели, видѣвшей въ своихъ стѣнахъ легіоны Александра Македонскаго и полчища Тимура. Не доходя сѣверо-восточнаго угла укрѣпленія, шагахъ во ста, находится еще довольно сохранившаяся и все-таки кое-какъ поддерживаемая бухарскимъ правительствомъ мечеть, заключающая въ своихъ стѣнахъ великую для всякаго мусульманина святыню — могилу и гробницу самого Термеза, основателя и покровителя города.

При этой мечети живутъ три муллы: одинъ древній старецъ — лѣтъ, пожалуй, около ста, — и его два помощника по-моложе. Это единственныя живыя существа-обитатели этихъ развалинъ, и живутъ они подаяніемъ и приношеніями благочестивыхъ мусульманъ, плавателей по Аму. Кромѣ этихъ случайныхъ молельщиковъ, сюда иногда приходятъ спеціальные караваны пилигримовъ изъ Бухары и сѣвернаго, такъ называемаго Туркестанскаго, Афганистана, границы котораго начинаются тотчасъ-же отъ лѣваго берега Аму-Дарьи.

Пройдя между мечетью и угломъ цитадели, мы очутились на крутомъ берегу рѣки, и передъ нашими глазами раскинулась широкая водная гладь, отражавшая серебристый столбъ луны, высоко поднявшейся уже на усыпанномъ звѣздами ночномъ небѣ. Картина представлялась чудная и полная молчаливаго, грандіознаго величія.

Здѣсь мы не нашли ни кибитокъ, ни продовольствія для насъ и нашихъ коней. По какому-то странному недоразумѣнію, распоряженія на этотъ предметъ ни со стороны мѣстнаго бека, ни со стороны сопровождавшаго насъ пристава — бухарскаго чиновника — не было сдѣлано своевременно, и мы должны были устраиваться на ночлегъ своими средствами.

Черезъ полчаса по всему берегу Аму и его скатамъ раскинулся большой оживленный лагерь и запылали бивуачныя огни.

Эхо термезскихъ развалинъ въ первый разъ отразило русскіе звуки.

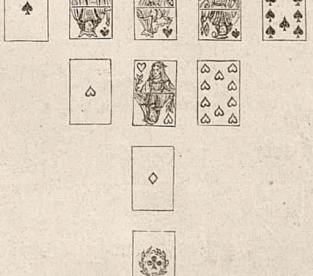
Ночь была чудная, свѣжая; воздухъ пропитанъ испареніями Аму. Мы разостлали свои ковры и бурки на этихъ осколкахъ сѣдой древности и, налюбовавшись вдоволь пейзажемъ, заснули подъ открытымъ небомъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Карты.

ЗАДАЧА № 8

Преферансъ.

Ходъ вашъ. Какую игру слѣдуетъ играть съ этими картами?

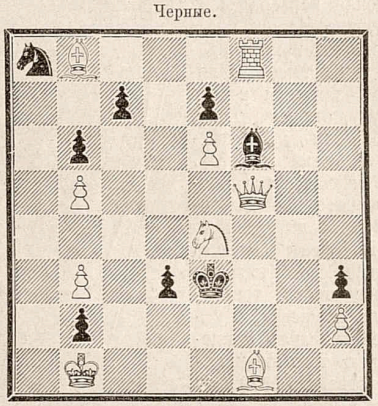

Матчъ между г. Розенталемъ, лучшимъ парижскимъ игрокомъ (изъ Сувалкской губерніи) съ г. Цукертортомъ, однимъ изъ первыхъ игроковъ Лондона, (изъ Риги), вѣроятно уже начался. Розенталь долженъ былъ уѣхать изъ Парижа въ Лондонъ 9/21 апрѣля. Пари 2500 франковъ. При температурѣ свыше 25° по стоградусникѣ состязаніе будетъ прерываться.

ЗАДАЧА № 541.

Д. В. Кларка (въ Барнаулѣ).

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ матъ въ 3 хода.

ПАРТІЯ № 457.

Играна въ Спб. Благородномъ Собраніи 5-го марта 1880 г.

Бѣлые. И. Ш. безъ коня b1.	Черные. Г. Г.			
1. e2—e4	1. e7—e6	15. e2—e4	15. c6—d8	
2. f2—f4	2. d7—d5	16. c3 : d4	16. c5 : d4	
3. e4—e5	3. c8—d7	17. d2—d3	17. h7—h5	
4. g1—f3	4. c7—c5	18. c1—d2	18. d8—f7	
5. c2—c3	5. b8—c6	19. a2—a4	19. a7—a5	
6. b2—b3	6. d5—d4	20. b3—b4	20. a5 : b4	
7. f1—c4	7. g8—h6	21. a4—a5	21. b6—a7	
8. f3—g5	8. f8—e7	22. a5—a6	22. b7—b5	
9. d1—h5	9. d8—b6	23. c4 : c6	23. d7 : e6	
10. 0—0	10. 0—0—0	24. e4—c6†	24. c8—b8	
11. g5 : f7	11. h6 : f7	25. c6 : e6	25. f7—d8	
12. h5 : f7	12. d8—f8	26. e6—d5	26. e7—c5	
13. f7—h5	13. f8—f5	27. d2 : b4	27. c5 : b4	
14. h5—e2	14. h8—f8	28. d5 : b5†	сдался.	

ПАРТІЯ № 458.

Играна въ Кембриджѣ 13-го февраля 1880 г.

(Г. Цукертортъ игралъ заразъ 12 партій *не смотря*.)

Гамбитъ Эванса.

Бѣлые. г. Цукертортъ. (не смотря.)	Черные. г. Карръ.			
1. e2—e4	1. e7—e5	15. b3—a3†	15. c7—c5	
2. g1—f3	2. b8—c6	16. e5 : c5	16. b6 : c5	
3. f1—c4	3. f8—c5	17. a3 : c5†	17. g8—e7	
4. b2—b4	4. c5 : b4	18. a1—e1	18. g6—e8	
5. c2—c3	5. b4—a5	19. g5—f	19. b7—b6	
6. d2—d4	6. e5 : d4	20. c5—a3[7]	20. a7—a6	
7. 0—0	7. d7—d6[1]	21. f4—d6	21. a8—a7	
8. d1—b3	8. d8—f6	22. d2—f3	22. a7—d7	
9. e4—e5[2]	9. d6 : e5	23. f3 : d4	23. d7 : d6[8]	
10. f1—e1	10. c5—b6[3]	24. a3 : d6	24. e8—d7	
11. c1—g5	11. f6—g6[4]	25. d4—e6†	25. f8—e8	
12. f3 : e5	12. c6 : e5	26. e6 : g7†	26. e8—d8	
13. e1 : e5†	13. e8—f8	27. d6 : f6	Черные	
14. b1—d2[5]	14. f7—f6[6]		сдались.	

1) Мы считаемъ лучше брать пѣшку пѣшкой.

2) Этотъ и слѣдующій ходъ самые сильные.

3) Лучше было играть c8—d7 или g8—h6.

4) Если-бы ферзь на f5, какъ обыкновенно играютъ въ подобномъ положеніи, то бѣлые играли-бы слѣдующимъ образомъ: $11\frac{}{f6—f5}$ $12\frac{f3 : e5}{c6 : e5}$ $13\frac{f2—f4}{d4 : c3+}$ $14\frac{g1—h1}{b6—d4}$ 15. b1 : c3 и т. д.

5) Это положеніе, кажется, совсѣмъ новое. Спокойное раскрытіе силъ бѣлыхъ совершенно вѣрно и лучше чѣмъ всякое продолженіе атаки въ настоящій моментъ.

6) Это неудовлетворительно; да и нѣтъ, мы думаемъ, у черныхъ хорошаго отвѣтнаго хода.

7) Брать ферземъ пѣшку d4 еще сильнѣе.

8) Нечего больше дѣлать; вступленіе бѣлаго коня на e6 или на c6 было-бы гибельно.

(*Chess Monthly*).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 590.] Годъ XII. 26 Апрѣля 1880 года. [Томъ XXIII. № 18.

Бюваръ для адреса, поднесеннаго Государю Императору полтавскимъ дворянствомъ, по случаю 25-лѣтняго юбилея царствованія Его Величества.

Работы московскаго фабриканта П. А. Овчинникова.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Амударьинскій саллъ.
(Рисов. нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Каразинъ).

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Бухарская арба въ пескахъ.
(Рисов. нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Каразинъ).

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Лагерь экспедиціи на берегу рѣки Сурханъ.
(Рисов. нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Каразинъ).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Черезъ добрыхъ два часа раздвинулся густой ситцевый пологъ, отяжелѣвшій отъ грязи и пыли, спускавшійся съ потолка на широчайшую кровать богоспасаемыхъ супруговъ. Изъ-за полога показались сначала руки и ноги, а затѣмъ борода Сергѣя Михайлова, послѣ чего и массивное туловище его выставилось наружу. Онъ громко зѣвнулъ во весь ротъ, перекрестивъ послѣдній, и босыми ногами всталъ съ постели.

— Кажись, дождище-то не унимается! — проговорилъ онъ, отворяя окно и высовывая голову на дворъ.

Проливной дождь, то учащаясь, то слабѣя, не переставалъ поить сырую землю.

— Зарядилъ на нѣсколько дней! — замѣтила Акулина Савельевна.

— А у тебя ужь и самоваръ, чай, готовъ?— спросилъ хозяинъ, протирая глаза и снова зѣвая.

— Давно готовъ! Мойся да молись Богу-то! — отвѣчала ему супруга.

Прополоскавъ нутро чайкомъ съ лимонцемъ, почтенный Сергѣй Михайловъ отправился отворять ворота, а его благовѣрная поспѣшила долить самоваръ для молодцовъ.

— Таперича скоро вернуться должны. Небось, до костей промокли, родименькіе, — жалѣючи, подумала она.

Извозчики не заставили себя долго ждать.

— Ѣдутъ наши-то! — заявилъ содержатель постоялаго двора, когда въ туманѣ, еще лежавшемъ вдоль улицы, замелькали силуэты нѣсколькихъ извозчичьихъ пролетокъ и эгоистокъ.

Дождь пошелъ сильнѣе.

— Ишь ты, какъ отъ ливня-то несутся! въ перегонку одинъ передъ другимъ! — недовольно замѣтилъ онъ.

Около десяти извозчиковъ сразу подкатили къ воротамъ, такъ какъ дѣло у нихъ пошло на споръ:

— Кто, братцы, скорѣе поспѣетъ къ мѣсту?

У воротъ пылкость ѣздоковъ осадилъ кулакъ хозяина, энергически преподнесенный къ мордамъ отовсюду наскачавшихъ лошадей. Нѣкоторыя изъ нихъ заржали и попятились, другія начали становиться на дыбы.

— Экъ, васъ претъ-то! — бѣсновался Сергѣй Михайловъ, приправляя слова свои рѣзкой бранью.

Между извозчиками, въ свою очередь, завязалась отчаянная перебранка.

Мало по малу, дѣло, однако, уладилось. Лошади успокоились и по одиночкѣ въѣхали во дворъ. Молодцы поспѣшно освободили лошадей отъ обременявшей ихъ упряжи и поставили ихъ въ стойла на отдыхъ. Размѣстивъ экипажи, засыпавъ лошадкамъ овса и положивъ сѣна, каждый торопился въ горницу, чтобы самому скорѣе освободиться отъ насквозь промокшей одежды.

— Попейте чайку-то, голубчики! согрѣйте душеньку! — хлопотала около извозчиковъ Акулина Савельевна.

Механическій станокъ для производства крученыхъ папиросъ съ мундштуками.

Въ концѣ 1876 года была окончена въ Петербургѣ модель станка выдѣлки крученыхъ папиросъ.

Убѣдившись въ совершенствѣ и практичности этого остроумнаго изобрѣтенія, долженствующаго имѣть огромную будущность въ этой отрасли производства, нѣсколько лицъ, составивъ товарищество, пріобрѣли у изобрѣтателя право на осуществленіе этого изобрѣтенія.

Исходатайствовавъ на свое имя изъ Д-та торг. и мануф. десятилѣтнюю привилегію на это изобрѣтеніе, товарищество приступило къ конструкціи этого папиросодѣлательнаго станка на вновь открытомъ литейномъ и механическомъ заводѣ подъ фирмою «для точныхъ работъ» (Обводн. каналъ, № 104).

Къ концу прошлаго 1879 года таковая образцовая машина для производства папиросъ была окончена и, послѣ тщательной вывѣрки, пущена въ ходъ подъ паровымъ двигателемъ.

Результатъ испытанія ея, въ присутствіи нѣсколькихъ спеціалистовъ изъ числа мѣстныхъ табачныхъ фабрикантовъ, показалъ вполнѣ ея блестящія качества и несомнѣнную выгоду. Вполнѣ замѣняя и значительно удешевляя нынѣ существующую ручную выдѣлку папиросъ, машина эта въ особенности важна для тѣхъ мѣстностей, производительность которыхъ парализовалась постоянно недостаткомъ рабочихъ рукъ и высокою задѣльною платою. Этотъ папиросодѣлательный станокъ, приводимый въ дѣйствіе, по желанію, паровымъ двигателемъ или ручнымъ приводомъ, при умѣренной скорости, производитъ въ часъ до 2,300 папиросъ и даже, по желанію, можетъ быть пущенъ со скоростію 3,000 штукъ въ часъ.

Размѣръ станка 1¼ арш. въ длину и 1 аршинъ ширины, вѣсомъ до 8 пудовъ.

Во время работы станокъ самъ отрѣзаетъ потребное количество бумаги, склеиваетъ гильзу, свертываетъ мундштукъ и, затѣмъ, вогнавъ табакъ, выбрасываетъ уже совершенно готовую папиросу, — однимъ словомъ, это остроумное изобрѣтеніе вполнѣ замѣняетъ, во всѣхъ частяхъ, ручную работу.

Нынѣ товарищество приступило къ сборкѣ нѣсколькихъ подобныхъ папиросодѣлательныхъ машинъ, кои она предполагаетъ помѣстить въ одной изъ здѣшнихъ столичныхъ табачныхъ фабрикъ.

На первое время товарищество имѣетъ въ виду, не продавая машинъ, ставить ихъ на табачныя фабрики и, по условію съ фабрикантами, получать опредѣленную плату съ каждой тысячи папиросъ, изготовленныхъ машиннымъ способомъ. При этомъ наблюденіе за правильнымъ ходомъ машины, исправленіе и ремонтъ ея, лежали-бы на обязанности товарищества.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Остатки цитадели, ея расположеніе, планъ всего громаднаго пространства, занятаго развалинами города, указываетъ на широкое политическое и торговое значеніе Термеза въ древности.

Легенды говорятъ о его милліонномъ населеніи, необычайномъ богатствѣ и славѣ.

Основаніе легенды или, правильнѣе, цѣлаго ряда легендъ и ихъ варіантовъ таково:

Первоначальное имя основателя и святаго покровителя этихъ мѣстъ было Ходжа-Амаль-Хакимъ. Этотъ Амаль-Хакимъ, бывши еще ребенкомъ, жаждалъ свѣта знанія истины и просился у матери, чтобы та отпустила его въ школу, та ему отказала въ его прозьбѣ, сказавъ: „а кто-же мнѣ будетъ служить въ твое отсутствіе, кто мнѣ, старой и безпомощной, будетъ носить дрова и воду?“ Ребенокъ съ грустью принужденъ былъ повиноваться волѣ матери и отправился въ степь собирать топливо. Въ степи онъ встрѣтилъ незнакомаго старца величественнаго вида, который положилъ ему руку на плечо, ласково взглянулъ въ его печальные глаза и спросилъ: „Какая причина грусти твоей, ребенокъ?—Амаль-Хакимъ поспѣшилъ отвѣтить. Старикъ улыбнулся, крѣпко обнялъ мальчика, и отъ этого чудеснаго объятія вся премудрость знанія вѣры и истины сама собою вошла въ голову, сердце и душу ребенка, и онъ вернулся домой преображеннымъ десятилѣтнимъ муллою.

Чудесное явленіе этого ребенка муллы-учителя быстро разнеслось по всѣмъ окрестностямъ, перенеслось на ту сторону Оксуса (древней Аму) и привлекло со всѣхъ сторонъ толпы учащихся и поклонниковъ. Ученые муллы тоже пришли сюда провѣрить знанія новаго чуднаго учителя, и Амаль-Хакимъ блистательно выдержалъ эти испытанія. Самъ великій имамъ Шоррей долженъ былъ уступить каѳедру юному сопернику и преклониться предъ его всеобъемлющимъ божественнымъ знаніемъ.

Поклонники и ученики, разъ послушавъ ребенка и учителя, уже не возвращались домой и селились около его кибитки, образовавъ, такимъ образомъ, начало поселенія.

Съ годами росла слава Амаль-Хакима, съ годами къ его порогу прибывали все новыя и новыя толпы поклонниковъ. Городъ, получившій названіе Гульгуля, въ честь матери Амаль-Хакима, все разростался и разростался. (Названіе это, впрочемъ, легендами варіируется и иначе, напр.: „Мадинатуръ-Риджаль“ или „Шаръ-Гуль-Гуля“ и еще: „Зюльмъ-абадъ (сильный городъ). Первое названіе арабское, остальныя персидскія).

Но, въ концѣ концевъ, нашлись и противники истиннаго ученія Амаль-Хакима. Городъ испыталъ нѣсколько разъ нашествіе варваровъ, и когда Амаль — уже старикомъ — ослабъ и находился на молитвѣ, то однажды враги его проникли въ мечеть и отрубили святому голову.

Ученики его нашли его уже убитымъ, съ почестью похоронили, заложивъ склепъ камнями, и когда, послѣ печальной церемоніи, начали громко стонать и плакать, то ясно услышали голосъ изъ склепа: „Термезъ!“ т. е. — я живъ.

Съ этихъ поръ и началось новое названіе города, всей мѣстности и самого святаго: „Термезъ“.

Какого рода было это *истинное ученіе Термеза*: неизвѣстно. Мусульманскія легенды пріурочиваютъ его, конечно, къ мусульманству, хотя тѣ-же легенды говорятъ о нашествіи на городъ, послѣ смерти Термеза, Искандера Зюлькарнайна (Александра Македонскаго), когда еще о Магометѣ и помину не было.

Городъ два раза превращался въ развалины и жители его убивались во времена нашествій варваровъ (какихъ варваровъ — тоже неизвѣстно, — вѣроятно монгольскихъ племенъ съ сѣверо-востока); возстановленъ былъ Александромъ Македонскимъ и, наконецъ, окончательно былъ разрушенъ Тимуридами, — въ какомъ видѣ и находится по настоящее время.

Политическое и стратегическое значеніе этого пункта было отлично понято Искандеромъ Зюлькарнайномъ; онъ построилъ здѣсь сильную крѣпость съ обширными угловыми ронделями, съ крытыми ходами къ водѣ, со всѣми приспособленіями современнаго ему фортификаціоннаго искусства. Вдоль набережной, почти на версту протянувшейся, у подножья крѣпостной стѣны были устроены пристани, устои которыхъ сохранились и до сихъ поръ. Набережныя соединялись съ внутренностью крѣпости широкими и пологими аппарелями... Безконечные караваны лодокъ и канковъ могли удобно располагаться у пристаней и выгружать свои товары; крѣпостная цитадель доминировала надъ всею окрестною мѣстностью и оберегалась отрядомъ македонскихъ войскъ... Легенды и даже нѣкоторыя указанія историковъ Азіи говорятъ даже о затѣѣ Александра Македонскаго соединить оба берега рѣки постояннымъ мостомъ, говорится, что даже существовалъ подобный колоссальный мостъ, и до сихъ поръ, посреди рѣки, подъ водою можно прослѣдить остатки его устоевъ. Мы занялись провѣркою этого факта, но сколько ни плавали по Аму въ своихъ каичкахъ и парусинныхъ лодкахъ, сколько ни щупали шестами илисто-песчаное дно рѣки, — никакихъ признаковъ этихъ легендарныхъ устоевъ не оказалось.

Мечеть съ гробницею Термеза имѣетъ видъ куполообразной постройки съ сферическимъ сводомъ уступами; на лицевой сторонѣ типичный фронтонъ съ аркою, а у основанія, къ ряду отдѣльныхъ сакель, примыкаетъ веранда съ стрѣловидными арками, счетомъ пятью, ведущими во внутренность помѣщенія; четыре низенькія двери замурованы наглухо, а пятая держится открытою. Когда вы входите въ эту дверь, то вашимъ глазамъ представляется небольшая комната съ перекрестнымъ сводомъ и почти все пространство комнаты занято самою гробницею Термеза, полуприкрытою полотняною тканью и осѣненною старинными знаменами и бунчуками.

Рисунокъ этой гробницы, сдѣланный мною съ натуры, говоритъ краснорѣчивѣе всякаго описанія.

Нынѣ живущаго стараго муллу, собирающаго доходы съ мечети, зовутъ Шейхъ-Сендъ-Махмудъ-ходжа: это привилегія всего его рода, данная еще его дѣду Сендомъ, эмиромъ бухарскимъ, въ началѣ настоящаго столѣтія.

(Продолженіе будетъ.)

Извѣстный художникъ Мункасси, окончившій недавно свою картину - жанръ въ Парижѣ, началъ уже новую большую картину, сюжетомъ которой будетъ «Христосъ передъ Пилатомъ».

—

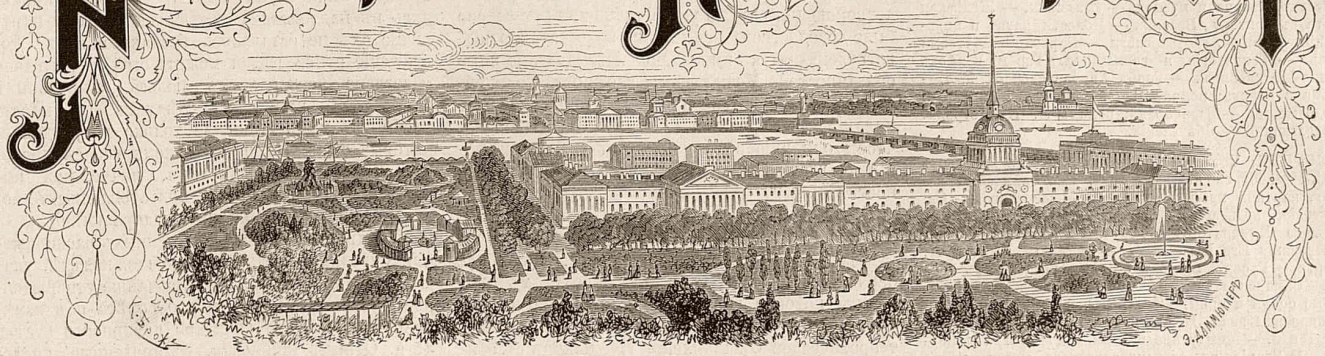
Комитетъ для сооруженія памятника Пушкину извѣщаетъ, что, согласно съ высочайшимъ Государя Императора соизволеніемъ, открытіе этого памятника, воздвигнутаго въ Москвѣ, послѣдуетъ въ день годовщины рожденія поэта, 26-го мая.

—

На годичномъ конкурсѣ «Общества поощренія художествъ» первую премію за пейзажъ получилъ г. Шильдеръ, вторую — г. Федерсъ, за жанръ первой преміей не удостоенъ ни кто, вторую-же получилъ г. Сластіоновъ. Вообще говоря, конкурсъ нынѣшняго года значительно хуже прошлогодняго. Крымскій пейзажъ г. Шильдера — дорога въ горахъ среди скалъ, каменьевъ и сосенъ — не дуренъ въ общемъ; но въ частностяхъ онъ хорошъ условно. О талантѣ г. Шильдера мы какъ-то писали въ прошломъ году, и то, что было нами высказано тогда, можно дословно повторить и теперь. У г. Шильдера есть талантъ, — это несомнѣнно; но изъ посредственныхъ-ли онъ или изъ крупныхъ, — рѣшить

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 593.] Годъ XII. 17 мая 1880 года. [Томъ XXIII. № 21.

Отъ Главной Конторы Редакціи.

Вслѣдствіе поступленія въ Редакцію многочисленныхъ заявленій гг. желающихъ получать «**Всемірную Иллюстрацію**», съ **разсрочкою платы** подписной цѣны, Главная Контора Редакціи считаетъ нужнымъ довести до ихъ свѣдѣнія, что она согласна **разсрочить** уплату на **два срока**, а именно:

1) Съ доставкою въ С.-Петербургѣ, слѣдуетъ внести **при подпискѣ 8 руб., остальные 6 р. 50 к. — къ 15-му іюня.** 2) Съ пересылкою во всѣ города Имперіи, слѣдуетъ внести **при подпискѣ 9 руб.**, а **остальные 7 руб. — къ 15-му іюня.**

Журналъ будетъ высылаемъ съ 1-го нумера, со всѣми приложеніями.

☛ При **перемѣнѣ мѣста жительства**, гг. подписчики «**Всемірной Иллюстраціи**» благоволятъ увѣдомлять объ этомъ Контору Редакціи немедленно и прилагать, при каждой перемѣнѣ адреса, **28** коп. за напечатаніе новаго адреса; Вмѣстѣ съ новымъ, слѣдуетъ прилагать и старый адресъ.

Четвертая выставка общества выставокъ въ С.-Петербургѣ въ 1880 году. — «На Саймскомъ каналѣ», картина профессора А. И. Мещерскаго.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Туркменскій аргамакъ.
Туркмены рыбаки.
Журавлиная отмѣль во время перелета.

Береговой туркменскій кишлакъ.
Переправа (барка буксируемая двумя лошадьми).
Засада.

Туркменскіе одногорбые пори.
Туркменка, идущая за водою.
Ночной концертъ.

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Среднее теченіе Аму.

(Рисовалъ нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Каразинъ).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

нѣмецкаго пьесѣ «Ангелъ-хранитель, или бриллiантовое ожерелье». Въ Александринскомъ театрѣ ей, въ послѣднее время, давали играть не особенно часто, и къ ней перешли лишь весьма немногія роли, игранныя прежде г-жею Савиной, какъ наприм.: роль «Анжелики» въ драмѣ «За монастырской стѣной»; но въ одинъ изъ бенефисовъ г. Сазонова А. З. Тютрюмова обратила на себя общее вниманіе прелестнымъ исполненіемъ роли пажа Керубино, въ комедіи Бомарше «Свадьба Фигаро».

Зимою прошлаго года молодая артистка съ огромнымъ успѣхомъ сыграла въ Кронштадтскомъ театрѣ главную роль въ комедіи «Дикарка». Изъ ролей, прекрасно исполненныхъ ею въ клубахъ, отмѣтимъ, сверхъ того, главныя роли въ пьесахъ: «Двѣ сиротки», «Женитьба Бѣлугина», «Дѣтскій докторъ», «Выгодное предпріятіе». А. З. Тютрюмова относится къ своему дѣлу съ большою любовью и добросовѣстностью, а потому, при несомнѣнномъ ея природномъ дарованіи и счастливой внѣшности, передъ ней открыта широкая артистическая будущность.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Изъ Термеза экспедиція раздѣлилась на два отряда: — одинъ долженъ былъ отсюда спускаться внизъ — до устьевъ рѣки, другой — подняться къ верховьямъ, для изслѣдованій притоковъ Вакша и Пенджа.

24-го августа, къ десяти часамъ утра, низовой отрядъ, къ которому присоединился и я, былъ совершенно готовъ къ выступленію.

Отрядъ этотъ раздѣлился на двѣ части: одна отправилась на каикѣ — наплывомъ, внизъ по теченію Аму, другая по берегу сухимъ путемъ. Мѣсто общаго ночлега назначено было въ Шуранѣ (переправномъ пунктѣ, отстоящимъ, какъ говорили, въ трехъ ташахъ отъ Термеза).

Довольно скверный, старый и дающій постоянную течь каикъ (другаго лучшаго не было) былъ приспособленъ къ путешествію слѣдующимъ образомъ: на дно поперекъ лодки было уложено десятка два бревенъ, кривыхъ и тонкихъ, не болѣе двухъ съ половиною аршинъ длиною, какіе только удалось собрать на берегу; на эти бревна настлали продольно камыши, такъ что вся эта настилка возвышалась надъ дномъ на четверть аршина — не лишняя предосторожность, въ виду накопленія воды отъ течи. У носовой и кормовой части оставлены были мѣста для вычерпыванія и, кромѣ того, на носовой-же части была сложена небольшая печь изъ кирпичей, добытыхъ въ развалинахъ.

Такъ какъ одинъ изъ спутниковъ плавателей былъ боленъ, то на средней части устроена была для него кровать на ножкахъ; остальные расположились попросту, на настилкѣ. Багажъ сложили по бортамъ, соблюдая равновѣсіе, и надъ всѣмъ этимъ, какъ защита отъ палящаго солнца, натянутъ былъ двухсторонній тентъ изъ походныхъ казачьихъ палатокъ.

Кромѣ больнаго Соколовскаго, на каикѣ помѣстились Мушкетовъ, Сорокинъ и Крѣчмеръ, а я, сформировавъ конный отрядъ изъ двухъ казаковъ и девяти джигитовъ, направился берегомъ. Со мною также шли и заводныя лошади, принадлежащія тѣмъ, что плыли на каикѣ, — и, кромѣ того, нѣсколько коней подъ легкимъ вьюкомъ.

За полчаса до отхода нашего отряда, всѣ члены экспедиціи собрались къ каику, позавтракать въ послѣдній разъ вмѣстѣ, и ровно въ одиннадцать часовъ судно отчалило отъ берега. Вслѣдъ за отплытіемъ каика тронулся и конный отрядъ, направившись по тропинкѣ, ведущей по самому обрыву праваго берега, такъ что долго еще, около четырехъ верстъ пути, конные могли видѣть мало отстающихъ отъ нихъ плывущихъ товарищей.

За четвертою верстою дорога стала все болѣе и болѣе отклоняться отъ настоящаго берега рѣки и приближаться къ старому, материому берегу, обрывистыя террасы котораго виднѣлись желтою грядою справа, отступая отъ рѣки на разстояніи трехъ верстъ. Въ одномъ пунктѣ, именно на полупути между Термезомъ и Шураномъ, промежутокъ этотъ достигаетъ шести верстъ, образуя поросшую кугою, лунообразную долину.

Старый берегъ Аму, до котораго вода не достигаетъ даже въ самыя сильныя, исключительныя половодья, рѣзко выдѣляется на горизонтѣ своими песчаниковыми, подмытыми обнаженіями и крутою осыпью; мѣстами его прорѣзываютъ глубокія поперечныя промоины. На гребняхъ не видно никакой растительности, кромѣ жиденькихъ кустиковъ окъ-джизгана и полыни. Далѣе, въ глубь мѣстности, далеко простираются бугристые пески, того-же характера и вида — какъ тѣ, которыми мы проходили на второй половинѣ пути, между Кокайты-Пойна и Термезомъ.

Низовая долина, которою тянулся конный отрядъ, почти сплошь покрыта толстымъ слоемъ ила и представляетъ собою превосходную почву для посѣвовъ джюгарры и арбузныхъ бакшей; обработанныя мѣста встрѣчаются очень рѣдко, но необработанныя сплошь поросли густымъ гребенщикомъ и турангѝломъ (populus diversifolio) — штампы послѣднихъ достигаютъ до трехъ вершковъ въ діаметрѣ и шести аршинъ высоты. Долину, мѣстами, пересѣкаютъ небольшіе песчаные наносы, образуя борхонитыя гряды, и всѣ по направленію сѣверо-восточному. Вся мѣстность прорѣзана арыками и запрудами, гдѣ застоялась и гніетъ рѣчная вода, распространяя невыносимый запахъ. Надъ этими лужами видны туманныя пятна, — это несмѣтные рои мошекъ; застоявшіяся воды кишатъ микроскопическимъ населеніемъ и густо заросли водяными растеніями; арыки тоже заросли камышами и придаютъ всей мѣстности чрезвычайно оригинальный видъ. Мы двигаемся по какому-то зеленому лабиринту. Задній всадникъ видитъ только крупъ передней лошади; весь отрядъ растянулся чуть не на версту. Стебли камыша съ размаха хлещутъ куда попало; все время надо беречь лицо отъ неожиданныхъ ударовъ... Рои комаровъ и мошекъ преслѣдуютъ насъ неугомонно и озлобленно, воздухъ тяжелый и удушливый, — просто чувствуешь эти лихорадочныя гнилостныя міазмы...

По берегу, почти непрерывною цѣпью, виднѣются аулы туземцевъ. Жители этихъ ауловъ всѣ туркмены изъ рода „далли“ — очень красивый типъ, особенно мужчины. Всѣ они носятъ типичныя туркменскія шапки изъ бараньяго мѣха, чалмъ не видно вовсе; женщины ходятъ съ открытыми лицами и не прячутся при приближеніи русскихъ, въ первые видѣнныхъ ими всадниковъ, а смотрятъ на нихъ съ нѣкоторою гордостью и не выказываютъ особеннаго любопытства. На головахъ женщинъ, этихъ горбоносыхъ, стройныхъ смугляночъ, часто встрѣчается оригинальный головной уборъ, по виду напоминающій наши тверскіе кокошники.

Хозяйство этихъ ауловъ состоитъ изъ запашекъ джюгарры и арбузныхъ бакшей; скотоводство ограничивается разведеніемъ козъ и барановъ, — послѣднихъ меньше: крупная скотина не выдерживаетъ здѣшняго, обильнаго комарами и слѣпнями, лѣта, лошади закутаны съ головы до ногъ войлоками, и всѣ почти страдаютъ воспаленіемъ глазъ отъ навозныхъ дымокуровъ — средство противъ слѣпней.

Лѣтнія помѣщенія туркменъ-далли состоятъ изъ войлочныхъ кибитокъ и шалашей, сдѣланныхъ изъ камышевыхъ плетенокъ; ближе къ водѣ видны ихъ зимовки, сакли, обнесенныя глинобитными стѣнами; у зимовокъ видны группы фруктовыхъ деревьевъ и тополевые питомники, но очень мало.

Джюгара, это основа питанія всего населенія, обширныя плантаціи которой прорѣзываетъ наша тропинка, уже начала доспѣвать; ея многочисленныя сочныя шишки наливаются на солнцѣ и привлекаютъ громадныя стаи воробьевъ.

Все юное населеніе занято спугиваніемъ жадныхъ, крылатыхъ воровъ, для чего на поляхъ устроены глинобитные столбики, до трехъ аршинъ вышиною; на этихъ сторожевыхъ обсерваторіяхъ торчатъ полуголыя, а то и вовсе голыя, точно бронзовыя, дѣтскія фигурки, вооруженныя веревочными пращами. Камешки и комочки глины свистятъ, прорѣзывая воздухъ по всѣмъ направленіямъ; слухъ путешественника поражается веселыми возгласами и перекрикиваньемъ юныхъ охранителей отцовскихъ плантацій.

Переправа Шуранъ находится на дорогѣ, ведущей изъ Шарабада въ Балхъ. Въ этомъ мѣстѣ извилистый боковой протокъ отрѣзываетъ отъ праваго берега продолговатый низменный островъ, половина котораго, ближайшая къ фарватеру, нѣсколько возвышена и поросла густымъ камышемъ и гребенщикомъ; другая-же половина — совершенно оголенная отмель, затопляемая и въ полую воду. Противъ этого острова, на старомъ материомъ берегу, въ полуверстѣ разстоянія отъ воды, видны еще довольно сохранившіяся глинобитныя стѣны крѣпости „Шуранъ-Кала“. Укрѣпленіе это, давно уже брошенное, имѣетъ видъ четырехугольнаго редута съ полукруглыми башнями по угламъ... За Шуранъ-Калою горизонтъ замыкается горнымъ хребтомъ Кокайтынъ-тау красивою линіею спускающимся къ самой Аму-Дарьѣ.

Кибитки для нашего ночлега поставлены были на самомъ берегу, на узкой полосѣ между обрывомъ и обширными плантаціями Джюгарры. Самыя кибитки были сносны, устланы порядочными туркменскими коврами и вязанными стеганными одѣялами, но что касается до кулинарнаго искусства обитателей Шурапа, то оно оказалось не въ блистательномъ положеніи.

Едва я успѣлъ сойти съ коня и вооружиться бинокленъ для осмотра разливающейся передъ моими глазами водяной поверхности, испещренной отмелями и островами, какъ замѣтилъ, верстахъ въ трехъ, недалеко отъ входа въ боковой протокъ, бѣлый тентъ нашего каика... Судно шло медленно, часто кружилось, уступая силѣ теченія и не слушаясь рулевыхъ веселъ, безпрестанно при этомъ задѣвая плисто-песчаныя мели.

Полчаса спустя послѣ нашего прибытія, подтянулся, наконецъ, и каикъ; каикчи (лодочники) просто-на-просто повыскакивали на берегъ протока, приняли бичеву и тягою доставили судно на указанное мѣсто.

Товарищи жаловались на неумѣлость и неопытность лодочниковъ и на плохія качества лодки; но другой не было — по неволѣ приходилось пользоваться этимъ жалкимъ каикомъ и его еще болѣе жалкимъ экипажемъ до Келифа, гдѣ разсчитывали устроить, съ помощью келифскаго бека, гораздо удобнѣе наше дальнѣйшее плаваніе.

Въ Термезѣ мы составили маршрутъ нашего плаванія, и по этому маршруту предполагалось дойти до Келифа въ трое сутокъ, т. е. имѣть на пути два ночлега: въ Шурапѣ и Чушка-Гузарѣ. Здѣсь-же оказалось, что до Келифа только осталось шесть ташей, т. е. около пятидесяти верстъ, что легко пройти въ одинъ день; эти свѣдѣнія не сходились ни съ нашею картою (сорокъ верстъ въ дюймѣ), ни съ свѣдѣніями въ замѣткахъ Быкова, по указанію котораго отъ Шурапа до Келифа шестьдесятъ девять верстъ, — на двадцать верстъ болѣе, чѣмъ намъ здѣсь говорили. Мы рѣшили завтра-же провѣрить это разногласіе и распорядились такъ: каикъ и отрядъ должны были идти весь день, имѣя привалъ въ Чушки-Гузарѣ, а каикъ — плыть безостановочно до темноты, чтобы выиграть время, не соображаясь съ движеніемъ конныхъ. Амлэкдару дали знать, что предполагаемый ночлегъ въ Чушки-Гузарѣ отмѣняется.

Распорядившись, такимъ образомъ, съ вечера, мы легли спать. Ночь эта прошла не особенно спокойно. Въ сосѣднихъ, полузалитыхъ водою зарослякъ камыша развылись шакалы и угощали насъ съ полуночи отвратительнѣйшимъ концертомъ, кромѣ того,— правда, уже послѣдніе, замирающіе къ осени, рои комаровъ всю ночь не давали спать людямъ и покойно жевать сѣно нашимъ конямъ... Туземцы увѣряютъ, что комары еще съ недѣлю просуществуютъ, но не болѣе. Къ разсвѣту стало довольно свѣжо, понадобились бурки. Часовъ въ пять утра отчалилъ каикъ, а черезъ часъ тронулись и мы, конные, по дорогѣ, ничѣмъ не отличающейся отъ вчерашней.

На переходѣ въ Чушка-Гузаръ мы въ первый разъ (въ этой мѣстности) видѣли фазановъ. Красивыя птицы поминутно перебѣгали тропинку и шумно взлетали надъ густыми чащами гребенщика и турангѝла.

Три часа добраго конскаго шага, и мы прибыли къ чушка-гузарской переправѣ, гдѣ выставлены были кибитки для привала.

Противъ этого мѣста видна громадная отмель, вся испещренная стоячими лужами водныхъ затоковъ. Вода въ Аму очевидно сбываетъ... Противоположный афганскій берегъ Аму тянется низменною равниною, густо поросшею камышемъ... День туманный, и высокій оригинальный холмъ „Шуръ-Тюбе“ на томъ берегу едва-едва очерчивается голубоватыми силуэтами.

Съ половины одиннадцатаго утра поднялся сильный западный вѣтеръ противъ теченья Аму. Вся поверхность рѣки покрылась крупною зыбью; береговой прибой, пѣнистыми волнами набѣгалъ на отмель... Вѣтеръ все усиливался и усиливался... Весь горизонтъ затянуло пыльною мглою.

А каика все еще не было въ виду.

Явилось невольное предположеніе, что нашъ жалкій расшатанный каикъ не справится съ бурею... Предположеніе это нашло поддержку въ мѣстныхъ аксакалахъ, насъ сопровождавшихъ... Оба старика съ безпокойствомъ поглядывали на рѣку и даже послали одного коннаго джигита обратно по берегу высматривать судно.

Оставить каикъ плыть независимо, какъ предполагали вчера, было-бы, по меньшей мѣрѣ, неосмотрительно, и я рѣшилъ не трогаться съ мѣста, пока дѣло съ каикомъ не разъяснится.

Только въ половинѣ перваго часа замѣчено было наше судно; его сильно отнесло къ лѣвому афганскому берегу. Каикъ не могъ попасть въ нашъ правый протокъ и съ усиленіемъ огибалъ островъ съ противоположной стороны. По маневрамъ лодки можно было предположить, что ловцы намѣрены плыть дальше, не останавливаясь у Чушка-Гузара, да и подойти сюда при этомъ вѣтрѣ не было для нихъ никакой возможности: ихъ сейчасъ-бы прижало вѣтромъ къ западному берегу и выбросило-бы на мель, что, кажется, уже, отчасти, и случилось, потому что на полузатопленной косѣ острова, были чуть видны въ биноклѣ два человѣка, идущіе въ бродъ пѣшкомъ, вѣроятно буксирующіе каикъ бичевою.

На всякій случай я оставилъ на берегу провизію (сырое мясо и лепешки) и записку къ Соколовскому. Все это я велѣлъ мѣстному амлэкдару передать пассажирамъ каика, еслибъ онъ присталъ къ ночи гдѣ-нибудь поблизости. Амлэкдаръ долженъ былъ здѣсь

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

оставаться и наблюдать за канкомъ, а съ наступленіемъ темноты — разложить по берегу сигнальные огни.

Я выступилъ съ конным впередъ и въ три часа пути достигъ Кара-Камара.

Вѣтеръ все усиливается и усиливается; тучи пыли и песку несутся намъ на встрѣчу и чрезвычайно затрудняютъ ходъ... Вдали ничего не видно. Характеръ мѣстности все тотъ-же, только на восьмой верстѣ пришлось, для сокращенія пути, подняться на крутизну матераго берега и пересѣчь часть песчаной пустыни бугристаго характера.

Когда отрядъ снова спустился въ береговую долину, то, между тропою и берегомъ, потянулись прекрасно обработанныя плантаціи... Вся мѣстность изрѣзана правильными, чисто содержанными арыками; видны квадратные резервуары воды (хаузы), сады съ опрятными, просторными саклями, аккуратно огороженными глинобитными стѣнами... Вся картина дышала довольствомъ и относительнымъ комфортомъ, но за то дальше, за ташъ до Кара-Камара, опять потянулись запущенные, едва сохранившіе слѣды обработки и орошенія, заросли камыша и болотистыя пространства, сливающіяся съ самымъ берегомъ.

Стало темнѣть, и кони наши утомились изрядно. Аксакалъ совѣтовалъ намъ оставаться здѣсь на ночлегъ, увѣряя, что мы всю ночь пробьемся даромъ и все равно не дойдемъ до Келифа однимъ переходомъ. Дѣлать нечего, пришлось оставаться.

Такъ какъ этотъ ночлегъ не входилъ въ программу пути и явился неожиданностью, то мы не имѣли права и претендовать на нераспорядительность мѣстнаго аксакала, не заготовившаго намъ здѣсь ни кибитокъ, ни провизіи. Кое-какъ, впрочемъ, мы добыли немного корму для лошадей, благодаря энергіи и ловкости высланнаго намъ на встрѣчу зятя ширабадскаго бека — Диввачи... Ночью, впрочемъ, джигиты привели откуда-то живаго барана, котораго и предали немедленно закланію.

Думая, что если и не засвѣтло, то въ началѣ ночи канкъ подойдетъ къ мѣсту нашей стоянки, я велѣлъ разложить на берегу колоссальный сигнальный костеръ и поддерживать его втеченіи всей ночи. Картина нашего бивуака, освѣщенная заревомъ этого костра, была очень эффектна.

Часамъ къ шести вечера вѣтеръ нѣсколько стихъ и пыль улеглась. Воздухъ очистился, и впереди, правѣе показались довольно явственно отроги хребта Куэтанъ-тау, а ближе, гораздо ниже перваго,— отдѣльная гряда Кара-Кумаръ, тянущаяся параллельно Куэтанъ-тау.

Келифъ находится по ту сторону этихъ отроговъ. Завтра, значитъ, предстоитъ намъ двойной переваль.

Въ часъ ночи ровно меня разбудили. Прискакалъ гонецъ съ Чушка-Гузара съ вѣстями съ канка, вѣстями не особенно пріятными.

Это была записка на клочкѣ бумаги карандашемъ отъ Н. В. Сорокина — слѣдующаго содержанія:

„Сильный вѣтеръ прибилъ насъ къ афганскому берегу. Афганцами задержаны три нашихъ казака и четыре сарта канкчей, которые тянули канкъ бичевою. Выходимъ изъ Чушка-Гузара въ пять часовъ вечера. Придя въ Келифъ, попросите бека помочь освободить казаковъ и доставить ихъ прямо въ Келифъ, такъ какъ лодокъ здѣсь не находится. Дѣйствуйте дипломатично, чтобы не надѣлать шума".

Это была уже не непріятность, а нѣчто похожее на крупное несчастіе, если принять во вниманіе слѣдующую обстановку дѣла.

Хотя оффиціально Бухара и Россія не были въ войнѣ съ Афганистаномъ, но отношенія афганцевъ къ намъ не могли назваться особенно дружескими: отношенія эти были до нельзя натянуты, а афганскій народъ относился прямо враждебно.

Случайность заставила канкъ подойти къ афганскому берегу; случайность заставила нашихъ казаковъ и несчастныхъ канкчей высадиться на берегъ, и этою случайностью афганцы воспользовались, захвативъ живьемъ нежданныхъ гостей. Теперь вопросъ заключался въ слѣдующемъ: захватили-ли ихъ по приказанію афганской администраціи афганскія войска или просто народъ? Если первое,—то это еще поправимо, если второе, — то захваченнымъ грозитъ бѣда великая.

Населеніе лѣваго берега занимается грабежемъ и рабо-торговлею; трое русскихъ здоровыхъ казаковъ — товаръ выгодный, и конечно, захватившіе поспѣшили-бы спрятать ихъ отъ своихъ властей и тихонько сбыть на рынкѣ Мерва и Герата. Надо было, значитъ, немедленно увѣдомить губернатора Мазаръ-и-Шерифа о томъ, что случилось въ его владѣніяхъ и потребовать отъ него распоряженія о выдачѣ плѣнныхъ обратно. Все это можно было сдѣлать только изъ Келифа, съ помощью тамошняго бека, и я, не теряя времени поднялъ отрядъ съ разсвѣтомъ на ноги и погналъ его въ Келифъ форсированнымъ маршемъ.

Пройдя береговою тропинкою, между густыхъ стѣнъ камыша, версты три, отрядъ выбрался на матерой берегъ и шелъ верстъ восемь песчаными галечными россыпями. Горы Куэтанъ-Тау остались далеко правѣе, ближе къ самой дорогѣ спускался кряжъ Кара-Кумаръ, а прямо, пересѣкая путь и спускаясь къ самой рѣкѣ — отрогъ Куланъ-Ашаръ (жеребячій прыжокъ), черезъ который велъ не высокій сѣдловидный переваль, довольно еще сносный на подъемѣ съ этой стороны, но чрезвычайно трудный для спуска со стороны противуположной. Даже привычные джигиты, на привычныхъ, испытанныхъ коняхъ, должны были спѣшиться и вести лошадей въ поводу.

Далѣе пошла уже превосходная, ровная каменистая дорога, правѣе которой и лѣвѣе возвышались короткіе острово-образные гряды холмовъ съ обнаженными головами песчаниковыхъ пластовъ, обращенныхъ къ рѣкѣ, т. е. на юго-юго-востокъ (S-O-S). На томъ берегу возвышалось продолженіе этихъ хребтовъ, прорѣзанныхъ бассейномъ рѣки, образуя гористую, обрывистую часть афганскаго берега. За послѣдними грядами праваго берега тянулась зеленая полоска садовъ, и надъ ними темнѣлась насыпь искусственнаго кургана, увѣнчаннаго цитаделью, — это помѣщеніе самого бека келифскаго. У подножья этого кургана и лѣпятся сакли и прочія строенія города, весьма жалкаго на видъ, бѣднаго, будто заброшеннаго на произволъ мертвымъ нескамъ, желтыя массы которыхъ тянутся чуть не до самаго Карши и границъ заравшанскаго и тегрисябзскаго бассейновъ.

(Продолженіе будетъ.)

Знаменитый художникъ Доре приготовляетъ, въ настоящее время, роскошную композицію — картину на громадномъ полотнѣ; сюжетъ ея — «апогей славы Виктора Гюго». На первомъ планѣ, предъ зрителемъ прекрасно исполнена скала, на которой сидитъ В. Гюго и держитъ лиру; вѣтеръ колеблетъ ея струны; внизу страшно бушующее море, на которомъ видны «Travailleurs de la Mer»; на небѣ звѣзда — эмблема его трудовъ «Chatiments»; слѣва — юность поэта, изображенная въ аллегорическихъ фигурахъ музъ, пери и волшебницъ; справа — три граціи несутъ его лавры къ виднѣющемуся вдали мраморному чертогу — аллегорическому обиталищу Гомера, гдѣ видны двѣ дѣвы, «Иліада и Одиссея»; еще далѣе,— на яркомъ горизонтѣ видны четыре зданія: жилища Данте, Виргилія, Шекспира, Гёте; а пятое — начинаетъ проясняться, и изъ него выходитъ въ необыкновенномъ блескѣ величественная тѣнь Гюго.

—

Извѣстный нашъ профессоръ А. П. Мещерскій оканчиваетъ на открывшуюся въ Лондонѣ международную художественную выставку прекрасную, большихъ размѣровъ картину, изображающую русскую «Зиму».

—

Въ Боннѣ (23-го) 11-го мая открытъ колоссальный монументъ Шуману.

—

Въ день общаго собранія членовъ общества поощренія художниковъ была открыта выставка учениковъ школы общества. Работы учениковъ заслужили общаго одобренія. Многія изъ работъ исполнены дѣйствительно не только хорошо, но даже артистически. Въ числѣ классовъ, выказавшихъ особые успѣхи, нельзя было не обратить вниманія на классъ живописи по фарфору и фаянсу. Нѣкоторыя изъ этихъ работъ на столько были удачны, что общество поднесло ихъ Государынѣ Императрицѣ и Государю Императору въ день 19-го февраля. Особыхъ наградъ, то-есть медалей, удостоились по живописи на фарфорѣ и фаянсѣ г-жи Полѣнова и Назимова; по рисованію съ бюстовъ большую медаль получилъ г. Биркинъ, а малыя гг. Вербовъ и Петровъ; по рисованію съ натуры большую медаль получилъ г. Александровъ, а малыя — г-жи Зифетръ и Барсукова; по классу лѣпленія большой медали удостоился г. Карасевъ, а малой — гг. Шуруповъ и Рѣпинъ; по гравированію на деревѣ второй медали удостоилась г-жа Машукова; по классу акварели съ натуры вторую медаль получила г-жа Ренненкамфъ.

Въ истекшемъ учебномъ году школу общества посѣщало 927 человѣкъ (607 въ мужскихъ классахъ, 320 въ женскихъ). Изъ нихъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній было 48, студентовъ 33, кадетъ 19, крестьянъ 13, мѣщанъ 48, купцовъ 43, военныхъ 36, чиновниковъ 51, дворянъ 39, лицъ духовнаго званія 9, наконецъ, мастеровъ и ремесленниковъ 268 лицъ.

Въ истекшемъ году въ школѣ прибавлены два класса: изученіе декоративной живописи клеевыми и масляными красками и классъ черченія съ оттушевкою тѣней. Къ этимъ классамъ прибавлены также популярныя лекціи по исторіи искусствъ.

Въ началѣ истекшаго года, впервые, стали обращаться въ школу съ заказами отъ частныхъ лицъ и фабрикантовъ. Заказы эти постепенно увеличивались, и къ концу года ихъ было такъ много, что недоставало рукъ для выполненія заказовъ къ сроку. Главная доля заказовъ шла на рисунки по промышленной части для фабрикантовъ.

—

Художникъ М. О. Микѣшинъ ѣдетъ въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы тамъ посвятить свою дѣятельность, исключительно, иллюстраціоннымъ работамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по части русской иллюстраціи Микѣшинъ не останется въ Парижѣ безъ работъ; такъ какъ изъ имѣющихся тамъ нашихъ художниковъ занимается этимъ дѣломъ одинъ Дмитріевъ-Оренбургскій, и тотъ, какъ намъ передавали, заваленъ работами.

* * *

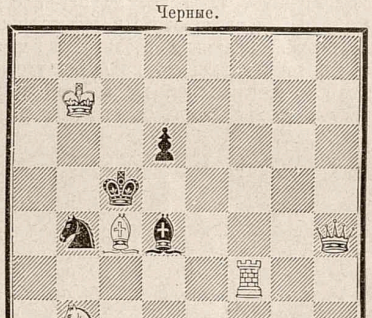
Въ Нью-Іоркѣ проектируется постройка новаго опернаго театра Metropolitan Opera House Company; для этой цѣли удалось уже собрать по подпискѣ сумму въ 600,000 долларовъ.

ЗАДАЧА № 544.

Д. В. Кларка (въ Барнаулѣ).

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ матъ въ 2 хода.

ПАРТІЯ № 463.

Играна въ Парижѣ въ Café de la Régence, 23 апрѣля 1880 г.

Вѣнскій дебютъ.

Бѣлые. А. Клеръ (Clerc).	М.	Черные. Безкровный.			
1. e2—e4	1.	e7—e5	9. g1—h3	9. h8—e6	
2. b1—c3[1])	2.	g8—f6[2])	10. d1—f3	10. c6 : d4!	
3. f2—f4	3.	d7—d5	11. c3 : d4	11. d8 : d4	
4. d2—d3	4.	f8 - b4	12. a1—b1[4])	12. d4—c3†	
5. a2—a3?[3])	5.	b4 : c3†	13. c1—d1	13. g4 : e5!	
6. b2 : c3	6.	d5 : e4	14. f3 : e3	14. e8—g4†	
7. f4 : e5	7.	f6—g4	15. f1—e2	15. 0—0—0	
8. d3—d4	8.	e4—e3	Сдаются.		

Примѣчая М. С. Безкровнаго.

1) Это любимый дебютъ г. Клера, которымъ онъ выигралъ на большомъ парижскомъ турнирѣ 1878 г. партіи у Мекензи, Розенталя, Энглиша и др.

2) Г. Клеръ очень хорошо анализировалъ варіанты, связанныя съ ходомъ 2. b8 c6; въ особенности гамбитъ Стейница. Чтобы избѣжать эти варіанты, я всегда отвѣчаю 2. g8—f6 и изъ 4-хъ партій въ среднемъ числѣ проигрываю только одну.

3) Лучшій ходъ здѣсь 5. f4 : e5, но г. Клеръ сыгралъ иначе, чтобы избѣжать слѣдующей сильной, но, кажется, не совсѣмъ солидной атаки: 5. f4 : e5, f6 : e4!; 6. d3 : e4, d8—h4†; 7. e1 - e2, c8 - g4†; 8. g1—f3, b4 : c3; 9. b2 : c3, d5 : e4; 10 d1—d4, g4—h5; 11. e2—e3 (какъ въ матчевой партіи Стейница съ Блакбурномъ), h5 : f3; 12. f1 - b5† (чтобы избѣжать вѣчнаго шаха) и т. д. Или 11. e2 - d2, h5 : f3; 12. g2 : f3, b8 — 6; 13. d4—c3 (если d4 : e4, то ферзь потерянъ), 0 - 0 - 0†; 14. d2—e2, e4 : f3† и т. д.

4) Хотя этотъ ходъ и не хорошъ, но спасти партію уже невозможно.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 594.] Годъ XII. 24 мая 1880 года. [Томъ XXIII. № 22.

Статуя на памятникъ А. С. Пушкину въ Москвѣ, выполненная академикомъ А. М. Опекушинымъ.

(Рисовалъ А. Бальдингеръ).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

формы и эффекта. Въ непрошенныхъ совѣтахъ людей, не понимавшихъ дѣла, былъ даже излишекъ усердія. И совѣтники эти завралисъ до того, что предлагали отложить — не меньше какъ на 15 лѣтъ — выполненіе модели для памятника Пушкину, чтобы призвать къ труду новое поколѣніе скульпторовъ. Какъ будто можно впередъ предвидѣть, что черезъ 15 лѣтъ явятся у насъ лучшіе скульптурные таланты! Другая идея, высказанная печатью, была болѣе примѣнима. Предлагали занять двухъ-трехъ скульпторовъ, уже проявившихъ на предшествующихъ конкурсахъ талантливость, съ тѣмъ чтобы выставили они свои модели, выработавъ ихъ какъ можно лучше. Комитетъ остановился на этомъ рѣшеніи и не прочь былъ еще разъ дать премію за статую поэта, которая оправдала-бы общія надежды, представивъ Пушкина похожимъ и давъ изящную форму некрасивому, въ сущности, современному костюму.

Съ этими побужденіями рѣшена третья выставка моделей въ помѣщеніи постоянной выставки общества поощренія художниковъ, въ мартѣ 1875 года.

Здѣсь выступили гг. Забѣлло, Шредеръ, дѣлавшіе лучшія фигуры на памятникъ Тысячелѣтія, Опекушинъ, выполнявшій фигуры сотрудниковъ Екатерины II на ея памятникѣ, и Антокольскій, котораго черезъ-чуръ расхвалили и приподняли за статую сидящаго «Грознаго»; Забѣлло и Опекушинъ сосредоточили все свое вниманіе на выработкѣ портретной

Архіепископъ **Гавріилъ Айвазовскій**, начальникъ армяно-грегоріанской грузино-имеретинской епархіи † 8 апрѣля.

(Рисов. П. Ф. Борель).

фигуры Пушкина, задаваясь, больше всего, идеею представить намъ поэта съ присущимъ ему одному, индивидуальнымъ выраженіемъ думы и мечтательности. Опекушинъ выставилъ шесть моделей; Забѣлло — двѣ. Опекушинъ далеко оставлялъ за собою соперника мастерствомъ выполненія въ лѣпкѣ, кромѣ достиженія большей граціи въ формахъ. Поза поэта — заложеніе руки на груди — у обоихъ была естественная и непринужденная. У Забѣлло на лицѣ выраженіе ума и энергіи тоже было, только нѣсколько грубѣе. Забѣлло № 4-й и Опекушина № 7-й были, безспорно, лучшими изъ всего выставленнаго, хотя первый и сильно уступалъ послѣднему даже въ лучшей своей модели. Такъ что здѣсь, если выборъ остановить захотѣли-бы распорядители на портретной фигурѣ поэта, то бралъ первенство Опекушинъ. Г. Шредеръ, представивъ Пушкина съ перомъ въ правой рукѣ и свертком бумаги въ лѣвой, въ сюртукѣ, задрапировалъ его ниже пояса плащемъ, — и если онъ бралъ въ силуэтѣ, то терялъ все въ изящности выполненія, не обѣщая и будущею обработкою устранить отсутствіе непринужденности позы. Группы у него, посаженныя на выступахъ базы, и барельефы на пьедесталѣ, кромѣ увеличенія расходовъ, не сулили особенной красоты, хотя были пріятны и не портили общаго эффекта своимъ ансамблемъ, представляя нарядное цѣлое, сильно бьющее на декоративность, — не болѣе. Но по части декоративности бралъ верхъ самою зада-

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Развалины крѣпости Джигитъ-кала.

(Рисовалъ нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Каразинъ).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

чею своею проектъ Антокольскаго, теперь только и выступившаго конкуррентомъ уже извѣдавшихъ силы своихъ соперниковъ.

М. М. Антокольскій представилъ Пушкина сидящимъ на отвѣсномъ монолитѣ, съ боку котораго размѣстилъ отдѣльно фигуры по уступамъ, напоминавшимъ витую лѣстницу — для полнаго сходства съ нею и представленія поручня, обведеннаго по краю внѣшняго обрыва преградою отъ паденія, проволокою. По уступамъ съ боку монолита Антокольскій поставилъ постепенно, возвышая однѣхъ надъ другими, девять фигуръ: Мазепу, Пугачева, Сальери, Моцарта, инока Пимена, царя Бориса, Татьяну, Скупаго Рыцаря и Рыбака. Почему эти типы выбралъ композиторъ, мы не имѣемъ права спрашивать, а можемъ только дивиться, почему, напримѣръ, оказана въ «Капитанской Дочкѣ» честь помѣщенія Пугачеву, даже не составляющему главнаго персонажа, не говоря уже о Пугачевскомъ бунтѣ, гдѣ авторъ не снабдилъ самозванца исключительными чертами характера и человѣчности. Памятникъ между тѣмъ долженъ служить цѣли нравственнаго воспитанія и возвышенію духа образами творчества высоко-человѣчнаго. И, не касаясь ошибочности выбора типовъ, что на самомъ дѣлѣ — кромѣ мнимой новости идеи, представляетъ выгоднаго въ художественномъ отношеніи проектная модель Антокольскаго? Фигуры боковыя у него совершенно не связаны между собою и не составляютъ группъ. По своему положенію, стоя ниже и выше, онѣ не даютъ возможности выгодно разсматривать ихъ съ одного или нѣсколькихъ пунктовъ. Размѣръ ихъ относительно верхней фигуры поэта сравнительно малъ, а онѣ между тѣмъ ближе къ зрителю, и изъ-за нихъ виднѣе выдвигается невыгодно не производящая эффекта масса скалы. Скажемъ болѣе: на этой массѣ онѣ могутъ выдѣляться въ бронзѣ, пока она не потускнѣла, а потомъ выдѣленіе будетъ недостаточно, и, представляясь пятнами, онѣ должны утратить самую большую часть эффекта, на который больше всего упирали цѣнители державшіе сторону Антокольскаго. Между тѣмъ, исчезновеніе рельефа бронзовыхъ статуй на фонѣ камня основанія — самое существенное въ вопросѣ объ эффектѣ, и явленіе ничѣмъ не отвратимое. Развѣ позолотить фигуры; но тогда получится обратный эффектъ, и полная дисгармонія тоновъ, при которой трудно разсмотрѣть достоинство переднихъ фигуръ,

М. С. Мазуринъ, коммерціи совѣтникъ † 13 февраля.
(Рисов. П. Ф. Борель).

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Барханистые сыпучіе пески близъ развалинъ Кызъ-кала.
(Рисовалъ нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Каразинъ).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

лами львамъ,—надписи: «Севастополь», «Карсъ», «Кавказъ», «Дунай», «Варшава», «Одесса» и др. Затѣмъ на ящикѣ — надпись: «12-го марта, Павлу Евграфовичу Коцебу, 1820 — 1880». Вообще объ исполненіи можно сказать, что работы скульптурная, чеканная, репусе и изъ цвѣтной эмали, а также чистота отдѣлки, выдержанность рисунка и строгая, точная передача моделей Лансере и Жуковскаго дѣлаютъ ларецъ высоко-художественной вещью, вполнѣ достойной поднесенія маститому юбиляру, стяжавшему не только лавры на многочисленныхъ поляхъ битвъ, но и получившему извѣстность замѣчательнаго административнаго дѣятеля.

П. И.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Геологи эти сдѣлали уже значительные успѣхи въ своихъ набѣгахъ на трудъ человѣка. Чистый, мелкій, словно сквозь сито просѣянный, песокъ образовалъ среди зелени прибрежныхъ полей и садовъ длинные, волнообразные барханы. Такіе-же барханы видны и у самыхъ стѣнъ города, засыпая бѣдныя сакли городскихъ предмѣстій.

Келифцы апатично повинуются волѣ Аллаха и не принимаютъ никакихъ мѣръ противъ песчаныхъ набѣговъ; они только жалуются на сильные, рѣзко мѣняющіе свое направленіе вѣтры, налетающіе на городъ съ силою ураганов.

Численность всего населенія города и окрестныхъ кишлаковъ не превышаетъ трехъ тысячъ кибитокъ (здѣсь счетъ населенія ведется какъ у номадовъ — кибитками). Въ базарные дни, по пятницамъ, городъ нѣсколько оживляется, но въ прочіе дни онъ глядитъ безмолвною могилою. Цитадель съ дворцомъ бека имѣетъ видъ безобразной, почти безформенной груды мазанокъ; надо очень пристально всматриваться, чтобы отдѣлять архитектуру отъ грунта кургана, все сплошь одна и та-же лесовая глина; отсутствіе оконъ снаружи еще болѣе усиливаетъ это сходство.

У самаго въѣзда въ городъ разбросаны грудообразныя могилы келифскаго кладбища; кое-гдѣ торчатъ шесты съ клочьями тряпокъ въ видѣ значковъ. Изъ могильныхъ отдушинъ и случайныхъ провалозъ тянетъ по вѣтру отвратительною трупною вонью, распространяя заразу въ тѣсныхъ и грязныхъ городскихъ улицахъ, отравляя воздухъ на базарѣ и въ сакляхъ келифцевъ. Во всемъ городѣ нѣтъ ни одного прудика, ни одной капли воды, кромѣ той, что въ сосудахъ у обитателей, ни одного деревца, ничего, что могло-бы хотя сколько-нибудь — благотворно вліять на воздухъ.

Съ приближеніемъ къ городу, зеленая полоса, производящая такое пріятное впечатлѣніе издали, превращается въ два три тощихъ таловыхъ садика и крохотные участки джугары, а затѣмъ сплошь дикій камышъ, единственный сильный борецъ и защитникъ рѣки отъ песчаныхъ наносовъ.

За этимъ щитомъ развертывается широкая панорама Аму, разливающейся здѣсь на три и даже болѣе верстъ шириною, образующей по срединѣ цѣлый лабиринтъ отмелей, причудливой, разнообразной формы.

Противъ келифской цитадели, внизу, между причалами бухарской и афганской переправъ рѣка съуживается до двухсотъ-семидесяти саженей; на той сторонѣ, у подножья гористой части берега, уступами по скату лѣпятся четыре сакли и видѣнъ загончикъ для скота. Здѣсь афганская пристань, и около нея чинно въ рядъ стоятъ три большихъ каика въ ожиданіи потребности.

На томъ берегу уныло, пусто и безлюдно; громоздятся безобразные, голые утесы, накаленные солнцемъ, — тѣни никакой. На этомъ, келифскомъ берегу пристань гораздо уютнѣе. Здѣсь съ десятокъ старыхъ развѣсистыхъ таловъ образовали родъ тѣнистой аллеи, и подъ ними гостепріимно разставлены были для насъ бековскіе кибитки и сервировъ обильный досталъ ханъ.

На причалахъ келифской переправы стоятъ два каика большихъ и одинъ малый,—это всѣ перевозочныя средства келифско-мозаръ-шерифскаго торговаго тракта.

Когда конный отрядъ прибылъ на мѣсто и остановился въ тѣни таловыхъ деревьевъ, къ намъ явились аксакалы города и молодой братъ бека, находившагося въ то время въ отсутствіи, по случаю проѣзда эмира изъ Карши въ Шаръ.

Первымъ дѣломъ, конечно, послѣ размѣна оффиціальныхъ любезностей, я сообщилъ брату бека о происшествіи съ казаками и просилъ его немедленно распорядиться посылкою людей въ Мозаръ-Шерифъ, гдѣ, въ настоящую минуту, находился афганскій губернаторъ области, и, кромѣ того, написать отъ себя этому губернатору, какъ доброму сосѣду, и просить его, отъ своего имени, о немедленномъ освобожденіи казаковъ — однимъ словомъ помочь нашему дѣлу. Братъ бека видимо былъ смущенъ моею просьбою и сталъ отнѣкиваться, ссылаясь на то, что самое происшествіе случилось въ предѣлахъ бекства шарабадскаго, и что онъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ распоряженіе своего сосѣда. Онъ, впрочемъ, обѣщалъ написать въ Шарабадъ, а оттуда, молъ, уже распорядятся какъ слѣдуетъ. Видя, что дѣло, по бухарскимъ чиновничьимъ обычаямъ, идетъ на безконечныя проволочки и что просьбами толку не добьешся, я замѣтилъ временному правителю Келифа, что его государь, эмиръ-Мозафаръ, лично обѣщалъ намъ въ Карши всякое содѣйствіе со стороны бухарскихъ властей, и что, на основаніи этого, я былъ вправѣ ожидать со стороны келифскаго бека болѣе энергичнаго участія въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ участь трехъ русскихъ казаковъ и четырехъ подданныхъ бухарскаго эмира.

Я велѣлъ немедленно снарядить отвѣтственнаго гонца въ Мозаръ-Шерифъ, который сейчасъ-же долженъ отправляться по назначенію, съ моимъ письмомъ къ афганскому губернатору.

Черезъ полчаса мое письмо было готово и снабжено переводомъ на персидскій языкъ, а братъ бека, внезапно воспылавъ энергіей, послалъ гонца въ Шарабадъ и, кромѣ того, отправилъ лазутчиковъ на тотъ берегъ—вывѣдать, что можно, объ участи нашихъ плѣнныхъ.

Къ четыремъ часамъ по полудни дотянулся до Келифа и нашъ сильно отставшій каикъ съ остатками уцѣлѣвшаго отъ плѣненія экипажа. Пассажиры каика разсказали подробности дѣла.

Оказалось, что противъ Чушка-Гузара каикъ нашъ сильно нажимало противнымъ вѣтромъ на афганскій берегъ, и невозможно было двигаться иначе какъ протащивъ судно бичевою до выдающейся впереди косы, откуда уже можно было спускаться теченіемъ далѣе. Высаженные на берегъ люди, безоружные и въ одномъ бѣльѣ, сначала тянули каикъ безпрепятственно, хотя около нихъ и стали уже собираться афганцы въ довольно большомъ количествѣ. Объясняя это сборище простымъ любопытствомъ на каикѣ не принимали никакихъ мѣръ предосторожности, но какъ разъ на конечномъ пунктѣ тяги сильный шквалъ вырвалъ бичеву изъ рукъ тянувшихъ, и каикъ отбросило саженей на сто къ песчанымъ отмелямъ, занимавшимъ середину рѣки. Въ ту-же минуту изъ за-кручи выскочилъ конный отрядъ и моментально окружилъ конныхъ людей. Тѣмъ, конечно, пришлось покориться печальной необходимости и сдаться безъ сопротивленія, а каикъ все болѣе и болѣе относило теперь уже къ правому берегу, такъ что оказать помощь захваченнымъ не было уже никакой возможности, да врядъ-ли было-бы умѣстно, въ данномъ случаѣ, пускать въ ходъ оружіе.

Теперь мы разсчитывали только на результаты письма моего къ мазаръ-шерифскому губернатору.

Ночь прошла относительно покойно, — только на томъ берегу, сквозь туманъ, ярко свѣтились сторожевые огни и слышался глухой гулъ барабановъ: это афганцы подняли тревогу по поводу нашего присутствія въ такомъ близкомъ отъ нихъ разстояніи.

Рѣшивъ разъ не трогаться изъ Келифа, пока не узнаемъ точно объ участи плѣнныхъ, — мы твердо держались этого рѣшенія.

Слѣдующій день прошелъ скучно и однообразно. Опустѣлый городъ положительно не подавалъ и признака жизни; нѣсколько десятковъ бѣдно, нищенски одѣтыхъ келифцевъ апатично сидѣли на берегу, созерцая рѣку и нашъ маленькій лагерь.

Въ теченіи дня мимо насъ, молчаливо скользя по водѣ, словно тѣни, проплыли нѣсколько плотовъ — саллы. На томъ берегу появился большой караванъ и расположился на пескѣ въ ожиданіи переправы... Братъ бека и келифскія власти заперлись въ цитадели и не показывались.

Къ вечеру солнце спустилось въ густомъ, багрово-красномъ туманѣ и поднялся сильный вѣтеръ, часамъ къ десяти превратившійся въ ураганъ, едва не сорвавшій съ мѣста нашихъ палатокъ.

Около полуночи мы были обрадованы прибытіемъ нашихъ задержанныхъ людей, которые разсказывали, что афганцы обошлись съ ними довольно прилично, кормили хорошо и намѣревались вести въ глубь страны; но начальникъ мѣстныхъ войскъ, получивъ мое письмо, рѣшилъ отпустить ихъ немедленно и даже распорядился нанять для нихъ ишаковъ.

Слѣдующій день мы простояли опять на мѣстѣ, потому что Мушкетову надо было сдѣлать маленькую экскурсію верстъ за тридцать — осмотрѣть соляныя копи и ихъ разработку.

Къ девяти часамъ вечера этого дня мы ясно почувствовали довольно сильный подземный ударъ; направленіе этого удара было съ сѣвера на югъ. Въ продолженіи минуты времени удары повторились разъ до шести, сохраняя все то-же направленіе.

Люди, лежавшіе въ минуты землятресенія, чувствовали его сильнѣе. Интересно, что лошади отнеслись къ данному явленію совершенно равнодушно; признака безпокойства у этихъ животныхъ не было замѣчено; собаки-же бека подняли унылый, жалобный вой; лежавшіе на пескѣ верблюды пугливо повскакивали съ своихъ мѣстъ и заметались между вьюками.

На другой день, съ разсвѣтомъ, смѣнивъ нашъ дряной каикъ на два болѣе удобные и помѣстительные, мы тронулись далѣе, опять раздѣлившись на двѣ партіи.

(Продолженіе будетъ.)

Картины А. И. Куинджи, числомъ три, какъ начатыя, такъ и написанныя, но не вполнѣ оконченныя, продолжаютъ возбуждать общее любопытство любителей и художниковъ. Ежедневно, не смотря на надпись: «мастерская закрыта», посѣтители являются одинъ за другимъ. Картины эти всѣ уже проданы: одна — Е. И. В. Великому Князю Константину Константиновичу; другая — Демидову кн. Санъ-Донато и третья — П. М. Третьякову. Выставка этихъ картинъ послѣдуетъ осенью въ помѣщеніи общества поощренія художниковъ.

—

И. Н. Крамской написалъ два замѣчательныхъ портрета: князя Щербатова и барона Гинцбурга. Портреты эти, не смотря на всѣмъ извѣстныя достоинства предъидущихъ работъ Крамскаго, рѣзко выдвигаются впередъ и, по общему отзыву, составляютъ въ нашемъ искусствѣ своего рода явленіе.

—

Императорская академія художествъ объявляетъ конкурсы на золотыя медали по жанру, для художниковъ и постороннихъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Право участія въ конкурсахъ предоставляется: а) окончившимъ художественное образованіе въ академіи съ 1-ю серебряною медалью, чрезъ три года послѣ выхода изъ оной; б) постороннимъ обоего пола.

2) Посторонніе обоего пола, не воспитывавшіеся въ академіи и неизвѣстные ей по своимъ работамъ, для полученія права вступить въ конкурсъ, должны: а) написать этюдъ въ этюдномъ классѣ академіи и б) выдержать испытаніе въ композиціи. Кромѣ этого, удостоенные 1-й золотой медали, подвергаются экзамену изъ спеціальныхъ предметовъ курса академіи по живописи, если имѣютъ свидѣтельства не ниже 4-го класса гимназіи.

3) Выборъ сюжета для конкурса предоставляется автору, съ тѣмъ, чтобы содержаніе его было объявлено совѣту въ особой запискѣ, заблаговременно. При одинаковыхъ достоинствахъ, историческому жанру отдается предпочтеніе.

4) Въ конкурсахъ дозволяется участвовать по нѣсколько разъ.

5) Конкурсы будутъ происходить черезъ годъ, въ опредѣленное совѣтомъ время, о чемъ будетъ заблаговременно сообщаться чрезъ публикацію въ газетахъ.

6) Удостоенный 1-й золотой медали получаетъ право на пенсіонерское содержаніе въ теченіи двухъ лѣтъ. Желающіе ѣхать за-границу получаютъ, сверхъ содержанія, путевыя въ оба конца.

7) Кромѣ 1-й золотой медали назначаются еще для поощренія золотыя медали: 2-го достоинства и за экспрессію. Желающіе участвовать въ конкурсахъ текущаго года приглашаются прислать въ Императорскую академію художествъ: а) заявленія объ избранныхъ сюжетахъ къ 15-му числу августа, б) готовыя работы, предназначенныя для конкурса, къ 20 числу декабря. Посторонніе, желающіе получить право на участіе въ конкурсахъ, приглашаются въ Императорскую академію художествъ 2-го іюня текущаго года, къ 11 часамъ утра, со всѣми принадлежностями для занятій въ этюдномъ классѣ.

—

Первый призъ въ конкурсѣ на монументъ въ честь французской республики, который будетъ воздвигнутъ на площади Château d'Eau въ Парижѣ, присужденъ скульптору Морису; ему-же поручено отлить бронзовую колоссальную статую Республики.

* * *

Въ Джирженти, въ Сициліи, состоялось недавно открытіе новаго театра, который, по всей вѣроятности, будетъ названъ именемъ Верди.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 596.] Годъ XII. 7 іюня 1880 года. [Томъ XXIII. № 24.

Троицынъ день въ деревнѣ. Семикъ.

(Рисунокъ А. Баумана).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

призванъ управлять. Посѣщеніе г. Сабуровымъ петербургскаго университета также произвело чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе на профессоровъ и студентовъ университета.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Мы оставили Келифъ двадцать девятаго августа. Я продолжалъ движеніе съ коннымъ отрядомъ, выступившимъ за полчаса ранѣе каиковъ. Составъ отряда этого значительно сократился, такъ какъ на каики были приняты всѣ казаки и ихъ лошади. Отрядъ теперь состоялъ исключительно изъ меня, присоединившагося ко мнѣ ботаника Сорокина и туземныхъ джигитовъ.

Дорога наша сохраняла тотъ-же характеръ; только на серединѣ переѣзда тянулась гладкая равнина солонцевато-глинистыхъ осадковъ, растрескавшаяся отъ солнечнаго жара.

Переходъ этою печальною долиною былъ томительно скученъ; знойная мгла заволокла горизонтъ, и, казалось, что конца не будетъ этой мертвой пустынѣ... Часа черезъ два, однако, впереди, въ туманѣ стали неясными контурами обрисовываться, покрытые кустарною растительностью, береговые спуски и блеснула желтовато-сѣрая поверхность Аму.

Мы опять вступили въ населенную береговую полосу туркменскихъ кишлаковъ, со всею уже описанною мною подробно обстановкою.

На привалъ мы стали у переправы Ходжа-Сала. Здѣсь Аму очень широка, и контуры покрытаго садами противуположнаго афганскаго берега едва очерчиваются синеватою полосою.

Каикъ запоздалъ часа на три; однако, мы его таки дождались и, отдохнувъ всѣ вмѣстѣ, размѣнявшись впечатлѣніями дороги, мы тронулись далѣе, вступивъ въ чащу самой необыкновенно густой куги, поросшей на тонкой, низменной почвѣ, прорѣзанной едва замѣтными, узенькими тропинками.

По одной изъ такой тропинокъ мы и потянулись гуськомъ, другъ за другомъ, тщательно оберегая свои глаза и лица отъ размаховъ и ударовъ длинныхъ, широко-листыхъ стеблей этой береговой растительности.

Впереди, открывая шествіе, и сзади, замыкая кортежъ, ѣхали мѣстные проводники, выставленные намъ по распоряженію керкинскаго бека. Безъ помощи этихъ знающихъ проводниковъ трудно было-бы намъ ориентироваться въ этой густой чащѣ. Сквозь зелень, по сторонамъ дороги, блистала вода и виднѣлись бездонныя топи — горе коню и всаднику, обманутому, кажущейся твердою, зеленою поверхностью такой трясины. Одна изъ нашихъ заводныхъ лошадей только скользнула задними ногами въ трясину и едва-едва спасена была съ неимовѣрными усиліями джигитовъ и проводниковъ. Несчастное животное, покрытое сплошь зеленоватою вонючею грязью, будто инстинктивно сознавало только-что избѣгнутую опасность и дрожало всѣмъ тѣломъ, пугливо храпя и косясь на провальное мѣсто.

Ночью здѣсь вовсе нельзя двигаться; даже мѣстные жители не рискуютъ въ темноту пускаться въ этотъ лабиринтъ зеленой куги и топей.

Пройдя около десяти верстъ этою опасною дорогою, мы выбрались-таки на твердую почву и очутились снова въ привольныхъ, культурныхъ мѣстахъ, покрытыхъ сплошь зеленѣющимися тутовыми и фруктовыми садами, исправными постройками и прекрасно обработанными плантаціями. Растительность этого участка пути чрезвычайно разнообразна. Здѣсь встрѣчаются: тутъ, талъ, карагачъ, два вида тополей, джида; а въ садахъ замѣчено было даже немного сахарнаго тростника, едва-ли, впрочемъ, достигающаго здѣсь своего полнаго развитія.

Встрѣчающіеся намъ на каждомъ шагу представители населенія этого счастливаго уголка производили пріятное впечатлѣніе здоровымъ и красивымъ сложеніемъ и порядочностью костюмовъ; эти признаки изобличали здѣсь полное довольство и спокойствіе.

Пробираясь по пыльнымъ дорожкамъ между стѣнками садовъ и плантацій, наслаждаясь почти непрерывною тѣнью деревьевъ, мы, къ сожалѣнію, замѣтили, что всему бываетъ конецъ вообще, а этому пріятному переходу въ частности.

Впереди поднимались мертвыя, каменистыя громады горнаго отрога, замыкавшаго зеленый и плодоносный Хаджи-салинскій оазисъ.

Перевалъ, ведущій черезъ этотъ отрогъ, доходящій до самой рѣки, очень крутъ и утомителенъ; за нимъ, справа, растилается совершенно мертвая, безконечная песчаная пустыня, а слѣва — болотистые затоны и разливы рѣки, тянущіеся верстъ на пятнадцать въ длину и верстъ на шесть въ ширину.

Эти болота и затоны кишили всевозможною водяною птицею. Міріады гусей, утокъ, куличковъ покрывали чуть не сплошь широкіе водяные затоны. Несмѣтныя стаи журавлей окаймляли озера своими стройными фронтами. На болѣе просохшихъ, покрытыхъ гребенщикомъ островкахъ, за кочками бѣгали и прятались красивые фазаны, эффектно взлетая надъ кудрявою растительностію.

Солнце садилось розовымъ свѣтомъ, заливая все это пернатое царство, и къ вечеру сюда все прибывали и прибывали новыя стаи, оглашая воздухъ рѣзкими, разнохарактерными криками и хлопаньемъ крыльевъ, съ шумомъ расплескивая воды при осадкѣ съ полета.

Направо-же царствовали мертвая тишина и безжизненность... Тамъ царство сыпучихъ песковъ, неустанно и неумолимо враждующихъ съ лопатою человѣка земледѣльца. Какъ признаки грустныхъ побѣдъ песка надъ человѣческимъ трудомъ, не вдалекѣ отъ дороги видны полузасыпанные кишлаки съ высохшими остовами деревьевъ, уже давно брошенные своими обитателями.

Наша тропинка все отклонялась влѣво отъ этихъ песковъ, приближаясь къ берегу Аму. Опять начинаются топкія мѣста; даже на тропѣ вода сочится изъ подъ копытъ лошадей.

Не доходя версты три до Акъ-Кумъ, мѣста предполагаемаго ночлега, насъ встрѣтилъ братъ керкинскаго бека, горбоносый брюнетъ съ живыми, бойкими глазами, съ замѣтною просѣдью въ подстриженной курчавой бородѣ. Онъ выѣхалъ верхомъ на ворономъ кровномъ аргамакѣ, покрытомъ зеленою бархатною попоною; съ нимъ выѣхали два амлекдара здѣшней мѣстности и его бача, нѣчто въ родѣ пажа-оруженосца, красивый мальчикъ въ необыкновенно большой розовой чалмѣ.

Пока я и Сорокинъ размѣнивались съ братомъ керкинскаго бека обычными привѣтственными любезностями, его бача ловко и быстро приготовилъ висѣвшій у него за сѣдломъ кальянъ и предложилъ намъ покурить съ дороги, въ знакъ дружбы и пріязни.

Въ сопровожденіи этого сановника мы проѣхали небольшое разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ берега, и расположились на ночлегъ въ превосходной кибиткѣ, разбитой на самомъ береговомъ обрывѣ. Рядомъ съ этою кибиткою братъ бека разставилъ и свою палатку — зонтообразную, индійскаго покроя, подбитую узорною шелковою матеріею. Для нашихъ джигитовъ выставлены были кибитки попроще. У входа въ кибитки лежали цѣлыя груды превосходныхъ дынь и арбузовъ, у коновязей — кучи свѣжаго корма для нашихъ усталыхъ лошадей, а невдалекѣ, встороне, гдѣ разводился огонь и виднѣлись черные котлы на треногахъ, бились въ предсмертной агоніи два рослыхъ барана, зарѣзанныхъ на потребу нашихъ проголодавшихся желудковъ.

Каикъ еще не прибылъ. Послѣдній лучъ заходящаго солнца озолотилъ вершины оригинальной группы горъ Деу-Кала съ своимъ остроконечнымъ пикомъ слѣва и плоскою столовою горою справа, замыкающей всю группу.

Въ виду быстро наступающей темноты, я распорядился разложить на берегу сигнальные костры для плывущихъ на каикахъ и просилъ брата бека выслать нѣсколькихъ изъ своихъ людей по берегу на встрѣчу лодкамъ.

Ночь наступила холодная и поднимался весьма непріятный, невыгодный для каиковъ вѣтеръ, опять навстрѣчу теченія и наискось отъ нашего берега на афганскій.

Переходъ по этимъ низменнымъ, болотистымъ мѣстностямъ не обошелся вполнѣ благополучно. Сорокинъ почувствовалъ весьма подозрительные признаки мѣстной лихорадки.

На другой день, около семи часовъ утра, каиковъ еще не было видно. Должно быть они остановились ночевать, не доходя до мѣста, не рискнувъ идти въ темноту и туманъ, да еще при такомъ невыгодномъ направленіи вѣтра.

Утро было холодное и на землѣ—сырость отъ ночной росы; даже наши бурки и одѣяло все промокло, и мы вынуждены были разложить огни для просушки нашего платья. Лихорадка Сорокина не унялась, не смотря на большой пріемъ хины. Впрочемъ, онъ еще можетъ ѣхать верхомъ, а опытный братъ бека увѣряетъ, что когда солнце поднимется выше и прогрѣетъ воздухъ, то верховая ѣзда, вызвавъ потъ, будетъ даже въ пользу больному и сразу уйметъ лихорадку.

Мы выѣхали часовъ въ десять утра, не дождавшись каиковъ; братъ бека сообщилъ намъ, что его посланные видѣли лодки не далеко, что лодки идутъ благополучно и что имъ останавливаться здѣсь не для чего, такъ какъ провизію и все нужное имъ передадутъ съ берега.

Мы-же должны торопиться въ Керки, гдѣ насъ ожидаютъ сегодня засвѣтло. Дорога отсюда до привала у деревни Мокуръ, протяженіемъ два съ половиною таша, то-есть, около двадцати верстъ, не представляетъ собою ничего особенно интереснаго.

Разсчетъ нашъ прибыть сегодня-же къ ночи, да еще засвѣтло въ Керки не удался. Мы слишкомъ поздно выступили съ ночлега и медленно шли, такъ какъ кони наши стали подбиваться, а нѣкоторые обезсилѣли на столько, что пришлось снять съ нихъ грузъ и разложить его на болѣе здоровыхъ. Кромѣ того, и разстояніе, отмѣченное на картѣ, оказалось на дѣлѣ на три таша болѣе. Принимая въ разсчетъ всѣ эти обстоятельства, порѣшили сдѣлать еще одинъ ночлегъ въ урочищѣ Хатабъ, въ разстояніи двухъ ташей не доходя Керки.

Каикъ догналъ насъ на привалѣ въ селеніи Мокуръ, въ два часа по-полудни. Выступили изъ деревни Мокуръ часъ спустя по прибытіи каика и снова очутились въ непролѣзной чащѣ куги и камыша.

На полудорогѣ надъ низменною мѣстностью тугай, возвышался отвердѣвшій песчаниковый курганъ, поросшій старыми колоссальными саксаулами и турангылами. Ботаникъ нашъ по слоямъ и прочимъ признакамъ насчиталъ три вѣка жизни этихъ гигантовъ растительнаго царства. Въ тѣни этихъ деревьевъ виднѣется сооруженіе, по типу похожее на мазорки кочевыхъ народовъ: это могила какого-то очень древняго, неизвѣстнаго даже туземцамъ, святаго. Мѣсто носитъ названіе „Вали Аулы“, что значитъ вообще „святое мѣсто“.

Въ урочище Хатабъ мы прибыли около половины шестаго вечера. Каика еще не было видно.

Мѣсто ночлега было такъ-же хорошо организовано, какъ и вчерашнее, благодаря заботливости сопровождавшаго насъ сановника.

Каики показались въ виду передъ закатомъ солнца; ихъ тянутъ по берегу бечевою; парусинная лодка уже пришла, и къ восьми часамъ весь отрядъ былъ въ сборѣ.

(Продолженіе будетъ.)

Разлука.

Усилье сдѣлавъ надъ собою,
Хотѣлъ разстаться я съ тобою,
Хотѣлъ сказать: «навѣкъ прости!...»
Напрасно: жизнь уже такъ сложилась,
Что ты съ душой моей сроднилась —
И намъ разлуки не снести!...
Страдали вмѣстѣ мы такъ много,
Что намъ одна теперь дорога,
А не различныхъ два пути!

В. Мюръ.

Похороны русскихъ государынь до нынѣ.

(Окончаніе).

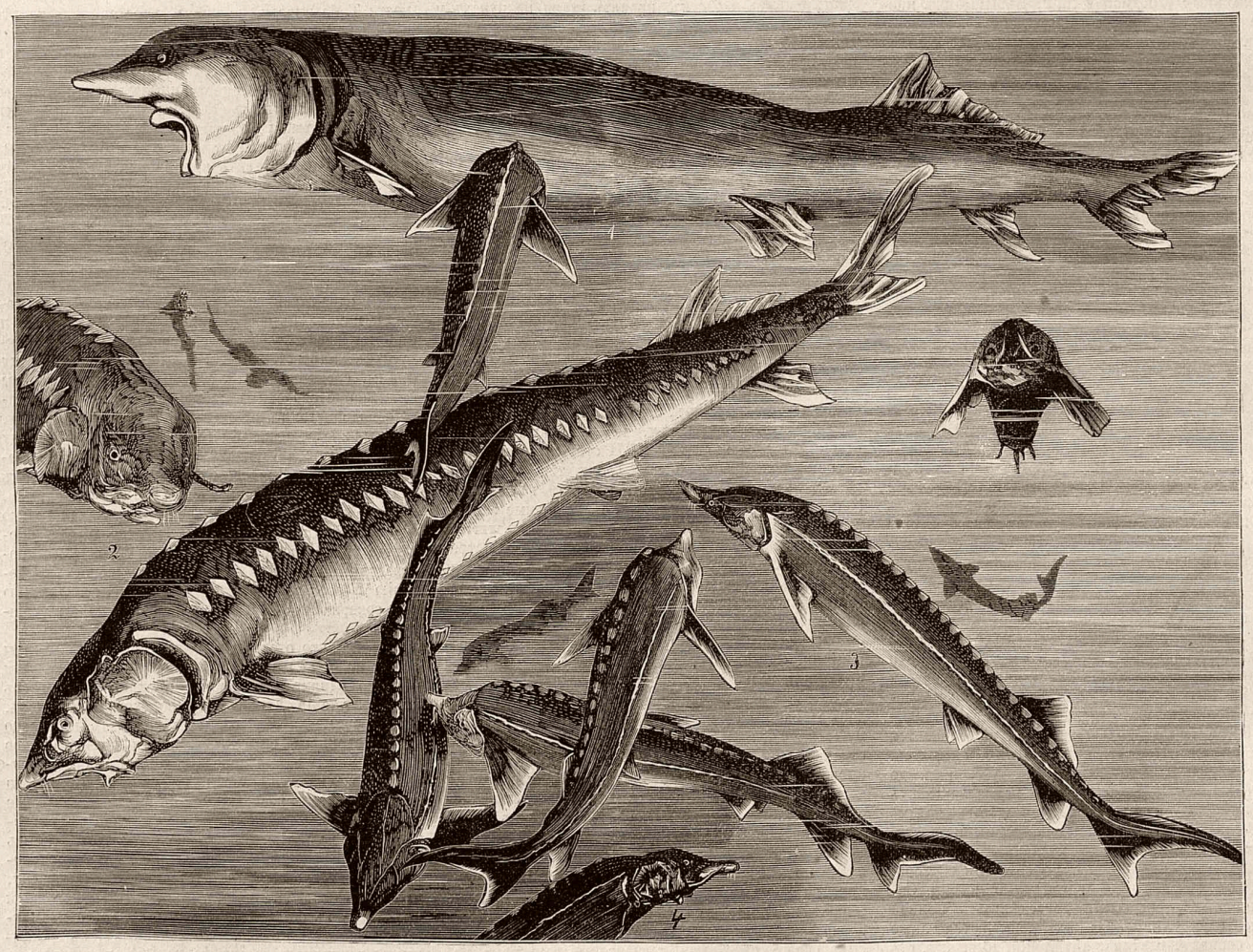
Положеніемъ тѣла въ могилу не оканчивались церемоніи чина преставленія царственныхъ особъ въ православной Москвѣ. Еще надъ гробомъ въ церкви было дневанье сорокъ дней. Надъ погребенными особами женскаго пола назначали дневать и ночевать женъ бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ по-двое; и по пяти лицъ мужескаго пола, начиная со стольниковъ и ниже, изъ комнатныхъ.

Переходы кремлевскихъ теремовъ съ узкими лѣстницами были неудобны совсѣмъ для прохода процессій. При замкнутости женщинъ въ теремахъ, царевны едва-ли кѣмъ либо хорошо были знаемы въ лицо. При Петрѣ I сестры его принуждены были жить открыто даже въ Москвѣ, и погребенія особъ женскаго пола въ началѣ XVIII вѣка, получивъ большую публичность, потребовали большей церемоніи, даже при выносѣ въ Вознесенскій монастырь.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

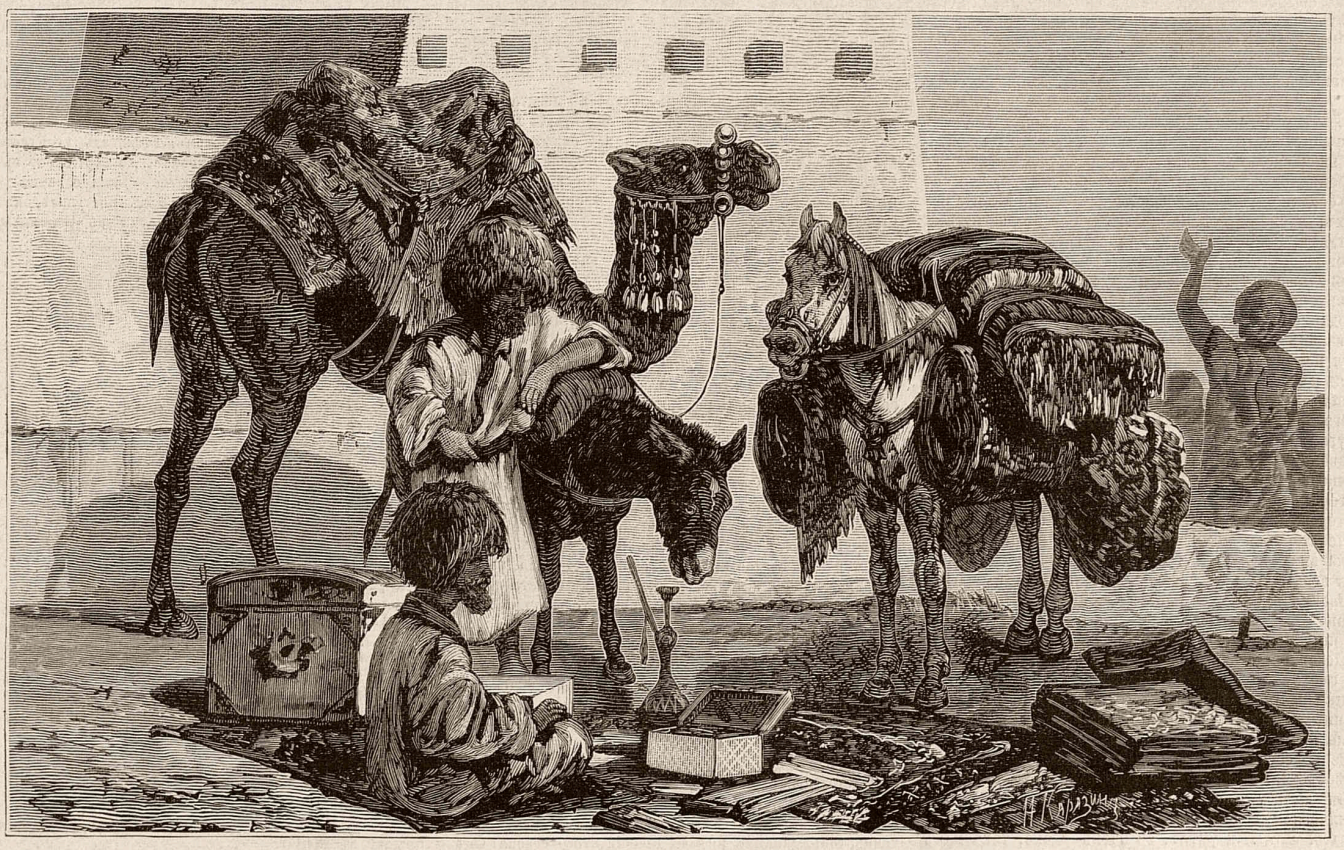

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Бѣглецъ каракчи.
(Рисов. нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Каразинъ).

Международная рыбная выставка въ Берлинѣ. — Русскій отдѣлъ. Осетровыя рыбы (рыбы, изъ которыхъ добываютъ икру).

Санкт-Петербургская
Театральная
библиотека
sptl.spb.ru

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Продавецъ ковровъ и адрассовъ въ Бешь-ирѣ.
(Рисов. нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Каразинъ).

мнѣнымъ доказательствомъ, что онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ особому акту творенія.

По странной случайности, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ книги Дарвина и въ самый разгаръ спора о его ученіи, т. е. въ 1861 г., въ Соленгофенскихъ сланцевыхъ слояхъ найденъ былъ скелетъ страннаго существа, которое, будучи съ виду похоже на пресмыкающееся, было, однакоже, покрыто птичьими перьями. Эта интересная находка, конечно, обратила на себя общее вниманіе. Къ сожалѣнію, скелетъ не остался въ Германіи: британскій музей, въ Лондонѣ, купилъ его за 700 ф. ст. Извѣстный англійскій анатомъ, Ричардъ Овенъ, издалъ подробное описаніе этого экземпляра, съ рисункомъ, и далъ животному названіе: Archaeopteryx lithographicus. Долгое время спустя не отыскивалось даже обломковъ другаго скелета археоптера. Наконецъ, посчастливилось открыть въ Соленгофенѣ другой экземпляръ, не только сохранившійся лучше перваго, но и представлявшій въ сланцѣ отпечатокъ шеи и головы, чего въ первомъ не было. Эта рѣдкость была пріобрѣтена по ходатайству германскаго ученаго, доктора Сименса, прусскимъ правительствомъ для германскаго музея за 18,000 марокъ. Представляемъ рисунокъ этого втораго экземпляра, сдѣланный художникомъ Мюцелемъ, извѣстнымъ своимъ искусствомъ изображать животныхъ.

Окаменѣлая Archaeopteryx lithographicus, (птица-пресмыкающееся), найденная въ Соленгофенѣ, въ Германіи.

Археоптериксъ былъ величиною съ взрослаго чернаго дрозда. Разстояніе между концами распущенныхъ крыльевъ у берлинскаго экземпляра 16 сант., длина отъ конца клюва до конца хвоста около 22 сант. Голова соединяетъ отличительные признаки птичьяго черепа и пресмыкающагося; съ помощью лупы можно явственно различить въ попугаеобразномъ клювѣ, еще не совсѣмъ отдѣленномъ отъ камня, по два зуба на каждой сторонѣ. Хотя присутствіе зубовъ въ птичьемъ клювѣ можетъ съ перваго взгляда показаться страннымъ, но должно замѣтить, что уже славный французскій естествоиспытатель Жоффруа Сентъ-Илеръ убѣдился въ существованіи зачатковъ зубовъ въ клювѣ зародышей попугаевъ, хотя зачатки эти, конечно, впослѣдствіи исчезаютъ. Шея, похожая на вопросительный знакъ, лежитъ надъ грудною клѣткою. Особеннаго вниманія заслуживаетъ устройство оконечностей. Заднія не только устроены совершенно какъ птичьи лапы, но и обладаютъ всѣми характерными признаками лазающихъ птицъ, тогда какъ переднія отличаются отъ птичьихъ крыльевъ весьма существенно. У птичьяго крыла оконечность соотвѣтствуетъ, какъ извѣстно, тремъ пальцамъ человѣческой руки: большому, указательному и среднему, между тѣмъ

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Старшій бекъ керкинскій и его бача.
(Рисов. нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Каразинъ).

обходимый для дыханія воздухъ будетъ освѣжаться добавленіемъ чистаго кислорода, получаемаго чрезъ разложеніе воды гальваническимъ токомъ и сгущенія выдыхаемой углекислоты посредствомъ ѣдкаго поташа. Извѣстно, что Флессъ (Fless) прибѣгалъ къ послѣднему способу, употребляя только, вмѣсто поташа, ѣдкую соду, какъ средство для удаленія углекислоты изъ воздуха, содержащагося въ водолазномъ снарядѣ, что давало возможность оставаться подъ водою неопредѣленное время безъ сообщенія съ внѣшнимъ воздухомъ; и хотя, вмѣсто того, чтобы добывать кислородъ, онъ сжатымъ запасомъ послѣдняго наполняетъ шлемъ водолазнаго снаряда, тѣмъ не менѣе онъ показалъ, съ какою легкостію этотъ газъ, въ требуемомъ количествѣ, можетъ быть воспроизводимъ въ испорченномъ воздухѣ. По мысли Пальмерца, судно будетъ приводиться въ движеніе электро-магнитнымъ аппаратомъ; въ брошюрѣ, недавно имъ изданной въ Брюсселѣ, онъ изложилъ свой проектъ достаточно подробно. Въ случаѣ серьезнаго примѣненія на практикѣ его проекта, если только когда-нибудь будутъ произведены опыты въ этомъ смыслѣ, самая страшная трудность представится тогда, когда на самомъ полюсѣ окажется ледяная поверхность, вслѣдствіе чего изслѣдователи не въ состояніи будутъ, по причинѣ льда, подняться наверхъ, для того чтобы осмотрѣть мѣстность, и необходимость заставитъ ихъ, не достигнувши результатовъ, возвратиться назадъ тѣмъ-же путемъ, какой былъ пройденъ ими.

(«Кр. Вѣсти.»)

Медицина и гигіена.

— **Электротерапія при мимическихъ судорогахъ лица** до сихъ поръ могла похвалиться лишь весьма скромными результатами. Въ настоящее время, д-ръ Бергеръ сообщаетъ, что онъ достигъ весьма хорошихъ результатовъ въ большомъ числѣ случаевъ, замѣнивъ обычные методы приложенія тока in loco symphomat s приложеніемъ in loco morb's, т. е. къ кортикальному центру. Раздѣливъ и увлажнивъ волоса, онъ помѣщаетъ положительный полюсъ надъ мѣстомъ кортикальнаго центра, отрицательный полюсъ помѣщаетъ въ противулежащую руку пацієнта или приставляетъ къ позвоночнику и галванизируетъ въ теченіи 5 — 10 минутъ. При обѣстороннихъ судорогахъ и приложеніе тока должно быть обѣстороннимъ. Подобные-же успѣхи авторъ наблюдалъ въ случаяхъ chorеæ minoris. Кромѣ того, онъ видѣлъ временное облегченіе въ одномъ случаѣ частной эпилепсіи, зависѣвшей, вѣроятно, отъ заболѣванія мозговой коры.

— **Докторъ Уиллисъ Кингъ, въ Сиделіи, рекомендуетъ** приложеніе раствора гуттаперчи въ нефти, помощью кисточки, къ изъязвленнымъ и треснувшимъ соскамъ. Нефть испаряется, и тогда остается гуттаперчевая пленка, плотно пристающая къ частямъ. Дня черезъ три она отпадаетъ, и тогда оказывается, что раненія совершенно зажили.

— **Въ тѣхъ случаяхъ, когда геморроидальныя шишки** значительны и выпали, д-ръ Ч. Стиллмэнъ помѣщаетъ пацієнта въ колѣнногрудное положеніе, смазываетъ части жиромъ и производитъ осторожное вправленіе каждой шишки отдѣльно. Для того, чтобы удержать ихъ in situ, авторъ вводитъ особый, грушевидный, гуттаперчевый пессарій, который удерживается въ rectum помощью наложенія Т-образной повязки и компресса. Пацієнтъ долженъ носить пессарій постоянно, и вынимать только на ночь и при каждой дефекаціи. Пацієнтъ легко пріучается вводить его собственноручно. Въ результатѣ появляется быстрое всасываніе шишекъ и излѣченіе безъ всякой боли. Одновременно авторъ назначаетъ колоцинтовыя пилюли или, въ случаѣ сильнаго запора, пилюли слѣдующаго состава: Rp. Ext. nuc. vomicae gr. vj; pulv. rhei, Sod. bicarb. aa gr. XXX. M. f. p. № XXX. По пилюлѣ передъ каждымъ принятіемъ пищи и на ночь. («Врач. Вѣд.»)

Метеорологія.

Только недавно получились подробныя свѣдѣнія о громадномъ аэролитѣ упавшемъ въ штатѣ Ново, которымъ и спѣшимъ подѣлиться съ читателями. Аэролитъ появился въ 5 ч. вечера, при ясномъ небѣ, въ видѣ блестящаго огненнаго шара, который, вскорѣ, лопнулъ въ воздухѣ на тысячи кусковъ, которые и упали на землю на большомъ пространствѣ другъ отъ друга, близъ мѣстечка Этервиля, на 43°30' сѣв. ш. и 94°50' зап. долг. (отъ Гринвича). Онъ прорѣзалъ небо по направленію съ сѣверо-востока и полетъ его былъ видимъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ. Наружный видъ его представлялъ сперва большой огненный шаръ, сопровождаемый блестящимъ облакомъ. Видѣвшіе его появленіе жители были приведены въ ужасъ, который удесятерился, когда послѣдовалъ оглушительный взрывъ, разорвавшій шаръ на множество частей. Тѣ, которые не видѣли появленія его, услышавъ страшный гулъ и трескъ, думали, что это землетрясеніе и съ испугомъ повыскакали изъ домовъ. Осколки аэролита разсыпались по землѣ на пространствѣ отъ 3-хъ до 4-хъ англ. миль. Два, самые большіе куска упали одинъ отъ другаго на разстояніи около 2-хъ миль.

Самый большой осколокъ, вѣсящій 470 фунтовъ, углубился, при паденіи, на 12 футовъ, несмотря на плотность и твердость почвы въ этомъ мѣстѣ. Второй, по величинѣ, вѣситъ 170 фунтовъ и углубился лишь на 5 футовъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ мѣста паденія главнаго осколка, найденъ кусокъ въ 30 ф. вѣсу. Всѣ найденные куски аэролита имѣютъ неправильную форму и поверхность ихъ покрыта черной блестящей оболочкой. Въ наибольшемъ кускѣ видно ясно присутствіе никеля и желѣза.

Спортъ.

6-го іюня, на лоншанскомъ ипподромѣ, въ Булонскомъ Лѣсу, въ Парижѣ, происходили ежегодныя скачки, на которыхъ разыгрывался «большой призъ города Парижа» (Grand-Prix de Paris) въ 100,000 франковъ (50,000 фр. отъ города и 50,000 фр. отъ трехъ главныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ) для трехлѣтокъ, жеребцовъ и кобылъ всѣхъ породъ и всѣхъ странъ; дистанція три версты. Первыя двѣ скачки прошли среди общаго невниманія. Въ 3¾ часа началась всѣхъ интересовавшая скачка на большой призъ города Парижа, основанный въ 1863 году и разыгрывавшійся въ 17-й разъ. Изъ 353-хъ, записанныхъ въ теченіе зимы, лошадей, бѣжали только десять. Первымъ къ призовому столбу пришолъ англійскій жеребецъ «Robert the Devil» (Робертъ-Дьяволъ), отъ «Бертрама» и «Каст-Оффъ», принадлежащій гг. Бруэру и Блантону, жокей Росситеръ; вторымъ — жеребецъ «Ле-Дестріэ», г. Штауба, и третьимъ — «Миланъ», графа Лагранжа. Французскіе «фавориты», «Боминé», взявшій двѣ недѣли назадъ призъ жокей-клуба (французскій «Дербн») на скачкахъ въ Шантильи, и кобыла «Версиньи», остались за флагомъ. «Робертъ-Дьяволъ» прошелъ дистанцію въ 3 минуты 24 секунды и получилъ призъ съ подписными 152,000 фр.; второму — 10,000 фр., третьему — 5.000 фр. За «Роберта-Дьявола держали много пари: шесть противъ четырехъ. Побѣда его не вызвала никакихъ особенныхъ манифестацій, такъ какъ всѣ были убѣждены въ ней, и, вообще, онъ былъ первымъ фаворитомъ у державшихъ пари. Со времени основанія приза онъ достается англійской лошади въ восьмой разъ, тогда какъ французскія брали его девять разъ; съ 1870 года побѣды той и другой націи чередуются съ замѣчательною правильностью.

Археологія.

Въ Ливерпулѣ знаменитый этнографическій музеумъ (20-го) 8-го іюня открываетъ галлерею Уокера, въ которой хранятся предметы, относящіеся къ доисторической эпохѣ.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 597. | Годъ XII. | 14 іюня 1880 года. | Томъ XXIII. № 25.

Кончина Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны. — Герольды на улицахъ С.-Петербурга, возвѣщающіе о времени перенесенія тѣла Ея Величества въ Петропавловскій соборъ.

(Рисовалъ Ф. Гаанемъ).

Санкт-Петербургская
Центральная
sptl.spb.ru

діаметромъ отверстія въ 20 футовъ. Партія рабочихъ, идущая въ головѣ, прокладываетъ чугунными плитами верхнюю часть туннеля, потолокъ, а слѣдующая партія помѣщается на низшей ступени и продолжаетъ работу головной партіи; такимъ образомъ, работаютъ, одновременно, четыре или пять партій рабочихъ, занятыхъ облицовкой стѣнъ чугунными плитами. По такой чугунной облицовкѣ выводится стѣна изъ кирпича на цементѣ значительной толщины, и эта работа производится уже задней партіей рабочихъ. Вырываемая земля въ головѣ туннеля тотчасъ-же нагружается въ повозки и отвозится къ первоначальной шахтѣ, откуда удаляется подъемомъ наверхъ. Работы освѣщаются электрическимъ свѣтомъ, для чего съ рабочими идетъ особый кондукторъ, на обязанности котораго лежитъ слѣдить за доставленіемъ свѣта въ мѣста работы. Изъ строенія, находящагося близъ отверстія шахты, гдѣ помѣщается контора и инженеръ, наблюдающій за работами, проведено еще нѣсколько проволокъ для телефоннаго сообщенія. Вентиляція производится съ помощью особой камеры, гдѣ помѣщены высасывающій и нагнетательный насосы, испорченный воздухъ вытягивается черезъ трубу, и вентиляторъ дѣлаетъ до 1000 оборотовъ въ минуту. Работа производится днемъ и ночью, для чего рабочіе раздѣлены на три смѣны, изъ которыхъ каждая работаетъ по осьми часовъ. Ширина рѣки Гудсонъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ведется туннель, доходитъ до 5500 футовъ, а потолокъ туннеля находится на 25 футовъ ниже дна рѣки. Движеніе по туннелю предполагается устроить съ помощью пневматическаго давленія, но подробности проекта еще не рѣшены окончательно.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Сегодня — день тезоименитства Его Величества нашего Государя — по здѣшнему „Акъ-Падишаха“, т. е. Бѣлаго Царя. Мы устроили церемоніалъ по этому поводу: шесть нашихъ казаковъ и вооруженные джигиты выстроились на берегу и получили по стакану коньяку. Провозглашенъ былъ тостъ, затѣмъ послѣдовалъ залпъ изъ ружей и троекратное „ура!“... Лагерь освѣтился колоссальными кострами... Вообще картина вышла эффектная и не лишенная грандіозности. Брату керкинскаго бека и туземцамъ предварительно объяснено было значеніе этого торжества, и онъ съ своими людьми сейчасъ-же присоединился къ чествующимъ и принесъ намъ торжественныя поздравленія...

Такъ просто, сообразно съ своими средствами и обстановкою, отпраздновали мы этотъ — дорогой для каждаго русскаго — день на берегу Аму-Дарьи, воды которой въ скоромъ будущемъ огласятся болѣе многочисленными голосами подданныхъ Царя русскаго, обитателями береговъ этой второй средне-азіатской русской Волги.

Въ добрый часъ!

Ночь была очень холодная; къ разсвѣту ртуть упала на семь градусовъ по Реомюру. Все время дулъ рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ. Солнце взошло въ густомъ туманѣ.

Мы выступили съ мѣста ночлега и рысью прошли до перевала Фелизиданъ-Тау, съ вершины котораго развернулась величественная картина оставшейся позади насъ низменной долины. Въ воздухѣ очень холодно. Не смотря, что солнце стоитъ на полдень, здѣсь, на высотѣ перевала (семьсотъ футовъ надъ уровнемъ моря) всего 12°/₀ + Реомюра.

Дорога идетъ песками — частью барханистыми, поросшими гребенщикомъ, частью движущимися, такъ называемыми сыпучими; песчаные наносы подвигаются вплотную, добѣгаютъ до самаго берега, мѣстами пересѣкая нашъ путь высокими грядами. Туманъ и мгла настолько густы, что за полверсты вы не можете различить даже очень крупныхъ предметовъ. Не смотря на вѣтеръ, туманъ этотъ не разносится. Впереди чуть-чуть очерчивается какая-то неясная желтовато-сѣрая громада — это насыпной курганъ на самомъ берегу Аму, вершина котораго увѣнчана полуразвалившейся цитаделью. У подножія кургана лѣпятся нѣсколько глинобитныхъ сакель и зеленѣетъ съ десятокъ карагачей и тутовыхъ деревьевъ — это мѣсто называется „Кичкене-Керки“, т. е. Малое Керки. Самый городъ и его цитадель находятся на томъ берегу — здѣсь-же переправная пристань и военный караулъ.

Мы обогнули курганъ и выѣхали на плоскій песчаный берегъ рѣки. Здѣсь стояла красивая зеленая палатка бухарскаго типа; въ ней поставлены были, покрытыя коврами и ватными стегаными одѣялами, деревянныя кровати грубой столярной работы. Въ палаткѣ дожидался насъ третій братъ бека и былъ приготовленъ завтракъ. Намъ объявили, что мѣсто для ночлега отведено для насъ на томъ берегу, въ самомъ бековскомъ помѣщеніи, а здѣсь только временный отдыхъ, въ ожиданіи прибытія каиковъ съ остальными путешественниками.

Сплошной туманъ покрывалъ рѣку... Солнце едва очерчивалось въ этомъ туманѣ желтоватымъ шаромъ безъ лучей. У берега на причалахъ мѣрно колыхались два или три довольно порядочныхъ каика; одинъ изъ нихъ назначался для нашей переправы, почему тоже былъ убранъ цвѣтными коврами.

Было довольно холодно; мы, конные, прозябли порядочно и съ наслажденіемъ пили горячій зеленый чай, когда съ берега выше прискакали конные джигиты съ вѣстью, что каики идутъ.

Черезъ полчаса мы, уже соединившись, заняли переправный каикъ, нагрузили еще два каика лошадьми и багажемъ и тронулись на тотъ берегъ.

Сначала каики тянули бечевою вверхъ по теченію довольно долго. Полуголые каикчи, съ лямками на плечахъ, цѣплялись по обрывамъ осыпающагося песчанаго берега, хватаясь руками за сучья и вѣтви кустарниковъ. Надо было много силы, ловкости и опыта, чтобы не свалиться въ воду, особенно когда безпрестанно и неожиданно дергаетъ бечева, прикрѣпленная къ носовой части лодки.

Наконецъ, мы поднялись, насколько — по разсчету каикчей — было нужно, приняли бечевниковъ на бортъ и пошли на веслахъ.

Братъ бека просилъ насъ сдѣлать нѣсколько сигнальныхъ выстрѣловъ, чтобы предупредить о нашемъ прибытіи на тотъ берегъ, что наши казаки охотно исполнили. Пройдя на веслахъ съ полверсты, опять потянулись бечевою — каикчи теперь брели по отмелямъ по колѣно въ водѣ, и только за нѣсколько саженей до противуположнаго берега вода оказалось настолько глубока, что каикчи снова должны были влѣзть на борты и взяться за весла.

Сквозь туманъ стали теперь уже ясно обрисовываться оригинальныя линіи насыпнаго кургана и на немъ красивой цитадели съ темною аркою воротъ между двухъ полукруглыхъ башенъ съ нависшими зонтообразными бойницами. У пристани зеленѣла группа старыхъ таловъ и карагачей и толпилось много народу, сбѣжавшагося смотрѣть чужестранцевъ. Правѣе цитадели, внизу, тянулась крытая базарная улица, замыкающаяся куполомъ городской мечети, а еще правѣе виднѣлась довольно опрятная и не лишенная стиля постройки здѣшняго „медрессе“, городской школы, на порогѣ которой красовались почтенные муллы, старцы въ громадныхъ бѣлыхъ чалмахъ.

Вооруженные люди изъ бековскаго караула отстиснули толпу отъ пристани, а часовой съ ружьемъ сдѣлалъ намъ по-русски: „на караулъ“.

Пока разгружали каики, мы всѣ направились къ воротамъ цитадели, окруженные, на всякій случай, мѣстнымъ конвоемъ.

Насъ просили не принимать этой предосторожности въ обидномъ для насъ отношеніи, такъ какъ, по увѣренію брата бека, въ городъ пріѣзжаютъ часто „дурные люди изъ непокорныхъ туркменскихъ племенъ, и можетъ найтись всегда фанатикъ, не устанавливающій передъ соблазномъ выстрѣлить или пырнуть ножемъ „гяура“.

У воротъ стояли, подъ навѣсомъ, двѣ пушки, старинные единороги англійской конструкціи. Лафеты и колеса орудій были выкрашены красною краскою, и около нихъ важно шагалъ оборванный часовой съ саблею на-голо. Въ самой тунели воротъ вытянулась цѣлая шеренга такихъ-же оборванцевъ съ фитильными и кремневыми ружьями и по общей командѣ салютовали гостямъ.

Стѣны туннеля были, сплошь, увѣшаны крѣпостными фальконетами, мундштуками и разнымъ холоднымъ оружіемъ; кромѣ того, внѣли щиты и кольчуги и оригинальные бердыши и болты, — судя по рисунку, весьма древніе. Вообще, здѣсь можно было отыскать много интересныхъ предметовъ по археологіи, и мы, не безъ зависти, поглядывали на всѣ эти доспѣхи, свидѣтели и участники подвиговъ древнихъ героевъ аму-дарьинскаго прибрежья.

За воротами мы очутились въ маленькомъ квадратномъ дворикѣ, гдѣ стоялъ котелъ съ какимъ-то варевомъ: это кордегардія и столовая караула; за нею опять узкій и длинный коридоръ, стѣны котораго опять покрыты оружіемъ; изъ коридора другой дворъ побольше; отсюда, черезъ маленькую дверь, въ другой дворъ; и, наконецъ, мы очутились на площадкѣ бековскаго помѣщенія, замкнутой съ трехъ сторонъ красивыми саклями, предназначенными для нашего пребыванія.

Насъ ожидалъ въ саклѣ роскошный „достарханъ“ и комфортабельныя постели. Самъ бекъ прислалъ намъ извиненіе, что, по случаю поста и молитвы, онъ не могъ самъ лично насъ встрѣтить, но будетъ черезъ часъ непремѣнно.

Стѣны сакли были выштукатурены алебастромъ, украшены рѣзьбою и орнаментальною живописью; потолокъ тоже росписной и золоченый по дереву. Изъ сакли прорѣзаны три большихъ окна, заставленныхъ рѣзными ставнями изъ цѣльнаго темно-сѣраго орѣха; видъ изъ этихъ оконъ на городъ и безконечно широкую Аму былъ восхитителенъ.

Бекъ пожаловалъ къ намъ часъ спустя. Это былъ очень красивый старикъ, оказавшійся даже нашимъ старымъ знакомымъ: это тотъ самый бекъ, который, по порученію эмира, встрѣчалъ насъ еще въ Карши. Его полный титулъ — Пиръ-Назаръ-бекъ-датха (послѣднее значитъ — полководецъ). Онъ пріобрѣлъ себѣ громкую, вполнѣ заслуженную, популярность и уваженіе за мирное и справедливое управленіе страною и военные подвиги въ постоянной борьбѣ съ разбойничьими племенами туркменъ, территорія которыхъ соприкасается съ границами Керкинскаго бекства.

(Продолженіе будетъ.)

Изъ Москвы.

(*Корреспонденція «Всем. Иллюстраціи».*)

Свершилось!... Пелена, скрывавшая дорогія черты незабвеннаго поэта, слетѣла, и Москва, отъ лица Россіи восторженно привѣтствовала изображеніе геніальнаго пѣвца. День 6-го іюня вѣчно будетъ памятнымъ, дорогимъ днемъ русскаго народа, когда впервые все здоровое, живое сплотилось для чествованія народнаго генія; исчезла обычная рознь, въ сторону отошли неоконченные споры, стушевалась на время нетерпимость, горячая задорливость нашихъ нарождающихся партій, и Катковъ, Цитовичъ въ общемъ высокоторжественномъ концертѣ праздника мысли пѣли въ унисонъ. Рано, едва проглянуло солнце сквозь окутавшія горизонтъ темныя дождевыя облака, закипѣла работа на Страстной площади, разставлялись хоругви, обозначающія мѣста депутацій, явившихся со всѣхъ концовъ Россійской Имперіи, загораживались улицы, бульвары, прилегающіе къ площади, переполненные массами народа. Въ девятомъ часу начался съѣздъ лицъ, получившихъ приглашенія въ половинѣ десятаго; колокола Страстнаго монастыря возвѣстили о началѣ заупокойной литургіи по болярину Александру. Обѣдню совершалъ высокопреосвященный митрополитъ Макарій, въ сослуженіи епископовъ дмитровскаго и звенигородскаго. За богослуженіемъ присутствовалъ Его Императорское Высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, просвѣщенной иниціативѣ котораго Россія обязана нынѣшнимъ торжествомъ, всѣ высокопоставленныя лица столицы, во главѣ съ своимъ почтеннымъ хозяиномъ кн. В. А. Долгоруковымъ, представитель Франціи Луи Леже, прибывшія депутаціи и представители отъ всѣхъ сословій столицы. Во время панихиды, высокопреосвященный Макарій произнесъ краткую рѣчь, вызвавшую общее сочувствіе. Въ это время, площадь, въ буквальномъ смыслѣ слова, представляла море головъ, — все съ нетерпѣніемъ ждало момента открытія памятника.

Наконецъ, въ оставленномъ узкомъ проходѣ отъ воротъ обители къ памятнику появились выходящіе; скоро показался и представитель Царственной семьи на народномъ торжествѣ, принцъ Ольденбургскій. Затихъ говоръ, обнажились головы, раздался гимнъ — „Коль славенъ“, исполняемый нѣсколькими военными оркестрами и хорами пѣвчихъ. Его Высочество помѣстился, съ сопровождающимъ его генералитетомъ, на устроенной платформѣ; около него заняли мѣста дочери и сыновья поэта.

Академикъ Гротъ прочелъ актъ передачи памятника строительной коммиссіей городу и вручилъ его городскому головѣ. Отвѣтивъ краткой рѣчью, С. М. Третьяковъ подалъ знакъ, и полотно, скрывавшее изображеніе виновника торжества, пало къ подножію пьедестала. Раздалось ура, полное какихъ-то знакомыхъ нотъ. Это было не привѣтствіе побѣдителю, не восторженные клики, какими народъ встрѣчаетъ своего обожаемаго Монарха; но въ нихъ слышались тѣже-же звуки, тѣ-же ноты ласки, любви, словно семья привѣтствовала своего роднаго, прославившагося члена. Минута истинно высокоторжественная. На глазахъ молодежи, явившейся представительницей отъ всѣхъ училищъ столицы, блеснули слезы; тихо, совершенно незамѣченныя, скатились онѣ по щекамъ къ подножію поэта.....

Началось поднесеніе вѣнковъ — и еще одна трогательная, незабываемая минута: по скользкимъ ступенямъ подножія пьедестала, поддерживаемый друзьями поднялся Тургеневъ, дрожащей рукой заботливо утвердилъ онъ свой вѣнокъ на одномъ изъ орнаментовъ; глаза его поднялись къ изображенію вѣнчаемаго поэта: онъ, будто, привѣтствовалъ его, скорбя о безвременной кончинѣ; дрогнуло что-то въ его маститомъ, красивомъ лицѣ, и, опустивъ голову, словно въ забытьи, пробылъ онъ нѣсколько мгновеній передъ статуей горячо-любимаго имъ поэта.

Всѣхъ вѣнковъ было поднесено 183, не считая поднесенныхъ частными лицами; когда-же была допущена къ памятнику публика, то все подножіе пьедестала покрылось вѣнками, букетами и полевыми цвѣтами. Не смотря на поднявшійся вѣтеръ и дождь, впродолженіи дня и до глубокой ночи, вся площадь была покрыта народомъ и экипажами.

Θ. П.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 598.] Годъ XII. 21 іюня 1880 года. [Томъ XXIII. № 26.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Настоящимъ **№ 598** заканчивается первое полугодіе (т. е. Томъ XXIII), журнала **«Всемірная Иллюстрація»** за 1880 годъ. Главная Контора Редакціи покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, выславшихъ только часть денегъ, или только за первое полугодіе, поспѣшить досылкою остальныхъ денегъ за второе полугодіе, во избѣжаніе пріостановки высылки журнала.

☛ Новые подписчики могутъ получить журналъ еще съ 1-го января 1880 года, со всѣми приложеніями. ☚

Годовая цѣна „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки **13** руб.; съ доставкою **14** руб. **50** коп.; съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи **16** руб.

Подписка на второе полугодіе (т. е. съ 1-го іюля), открыта.

Предсѣдатель комитета министровъ, дѣйствит. тайн. совѣтн., статсъ-секретарь, графъ **П. А. Валуевъ.**

Санкт-Петербургская
библиотека
sptl.spb.ru

сдѣлалъ разсчетъ выгодности предпріятія. Двѣ стосильныя паровыя машины на каждой станціи, т. е. на разстояніи около 20-ти верстъ одна отъ другой, обойдутся почти то-же самое, что стоятъ паровозы; но содержаніе первыхъ несравненно дешевле, такъ какъ онѣ сжигаютъ въ часъ всего 2 или 2½ фунта угля на силу, а паровозы—отъ 5-ти до 8-ми фунтовъ. Паровозы, движущіеся по рельсамъ, требуютъ гораздо болѣе расхода на ремонтъ, чѣмъ постоянныя машины, такъ какъ изнашиваются быстрѣе. Прислуга должна быть только на мѣстѣ, у постоянной машины, а не отдѣльно у каждаго паровоза. Цѣна проводника не должна превысить 3,000 рублей на версту, вмѣстѣ съ столбиками и изолаторами, а это, сравнительно, не дорого.

Противъ самой идеи электрическихъ желѣзныхъ дорогъ приводятся различныя возраженія, и нѣкоторыя изъ нихъ довольно серьезны. Самое вѣское возраженіе направлено противъ экономической стороны проекта и состоитъ въ томъ, что при передачѣ движущей силы путемъ электричества утилизируется только 70% ея, остальные-же 30% пропадаютъ даромъ; поэтому для эксплоатаціи одного и того-же количества силы необходимо употребить на электрической дорогѣ двойное количество топлива противъ того, которое употребляется на паровозной. Второе возраженіе касается дорогъ съ большимъ движеніемъ, на которыхъ черезъ каждые четверть часа отправляются поѣзды не въ одинъ вагончикъ, а въ нѣсколько десятковъ вагоновъ. Далѣе, замѣчаютъ, что содержаніе въ надлежащей чистотѣ проводниковъ чрезвычайно затруднительно, а въ нашемъ климатѣ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ снѣжными заносами, просто невозможно. Первое изъ этихъ возраженій теряетъ значеніе, если вспомнить, что и паровозы не употребляютъ въ пользу всю силу, развиваемую паромъ, но требуютъ за собою большагоухода, а нѣкоторое усовершенствованіе динамо-электрическихъ машинъ можетъ значительно уменьшить количество безполезно утрачиваемой силы. Два послѣднія возраженія болѣе основательны, но развѣ въ началѣ паровыя дороги не встрѣчали такихъ препятствій, которыя надо было устранять?

Новый плавательный аппаратъ г. Гамонне.

Въ ряду аппаратовъ, изобрѣтенныхъ для облегченія человѣку возможности держаться на водѣ долгое время въ свободномъ положеніи и плавать, обращаетъ на себя вниманіе новоизобрѣтенный плавательный аппаратъ г. Гамонне. Существенную часть этого аппарата составляетъ кольцо изъ каучуковыхъ трубокъ, съ помощью котораго пловецъ можетъ принимать самыя разнообразныя положенія въ водѣ, легко управляя аппаратомъ. Аппаратъ Гамонне допускаетъ пловца читать книгу, курить и т. п., не стѣсняя его не естественнымъ положеніемъ туловища, что составляетъ главный недостатокъ большей части другихъ аппаратовъ для плаванія. Движеніе на водѣ съ этимъ аппаратомъ также значительно облегчается, и съ нимъ можно плыть долго, не чувствуя утомленія. Самое устройство аппарата чрезвычайно просто и несложно и достаточно ясно видно изъ прилагаемаго рисунка.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

III.

(Продолженіе).

Бекъ Пиръ-Назаръ явился къ намъ запросто, безъ всякихъ претензій на этикетъ, много разспрашивалъ насъ о путешествіи, о прочихъ членахъ экспедиціи, оставшихся въ Термезѣ, и просилъ расположиться у него какъ у себя дома, и если можно, то погостить подольше — до окончанія поста, мѣшающаго ему устроить для насъ почетную томашу и другія удовольствія.

Мы поблагодарили его за любезность и заявили, что должны продолжать путь завтра-же, что, конечно, бека нисколько не огорчило, ибо онъ съ такою-же любезностью обѣщалъ позаботиться, чтобы ничто не помѣшало намъ завтра-же тронуться въ путь далѣе.

Вѣтеръ все усиливался и усиливался и уныло завывалъ въ щеляхъ дверей и оконъ; къ вечеру онъ превратился въ совершенный ураганъ. Аму вздулась и покрылась пѣною; каики у пристани раскачивало такъ, что они начали скрипѣть весьма подозрительно. Если эта буря къ завтра не стихнетъ, то плыть будетъ невозможно.

Нѣкоторые изъ насъ заявили желаніе пройтись по базару, но это желаніе вѣжливо было отклонено бекомъ, подъ тѣмъ-же предлогомъ — небезопасности для русскихъ такой прогулки.

Къ закату солнца, къ завываніямъ вѣтра присоединились не менѣе унылыя завыванія муллъ, созывающихъ правовѣрныхъ на молитву. Когда уже окончательно стемнѣло, то въ городѣ раздались удары въ сторожевыя бубны и почти непрерывный грохотъ барабановъ, мѣшавшій намъ до разсвѣта спать, не смотря на сильную усталость.

Къ нашему удовольствію, ночная буря прекратилась къ утру, а въ девять часовъ насталъ полнѣйшій штиль, и ничто нашему пути не препятствовало.

Бекъ Пиръ-Назаръ просилъ насъ оставить ему двѣ записки, удостовѣряющія въ томъ, что мы вполнѣ довольны его пріемомъ, одну — для немедленной отсылки съ нарочнымъ въ Бухару, къ эмиру, а другую — на память самому беку.

Просьбу бека мы исполнили охотно и, сочинивъ нѣчто въ родѣ атестата, снабдили его даже переводомъ на персидскій языкъ.

Безобразные и старые каики, на которыхъ мы плыли изъ Келифа, были отобраны и взамѣнъ ихъ намъ дано два прекрасныхъ, новыхъ, исправно содержанныхъ каика, которые мы и приспособили для дальнѣйшаго плаванія, обѣщавъ каики эти возвратить изъ Чарджуя. Казаки съ лошадьми заняли большое судно, мы взяли для себя поменьше. Джигиты должны были опять тянуться верхомъ по берегу, и съ ними теперь вызвался идти одинъ Сорокинъ, а я сѣлъ на лодку.

Бекъ и его братья провожали насъ на берегъ и присутствовали лично, пока мы располагались на лодкахъ; затѣмъ, пожелавъ намъ счастливаго пути, бекъ Пиръ-Назаръ-Датха удалился къ себѣ въ цитадель, а его братъ поѣхалъ провожать конный отрядъ до границъ Керкинскаго бекства.

Лодочники у насъ оказались очень опытные и дисциплинированные, да еще связанные семейными узами—два брата съ сыновьями. Ихъ умѣлость управлять судномъ обнаружилась съ первыхъ-же пріемовъ.

Мы скоро очутились на срединѣ рѣки, и Керки съ своимъ курганомъ скоро скрылось въ сплошномъ туманѣ. Сѣрое небо — такая-же вода — производили эфектъ безпредѣльности. Изрѣдка только показываются черныя отмели то справа, то слѣва каика. Вода бурлитъ и пѣнится по окраинамъ такихъ отмелей, покрытыхъ стадами куликовъ и чаекъ.

Раза два намъ попались туркмены, переправляющіеся на турсунахъ вплавь черезъ рѣку. Эти фигуры, въ своихъ косматыхъ шапкахъ и непремѣнно съ оружіемъ, казались весьма подозрительными на видъ.

Къ половинѣ перехода мы вошли въ болѣе узкое теченіе и приблизились къ правому берегу. Опять показалась зеленѣющая тугайная полоса и туркменскіе кишлаки. У самаго берега виднѣлись рыбачьи ставки и ихъ незатѣйливыя снасти... Въ кустахъ гребенщика пестрѣютъ стада козъ и барановъ, и тамъ слышны громкіе, тревожные окрики мальчиковъ-пастуховъ. За культурною полосою желтѣютъ мертвые пески. Характеръ мѣстности почти остается неизмѣннымъ.

Рѣка здѣсь очень неудобна для судоходства по причинѣ частыхъ, а главное, мѣняющихъ свое мѣсто мелей. Эти такъ называемыя „блуждающія отмели“ можно опредѣлять только по характеру теченія и по слабому прибою на окраинахъ. Не смотря на ловкость и знаніе каикчей, мы нѣсколько разъ садились на мель и должны были стягиваться руками.

Не смотря на эти задержки, каики шли очень быстро, около восьми верстъ въ часъ, что очень большой ходъ; плоты, которые обгоняли насъ на пути, движутся еще быстрѣе.

Привалъ для каиковъ не полагался, такъ какъ трудно было опредѣлить мѣсто причала, для конныхъ-же привалъ былъ назначенъ въ одномъ изъ береговыхъ кишлаковъ, и мы соединились только на ночлегѣ.

Вправо видны спускающіеся къ бассейну Аму предгорія. На ближайшей вершинѣ ясно очерчиваются могилы Хаджи-Акиръ. Близъ подножья этихъ горъ тянутся кишлаки туркменскаго рода Баширъ, славящагося изготовленіемъ лучшихъ ковровъ во всей средней Азіи. Въ Баширѣ мы и остановились на ночлегъ, и воспользовались этою остановкою, чтобы нѣсколько ознакомиться съ производствомъ и торговлею ковровыхъ издѣлій, этой необходимой утвари азіатскаго быта.

Баширцы занимаются краскою шерсти, для чего разводятъ растенія, дающія красящія вещества; главнѣйшіе красильные продукты — это руянъ (марена) и гранатная корка (индиго)—получается чрезъ Афганистанъ. Костяной уголь даетъ превосходную черную краску. Въ Баширѣ искусство ткать ковры передается наслѣдственно. Всѣ члены семьи владѣютъ этимъ искусствомъ. Работа эта, почти безъ всякихъ машинныхъ приспособленій, очень медленная: коверъ до шести аршинъ въ длину и трехъ въ ширину; семья, въ четыре человѣка, работаетъ не менѣе года. Узоры и подборъ красокъ также передаются наслѣдственно. Знатоки по одному узору точно опредѣляютъ, гдѣ и кѣмъ сработанъ коверъ. Цѣны на эти издѣлія держатся прочно и не мѣняются вѣками. Коверъ вышесказанныхъ размѣровъ продается — и находитъ себѣ покупателей — за двѣсти пятьдесятъ—триста бухарскихъ теней, т.-е., около ста рублей на наши кредитныя бумажки.

Баширцы, кромѣ того, занимаются и шелководствомъ. Они разводятъ тутовникъ и выкармливаютъ шелковичныхъ червей, продавая въ годъ отъ одного до восьми батмановъ на домъ. Батманъ нѣсколько болѣе нашей четверти. Для своего личнаго употребленія они сѣютъ пшеницу и джюгарру, а также разводятъ виноградъ. Вообще, этотъ родъ туркменъ считается самымъ трудолюбивымъ и зажиточнымъ; баширцы исправнѣе всѣхъ платятъ эмиру свои подати и считаются по праву выгоднѣйшими подданными его степенства, эмира Мизафара.

Слѣдующій переходъ до Бурдалыка прошелъ безъ всякихъ приключеній. Каики шли одинаково быстро. Конный отрядъ ни догналъ насъ ни на привалѣ, ни на мѣстѣ ночлега. Его дорога сильно уклонилась отъ берега рѣки, такъ какъ береговая полоса здѣсь очень низменна и топка. Мѣсто ночлега было очень неудобное — у подмытаго илистаго берега... Частые обвалы не давали почти спать, и каикчи должны были стеречь каики, раза четыре за-ночь перемѣнившіе свои мѣста причаловъ.

Третьяго сентября мы вошли въ предѣлы Наразымскаго бекства.

Береговая полоса также густо населена. Типъ жителей необыкновенно красивъ. Мужчины и женщины отличаются своимъ высокимъ ростомъ, стройностью и граціей. Обстановка также дышетъ зажиточностью и довольствомъ. Климатъ превосходный, несмотря на низменность и обиліе болотъ. Грунтъ берега — иловато-глинистый, легко размываемый водою. Здѣсь ясно опредѣляется извѣстное явленіе отступанія ложи рѣки вправо. Вода дѣлаетъ громадные успѣхи, отмывая обработанную руками человѣка почву. Въ послѣднія тридцать лѣтъ отмыто культурной полосы болѣе восьми верстъ; изъ двадцати шести арыковъ, орошающихъ почву, осталось только восемь. Мы проходили мимо кишлаковъ съ самыми поразительными признаками свѣжихъ отмывовъ; намъ попадались плантаціи нынѣшняго года, частью уже отмытыя водою; сакли и отдѣльные дворы, построенные первоначально далеко отъ воды, теперь уже до половины разрушенные. Положеніе обитателей этой береговой полосы нельзя не назвать отчаяннымъ: съ одной стороны тѣснитъ вода, съ другой — мертвая песчаная пустыня.

На мѣстѣ ночлега насъ встрѣтилъ самъ старый бекъ наразамскій, должно быть большой ханжа, потому что, обмѣнявшись стереотипными привѣтственными фразами, онъ, тотчасъ-же, отошелъ къ своей палаткѣ, поставленной въ тѣни стараго, развѣсистаго тутоваго дерева и погрузился въ молчаливое созерцаніе, закрывъ глаза и машинально перебирая — трясущимися отъ старости пальцами—янтарныя четки.

Конный отрядъ не попалъ на ночлегъ, а съ этого дня мы уже больше съ нимъ не встрѣчались до самаго Чарджуя.

Мѣстность сильно измѣнилась; культурная полоса разомъ исчезаетъ за Наразымомъ. На лѣвомъ берегу еще виднѣются жалкіе сады, на правомъ-же начинается песчаная степь и тянется до самыхъ устій Аму, до границъ дельты, вошедшей въ составъ нашего государства.

Четвертаго сентября мы пришли въ Чарджуйскій округъ и остановились на лѣвомъ берегу, у переправы Байроббъ.

(Продолженіе будетъ).

Въ Лондонѣ англійская королевская академія художествъ открываетъ международный конкурсъ на соисканіе первой золотой медали и сопряженнаго съ нею приза за лучшій проектъ памятника своему покойному президенту сэру Роланду Гиллю. Статуя должна быть мраморная, 8 фут. вышиною, пьедесталъ не болѣе 12 фут. вышиною. Время представленія проектовъ назначено съ 1-го (13-го) іюля текущаго года по 1-е (13-е) мая 1881 г

—

Проектъ сооруженія колоссальнаго аллегорическаго монумента, подъ названіемъ «Осада Парижа 1870—1871 гг.», утвержденъ. Монументъ будетъ воздвигнутъ въ

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 601.] Годъ XII. 12 іюля 1880 года. [Томъ XXIV. № 3.

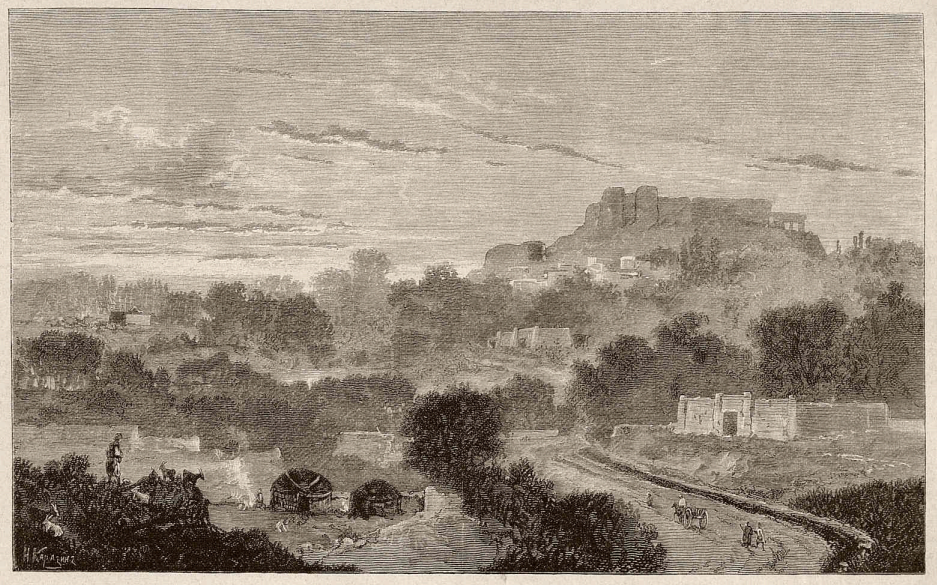
Его Величество **Георгъ I**, король эллиновъ.

(Съ послѣдней фотографіи, рисовалъ К. Брожъ).

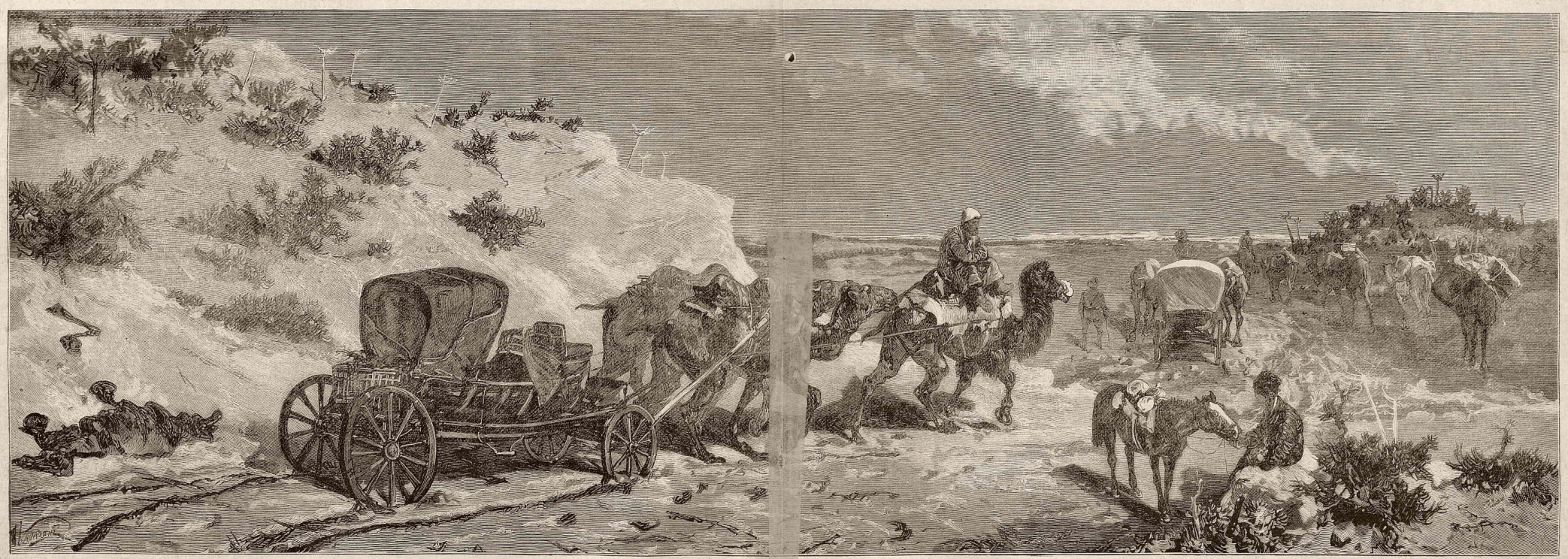
Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Горы Дзу-Кала на берегу Аму-Дарьи.
(Рисовалъ нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Каразинъ).

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Видъ Чарджуя на Аму-Дарьи.
(Рисовалъ нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Каразинъ).

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Кизылъ-Кумъ. Движеніе перваго эшелона экспедиціи черезъ пески.
(Рисовалъ нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Каразинъ).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Джонъ Фостеръ,

новый посланникъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ С.-Петербургѣ.

Новый посланникъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ Петербургѣ, Джонъ Фостеръ родился въ городѣ Эвансвиллѣ, въ штатѣ Индіанѣ, въ 1834 году. Фостеръ началъ свое образованіе въ близмингдальской и горвадской коллегіяхъ, а затѣмъ занялся юридическими науками и посвятилъ свою дѣятельность адвокатурѣ. Когда загорѣлась война сѣверныхъ штатовъ съ южными, Фостеръ поспѣшилъ встать въ ряды сражавшейся за уничтоженіе невольничества арміи сѣверянъ и путемъ многихъ военныхъ отличій дослужился до чина бригаднаго генерала, командуя полкомъ волонтеровъ штата Индіаны. Послѣ окончанія войны, Фостеръ вернулся въ свой родной городъ Эвансвилль и сталъ издавать журналъ подъ названіемъ: «The Evansville Journal», которымъ занимался до 1872 года, когда для его дѣятельности открылось поприще болѣе завлекательное: онъ былъ выбранъ въ конгрессъ представителемъ штата Индіаны. Въ 1873 году Фостеръ получилъ назначеніе на постъ посланника въ Мексику и на этомъ постѣ находился до послѣдняго времени. Въ концѣ прошлаго года понадобилось замѣстить кѣмъ-нибудь постъ посланника Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ, и тѣ лица, которымъ предлагали взять на себя эту должность, отказывались отъ нея потому, что содержаніе 17,500 долларовъ недостаточно для прожитія представителемъ Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ. Тогда президентъ Гейсъ предложилъ должность Фостеру, получилъ его согласіе и представилъ конгрессу, который и утвердилъ это назначеніе.

Новый врагъ полей (Army Worm).

Въ началѣ іюня этого года въ Соединенныхъ Штатахъ на посѣвахъ появилось во множествѣ насѣкомое, извѣстное подъ именемъ Leucania unipuncta; обыкновенно это насѣкомое встрѣчалось только въ одиночку или небольшими группами; но, до сихъ поръ, Leucania unipuncta никогда еще не нападала массой на поле, хотя сама по себѣ не рѣдка и въ той мѣстности очень извѣстна всѣмъ собирателямъ. Насѣкомое это ржаваго, сѣровато-рыжаго цвѣта, съ черными крапинками и бѣлыми точками на крыльяхъ. Leucania обильно кладетъ свои куколки въ траву или сѣно. Пожирать растеніе Leucania начинаетъ съ верхушки и уничтожаетъ его съ изумительной быстротой; на каждомъ стеблѣ помѣщается множество этихъ насѣкомыхъ, и, въ самое короткое время, растеніе погибаетъ совершенно. Куколки Leucania бываютъ бѣлаго цвѣта и продолговатой формы, но черезъ нѣсколько времени желтѣютъ и измѣняютъ форму въ болѣе круглую. Leucania появляется въ маѣ мѣсяцѣ и затѣмъ начинаетъ быстро размножаться. Отъ близкаго ей рода камышевыхъ ночницъ (Nonagria) Leucania отличается тѣмъ, что не имѣетъ лобной роговой пластинки и зубовъ на сижкахъ самцовъ. Гусеницы пробуравливаютъ трубчатые стебли растеній и окукляются тамъ, заложивши, предварительно, отверстіе соромъ.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

(*Продолженіе*).

Отъ Чарджуя до Петрово-Александровска.

IV.

Чарджуй — главный городъ чарджуйскаго бекства и крѣпость — южный оплотъ бухарскаго ханства, со стороны туркменъ „Теке и Мервъ“, резиденція бека, сына самого эмира, Тюра-Джака, расположенъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, верстъ шесть отъ воды. Вокругъ города разстилается широкая береговая полоса, низменная долина, довольно цвѣтущая на видъ, заселенная земледѣльцами и садоводами. Главная торговля этого города ведется съ кочевыми туркменами и съ Хивою — водянымъ путемъ. Чарджуйцы отпускаютъ кочевникамъ продукты своихъ полей и садовъ, взамѣнъ чего получаютъ скотъ и вьючныхъ животныхъ; кромѣ того, на здѣшнихъ фабрикахъ изготовляются превосходнѣйшіе ковры, а главное — войлоки, считающіеся по праву лучшими во всей Средней Азіи.

Чарджуй служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и очень важнымъ транзитнымъ пунктомъ между Бухарою, а, значитъ, и городами, находящимися къ сѣверу, вошедшими въ составъ нашихъ владѣній и большимъ торговымъ центромъ туркменъ Мервомъ и всею плодоносною долиною Атрека. Стратегическое значеніе этого города неоспоримо. Операціонная база, опирающаяся правымъ флангомъ на наши укрѣпленія въ дельтѣ Аму, а лѣвымъ — на Чарджуй, можетъ парализовать всякую возможность враждебныхъ намъ дѣйствій со стороны Атрека — этой наиболѣе безпокойной артеріи независимыхъ туркменскихъ родовъ.

При положительномъ отсутствіи какихъ-либо статистическихъ пріемовъ въ Бухарскомъ ханствѣ, при этомъ черезчуръ уже приблизительномъ счетѣ народонаселеніе кибитками трудно опредѣлить число жителей Чарджуя; приблизительно-же городъ насчитываетъ въ своихъ стѣнахъ тысячъ до тридцати, да ближайшія окрестности — предмѣстья города — столько-же. Типъ жителей городскихъ — арійскій по преимуществу; узбекскіе роды здѣсь почти отсутствуютъ и составляютъ завоевательную аристократію.

Не смотря на мирный договоръ съ Россіею, заключенный въ 1868 году, послѣ разгрома ханства и занятія Самарканда, — договоръ, однимъ изъ условій котораго стояло освобожденіе рабовъ въ ханствѣ и прекращеніе работорговли, чарджуйцы, хотя и неоффиціально, но весьма безцеремонно практикуютъ еще этотъ гнусный промыселъ, особенно юго-западная окраина бекства, граничащая съ кабаклами, этимъ ссыльнымъ пунктомъ бухарскаго ханства.

Мы причалили свои каики у переправы Байрободъ, какъ я уже говорилъ, и здѣсь на небольшомъ искусственномъ возвышеніи въ тѣни развѣсистыхъ таловъ поставлены были для насъ роскошныя палатки съ коврами и постелями. Лагерь нашъ расположился въ кругъ — частію въ особыхъ кибиткахъ, частію на открытомъ воздухѣ.

Окрестности нашей стоянки были очень живописны: прямо передъ нами разстилалась широкая рѣка съ болотистыми излучинами и затонами, густо заросшими кугою и уже пожелтѣвшимъ камышемъ, оживленные стаями голенастыхъ птицъ: цапель, журавлей и пр. На берегу было широкое мѣсто, совершенно свободное отъ всякихъ зарослей и построекъ — это мѣстный гиподромъ, гдѣ въ праздничные дни устраиваются частныя и оффиціальныя скачки и прочія ристалища. Возвышеніе, занимаемое въ настоящую минуту нашей палаткою, служитъ, обыкновенно, наблюдательнымъ пунктомъ бека и его приближенныхъ во время скачекъ. Далѣе тянулись группами отдѣльные, очень живописно разбросанные и зажиточные на видъ хутора земледѣльцевъ, осѣненные группами карагачей, тутовника и фруктовыхъ деревьевъ. Зеленѣющія поля джугары и привольныя грядки табачныхъ плантацій пестрѣли рабочими, большею частью полуголыми... Вездѣ слышались оживленные голоса, мычаніе скота, скрипъ арбяныхъ колесъ и надъ дорогами, лабиринтомъ идущими между глинобитныхъ станокъ, садовъ и сакель, облаками стояла густая лёсовая пыль, свидѣтельствующая объ оживленности движенія.

Здѣсь мы узнали, что транспортъ съ нашими экипажами, вышедшій прямо изъ Самарканда на Чарджуй черезъ Бухару, ушелъ уже внизъ на каикахъ отсюда въ Петрово-Александровскъ, не дождавшись всего двое сутокъ нашего пріѣзда; это была несовсѣмъ пріятная новость — во-первыхъ уже потому, что съ экипажами были запасы продовольствія, для насъ необходимые, а главное, что путь, предстоящій нашему транспорту экипажей и прислугѣ, былъ далеко не безопасенъ, и конвой изъ пяти казаковъ при транспортѣ былъ едва-ли достаточенъ. Но дѣлать было нечего, ушедшихъ догнать и остановить не было возможности.

Здѣсь-же дожидали насъ два джигита изъ Петрово-Александровска, высланные намъ навстрѣчу начальникомъ аму-дарьинскаго отдѣла, съ письмами; это было очень кстати, такъ какъ изъ Чарджуя мы должны были разсчитать и отпустить съ Богомъ какъ нашего переводчика, такъ и всѣхъ туземныхъ джигитовъ — и остались вовсе безъ прислуги.

Едва мы высадились на берегъ, какъ насъ встрѣтили старшины Чарджуя и съ ними посланецъ отъ бека, его церемоніймейстеръ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и взаимныхъ пожеланій, насъ спросили, когда мы намѣрены сдѣлать визитъ сыну эмира, беку Тюра-Джаку и вообще условиться на счетъ этой аудіенціи.

Мы условились на завтра, а пока занялись устройствомъ нашего лагеря и отдыхомъ отъ долгаго и утомительнаго плаванія.

Между тѣмъ, конный отрядъ нашъ еще не пришелъ, и посланные на его развѣдку сообщили, что еще ничего не слыхали о движеніи этого отряда, значитъ онъ отсталъ отъ насъ значительно, покрайней мѣрѣ, сутокъ на двое. Это обстоятельство насъ сильно безпокоило, да вдобавокъ еще задерживало на пути, такъ какъ мы не могли-же тронуться далѣе, не дождавшись конныхъ. Отсюда уже слѣдовать сухопутьемъ по берегу не предстояло никакой возможности, въ виду пустыннаго характера береговыхъ песковъ и серьозной опасности отъ туркменскихъ разбойничьихъ шаекъ; отсюда предполагалось уже всѣмъ безраздѣльно плыть на каикахъ, что затрудняло чарджуйскаго бека не мало, такъ какъ годныхъ для дальняго плаванія каиковъ почти не оказалось.

Намъ, впрочемъ, обѣщали возможность найти на пути и нанять хивинскіе каики, гораздо больше и лучше бухарскихъ, — въ урочищѣ „Ильчикъ“.

На другой день къ намъ опять выѣхали изъ города посланцы, чтобы проводить насъ въ крѣпость на аудіенцію къ Тюра-Джаку.

Мы сѣли на коней и, окруженные блестящею свитою всадниковъ въ парадныхъ, шитыхъ золотомъ, ярко-цвѣтныхъ халатахъ, тронулись по пыльной дорогѣ, ведущей въ городъ.

Съ полчаса ѣхали мы тѣсною улицею, между садовъ и сакель: намъ попадались на встрѣчу тяжелонагруженныя арбы съ товарами, отправляемыми на пристань, вьючные верблюжьи караваны и множество коннаго и пѣшаго люда... Все это было большею частью вооружено саблями и ружьями и носило весьма воинственный характеръ.

Наконецъ, мы прошли темными прохладными воротами городской стѣны и очутились на базарныхъ крытыхъ улицахъ.

Чарджуйскій базаръ по своему виду мало отличается отъ прочихъ базаровъ средне-азіатскихъ городовъ, не разъ уже мною подробно описанныхъ, — только при болѣе пристальномъ наблюденіи вы не замѣчаете здѣсь той открытости и безпечности, а наоборотъ все здѣсь носитъ печать тревоги и опасеній. Замки и заборы лавокъ поражаютъ своею солидностью; купцы и покупатели всѣ вооружены; у лавокъ толпятся или праздно слоняются по базару оборванныя личности самаго подозрительнаго вида, преимущественно пріѣзжіе тюркмены, злобно косящіеся на насъ, русскихъ, своихъ заклятыхъ враговъ искони, да вдобавокъ еще находящихся съ ними въ оффиціальномъ разрывѣ.

Проѣхавъ базаромъ, мы очутились передъ воротами цитадели и слѣзли съ лошадей. Обстановка входа въ цитадель, въ помѣщеніе Тюра-Джака, очень похожа на обстановку керкинскую, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Тѣ-же орудія въ чахлахъ подъ навѣсомъ, тѣ-же сѣрые артиллеристы съ саблями наголо и дымящимися фителями, — только, вмѣсто народной милиціи, здѣсь вытянулся и отдалъ намъ честь фронтъ регулярныхъ горбозовъ въ красныхъ кафтанахъ и черныхъ бараньихъ шапкахъ.

Насъ провели въ пріемную саклю, гдѣ уже былъ накрытъ парадный столъ и дожидался насъ самъ властитель Чарджуйскаго бекства.

Это — молодой человѣкъ лѣтъ двадцати не болѣе, сильно ожирѣвшій уже, не смотря на свою молодость, и подкрашивающій себѣ глаза и брови. На немъ былъ надѣтъ свѣтло-лиловый шелковый халатъ и туго свернутая тонкая бѣлая чалма. Его подведенные, какъ у кокотки, глаза, отъ природы довольно красивые, смотрѣли тупо и апатично; всѣ его движенія были вялы и лѣнивы; около него помѣстился его первый министръ — опекунъ — и въ дѣйствительности главное отвѣтственное лицо передъ эмиромъ за управленіе бекствомъ. Это былъ бойкій, пронырливый старикъ, не спускавшій глазъ съ своего питомца и, видимо, подсказывающій ему какъ вопросы, такъ и отвѣты.

Такъ какъ серьезный разговоръ былъ только относительно каиковъ для насъ и заготовки таковыхъ-же для остальнаго эшелона экспедиціи, оставленнаго нами еще въ Термезѣ, то оффиціальный матеріалъ для переговоровъ скоро истощился и мы занялись уже частною бесѣдою.

— Что новаго слышно изъ Мерва — театра настоящихъ военныхъ дѣйствій?

— Благодаря Аллаху — ничего. Мы живемъ въ сторонѣ, мы ничего не знаемъ... У насъ все тихо.

— Однако-же, вы такъ близко къ театру войны, что должны-же были что-нибудь слышать.

— О, нѣтъ... Ходятъ разные слухи на базарѣ, но базарнымъ слухамъ вѣрить нельзя...

— Можно-ли проѣхать сухопутьемъ внутрь страны, осмотрѣть начало песковъ?

— Аллахъ допуститъ — отчего-же? Можно съ его благословенія — но очень опасно.

— Отчего опасно?

— Туркмены бродятъ шайками, а туркмены люди нехорошіе, злые...

— Но можно взять конвой.

— Можно, но конвой разбѣжится при первыхъ выстрѣлахъ, и мы должны будемъ передъ эмиромъ отвѣчать за вашу безопасность. Эмиръ — пошли ему Аллахъ благоденствія! строго приказалъ беречь дорогихъ гостей...

И все въ этомъ родѣ...

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Впрочемъ, когда мы поднялись, чтобы проститься, Тюра-Джанъ замѣтилъ намъ:

Отчего это русскіе всегда такъ мало сидятъ въ гостяхъ?.. И все какъ-будто спѣшатъ, будто времени имъ мало, не хватаетъ? А вотъ самъ онъ, гостивши у насъ въ прошломъ году, въ Самаркандѣ, жилъ почти мѣсяцъ и не торопился.

На это ему отвѣчали, что онъ сынъ эмира и могъ поступать, какъ ему угодно, по своей волѣ, а мы люди подначальные и должны дѣлать, что намъ предписано и что работы у насъ такъ много, что времени дѣйствительно терять нечего.

— Что вы работаете?

— А вотъ знакомимся съ ихъ страною, измѣряемъ Аму-Дарью, наносимъ ея на карту; поправляемъ ошибки прежнихъ путешественниковъ.

— О, да! — отвѣчалъ совершенно неожиданно Тюра-Джанъ. Пока еще эта рѣка не вся ваша, но скоро вся рѣка и мы всѣ будемъ ваши, если Аллахъ этого захочетъ, и тогда хозяину надо знать, чѣмъ онъ владѣетъ.

Одинъ изъ насъ на это отвѣчалъ, что мы вовсе не хотимъ и не торопимся занимать этотъ край, потому что это, благодаря Аллаху, пока безполезно, ибо и Россія, и Бухара связаны такою тѣсною дружбою между собою, что мы чувствуемъ себя въ бухарскихъ владѣніяхъ все равно какъ дома, равно какъ и бухарскіе люди у насъ, въ Россіи. Впрочемъ, молъ, все и вся дѣлается въ свѣтѣ не иначе, какъ по волѣ Аллаха, а никакъ не по человѣческому желанію.

— Хорошо-ли васъ устроили на берегу, у Бойробоба, и всего-ли довольно?

— Благодаримъ бека и его сановниковъ; все устроено гораздо лучше, чѣмъ мы-бы даже желали и непремѣнно сообщимъ о любезности владѣтеля Чарджуя въ Бухару и Ташкентъ...

— Письменно сообщите или на словахъ?

— Конечно, письменно.

— Это хорошо. Это очень даже хорошо. Въ Бухару напишите, что все въ Чарджуѣ въ порядкѣ и народъ очень доволенъ правительствомъ, — добавилъ тутъ наставникъ Тюра-Джана.

— Напишемъ.

Поговоривъ еще съ полчаса въ такомъ родѣ мы раскланялись съ гостепріимнымъ Чарджуйскимъ бекомъ и, пройдя снова всѣ дворы и закоулки цитадели, сѣли на ожидавшихъ насъ коней.

Когда мы вернулись на берегъ, то одновременно съ нами прибылъ, наконецъ, и нашъ сильно отставшій конный отрядъ, совершенно измучившій своихъ коней по береговымъ тугайнымъ зарослямъ и мертвопесчанымъ перегонамъ.

Теперь насъ уже ничего не задерживало въ Чарджуѣ, и на другой день мы занялись сборами къ дальнѣйшему плаванію и разсчетомъ вѣрно служившихъ намъ во все время путешествія самаркандскихъ джигитовъ.

Мы установили на два каика казаковъ съ ихъ лошадьми, расположились довольно комфортабельно сами и тронулись въ путь седьмаго сентября съ солнечнымъ восходомъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Генеалогія и Геральдика.

Гербъ князей Путятиныхъ.

Князья Путятины принадлежатъ къ числу Рюриковичей; самая-же фамилія Путята, а отсюда Путятичи и, наконецъ, Путятины явилась при великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ. Съ фамиліями князей Вяземскихъ и Смоленскихъ родъ этотъ расходится при сыновьяхъ великаго князя Мстислава Владиміровича Великаго: Вяземскіе и Смоленскіе пошли отъ князя Ростислава—Михаила Мстиславовича, а вѣтвь, отъ которой произошли Путятины, пошла отъ старшаго брата его, *Изяслава* Мстиславовича, князя Галицкаго и Волынскаго, скончавшагося въ 1154 г. У Изяслава Мстиславовича было три сына: князь *Мстиславъ* Изяславовичъ Галицкій, сконч. въ 1170 г., князь Ярополкъ Изяславовичъ Волынскій, сконч. въ 1167 году, и Ярославъ Изяславовичъ Луцкій, скончавшійся въ 1175 году, отъ котораго пошелъ родъ князей Луцкихъ, нынѣ уже не существующій. Мстиславъ Изяславовичъ имѣлъ также трехъ сыновей: князя Романа Мстиславовича, великаго князя Галицкаго и Русскаго, сконч. въ 1205 г., князя Святослава Мстиславовича Галицкаго, сконч. въ 1173 году, и князя *Всеволода*-Гавріила Мстиславовича Галицкаго, сконч. въ 1195 г. Старшій сынъ послѣдняго, князь *Александръ* Всеволодовичъ звался Бельзскимъ и Владиміръ — Волынскимъ, и имѣли брата Всеволода Всеволодовича и сестру, княжну Елену Всеволодовну, бывшую замужемъ за польскимъ королемъ Казиміромъ. Князь Александръ Всеволодовичъ оставилъ сына *Романа* Александровича Владиміръ-Волынскаго и княжну Анастасію Всеволодовну, вышедшую за князя Болеслава Конрадовича Мстовецкаго. Младшій сынъ Романа Александровича, *Михаилъ* Романовичъ, былъ княземъ Друцкимъ, а четыре старшихъ сына: Мстиславъ, Данилъ, Василько и Владиміръ Романовичи писались Владиміръ-Волынскими. Мстиславъ, Данилъ и Владиміръ не имѣли потомства; внукъ Василько, князь Владиміръ Іоанновичъ, былъ убитъ въ сраженіи подъ стѣнами Владиміра, при завоеваніи этого княжества литовскимъ великимъ княземъ Гедиминомъ и съ нимъ прекратился родъ князей Владиміръ-Волынскихъ. Дѣтей имѣлъ только князь Михаилъ Романовичъ Друцкой и отъ двухъ его сыновей, Василія и *Симеона*, пошли фамиліи князей Друцкихъ-Подбережныхъ, Друцкихъ-Соколинскихъ, Друцкихъ-Любецкихъ, Друцкихъ-Горскихъ и Друцкихъ-Бакриновскихъ. Симеонъ Михайловичъ Друцкой имѣлъ сына *Дмитрія* Симеоновича и отъ него внуковъ: *Семена*, Іоанна и Михаила Друцкихъ.

Дѣти Семена Дмитріевича были: Иванъ Семеновичъ Друцкій-Баба, отъ котораго пошли князья Бабичевы; *Иванъ* Семеновичъ Друцкій-Путята, родоначальникъ князей Путятичей или Путятиныхъ; князь Михайло Друцкій-Лобанъ; князь Дмитрій Семеновичъ Друцкій-Сѣкера.

Князь Иванъ Семеновичъ Путята и братъ его, Иванъ Семеновичъ Баба, были присланы съ литовскимъ вспомогательнымъ войскомъ къ великому князю Василію Дмитріевичу для войны противъ татарскаго князя Кундака. У этого Ивана Семеновича были три сына: князья Василій, Иванъ и Дмитрій Ивановичи; дѣти старшаго, князя Василія, Юрій и Дмитрій Васильевичи, были литовскими воеводами и взяты въ плѣнъ 14-го іюля 1500 года въ битвѣ Вердошской. Князь Юрій былъ отпущенъ домой, въ Литву, а князь Дмитрій остался въ плѣну и умеръ въ Москвѣ, въ тюрьмѣ. Князь Юрій былъ женатъ на сестрѣ князя Василія Ивановича Шемякина и имѣлъ сына, князя Дмитрія Юрьевича. Одинъ изъ Путятиныхъ, князь Григорій Васильевичъ, былъ воеводою въ Юрьевѣ-Ливонскомъ въ 1561 году, въ Ругодевѣ въ 1567 году; потомъ послѣдовательно намѣстникомъ въ Порховѣ, Ордѣ и въ Орѣшкѣ. Князь Григорій Давыдовичъ былъ воеводою въ Нарвѣ въ 1566 году, въ Ругодевѣ въ 1571 году и намѣстникомъ въ Орѣшкѣ въ 1574 году. Князь Михайло Михайловичъ Путятинъ, по прозванію Быкъ, былъ осаднымъ воеводою въ Пандѣ въ 1579 году, въ Перновѣ въ 1582 году, а потомъ воеводою въ Ивангородѣ, въ Черниговѣ и въ Ливнахъ. Князь Андрей Тимоѳеевичъ былъ воеводою въ зимнемъ походѣ 1577 года подъ Колывань; князь Матвѣй Михайловичъ — воеводою въ Ракоборѣ въ 1580 г. Князь Иванъ Михайловичъ—воеводою въ Ряжскѣ въ 1597 г. Въ 1699 году шестеро князей Путятиныхъ владѣли населенными имѣніями.

Гербъ князей Путятиныхъ: щитъ раздѣленъ горизонтально на двое; въ верхней части, въ голубомъ полѣ, золотой крестъ; въ нижней части, въ красномъ полѣ, серебряная литера W; щитъ покрытъ княжескою мантіею и княжескою шапкою.

Американское общество заключило договоръ съ художникомъ Мейссонье, по которому послѣдній обязуется въ непродолжительный срокъ доставить, за неслыханную сумму въ 3.000,000 франковъ, двѣ большихъ картины для панорамы: «Парижъ во время войны» и «Парижъ во время выставки». Общество намѣревается объѣздить съ этими картинами всю Америку.

—

Въ честь Адальберта Шамиссо былъ поставленъ 25-го іюня, въ Берлинѣ, у того дома, гдѣ поэтъ прожилъ нѣсколько лѣтъ передъ своею смертью, послѣдовавшею 21-го августа 1838 года, бронзовый рельефный медальонъ съ его портретомъ.

—

Инженерамъ Монтъ-Сенисскаго тоннеля воздвигнутъ недавно въ Туринѣ памятникъ. Онъ имѣетъ видъ пирамиды въ 22 метра вышины, на вершинѣ которой представленъ геній техническихъ наукъ. Въ верхней части пирамиды написаны имена инженеровъ: Соммелье, Граттони и Гранди, по сторонамъ изображено нѣсколько мужскихъ фигуръ, изъ которыхъ одна представлена всходящею на скалу, другая — склонившеюся на камень, третья — пробирающеюся сквозь каменныя глыбы и т. п. Всѣ онѣ обозначаютъ аллегорическую борьбу съ горною почвою. Между скалъ бѣгутъ ручейки, которые соединяются въ большомъ бассейнѣ, сдѣланномъ у подошвы пирамиды.

—

Въ вюртембергскомъ городѣ Биберахѣ намѣреваются воздвигнуть памятникъ Виланду. Фигура его будетъ изваяна изъ каррарскаго мрамора и поставлена на пьедесталъ изъ желтаго песчанника.

—

Въ Лондонѣ (13-го) 1-го іюля открылась давно ожидаемая выставка живописи на деревѣ; изъ массы выставленныхъ англійскими художниками работъ первое мѣсто занимаетъ прекрасный рисунокъ Геркомера, подъ названіемъ: «Бабушкинъ любимецъ». Затѣмъ, обращаютъ на себя вниманіе: картина бельгійскаго художника Ватергауза, подъ названіемъ: «Греческіе картежники», картины ученика дюссельдорфской школы Бриттена: «Аудіенція» и «Танецъ», и произведенія испанскаго художника дона Хозе Хименеса-и-Аранды.

—

Въ Каенѣ, мѣстѣ рожденія Обера, будетъ воздвигнута въ память знаменитаго композитора статуя. Дела-планшъ, въ Парижѣ, взялъ на себя трудъ сдѣлать эту статую.

—

Фортепіанный фабрикантъ, мануфактуръ совѣтникъ, К. М. Шредеръ Всемилостивѣйше пожалованъ званіемъ поставщика двора Его Императорскаго Величества. Фортепіанная фабрика К. М. Шредера существуетъ съ 1818 года и справедливо пользуется давнишней и вполнѣ заслуженной славой.

* * *

Въ новомъ театрѣ въ «Озеркахъ» съ 7-го іюля начались спектакли, съ участіемъ артистки императорскихъ московскихъ театровъ, Г. Н. Ѳедотовой, а въ Павловскомъ театрѣ гастроли Г. Н. Ѳедотовой начались 8-го іюля.

Придворныя извѣстія.

Е. В. Королева эллиновъ Ольга Константиновна изволила выѣхать изъ С.-Петербурга на пароходѣ за-границу 6-го іюля.

Правительственныя распоряженія.

Оберъ-прокуроръ перваго департамента правительствующаго сената, тайный совѣтникъ Марковъ — назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

— **Члену государственнаго совѣта, генералъ-адъютанту,** генералъ-отъ-инфантеріи графу Игнатьеву, Всемилостивѣйше повелѣно быть временнымъ, на время ярмарки, нижегородскимъ генералъ-губернаторомъ, съ подчиненіемъ ему, на это время, города Нижняго-Новгорода и всей Нижегородской губерніи съ тѣми правами, которыя предоставлены временнымъ генералъ-губернаторамъ, указомъ отъ 5-го апрѣля 1879 года.

Выставки и юбилеи.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ въ нынѣшнемъ году пять большихъ выставокъ: 1) общая нѣмецкая выставка патентовъ и моделей; 2) нѣмецкая выставка садоводства; 3) международная выставка предметовъ по части минеральныхъ водъ; 4) ремесленная выставка Франкфурта и окрестностей и 5) международная выставка сырыхъ кожъ и кожаныхъ издѣлій.

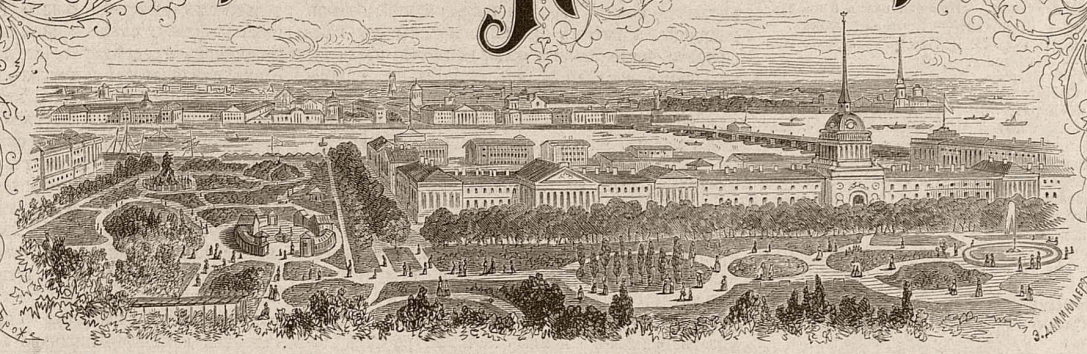
— **Комитетъ общества для пособія нуждающимся** литераторамъ и ученымъ, предполагая устроить въ его пользу въ октябрѣ сего года, въ помѣщеніи общества поощренія художниковъ (Спб., Большая Морская, № 40), «Пушкинскую выставку», приглашаетъ всѣхъ желающихъ въ ней участвовать, доставлять по этому адресу: 1) портреты и другія изображенія Пушкина; 2) его рукописи; 3) изданіе его произведеній; 4) переводы ихъ на иностранные языки; 5) рисунки къ его сочиненіямъ; 6) музыкальныя сочиненія на его слова; 7) предметы, принадлежавшіе Пушкину; 8) портреты его родныхъ и друзей и вообще все, что относится къ памяти великаго поэта. Доставленные предметы записываются, по мѣрѣ ихъ поступленія, въ заведенную для сего книгу, въ полученіи оныхъ выдается росписка и по миованіи надобности будутъ возвращаемы по предъявленіи росписокъ, или согласно письменнымъ требованіямъ экспонентовъ. Срокомъ доставленія предметовъ на выставку назначается 20-е сентября, послѣ котораго будетъ приступлено къ печатанію каталога выставки.

Медицина и гигіена.

Проф. Hardy съ неизмѣннымъ успѣхомъ лечитъ зудъ втираніемъ мази, состоящей изъ 1 ч. сала, 1/6 части

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 602.] Годъ XII. 19 іюля 1880 года. [Томъ XXIV. № 4.

Подписная цѣна на 1880 годъ въ Россіи:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . . 13 р. — к.
» съ доставкою . . . . . 14 р. 50 к.

Въ Москвѣ (въ отдѣленіи конторы), Никольск. ул., д. «Славянск. Базара», (при Центральномъ книжномъ магазинѣ), безъ доставки. 14 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи . . . . . 16 р. — к.

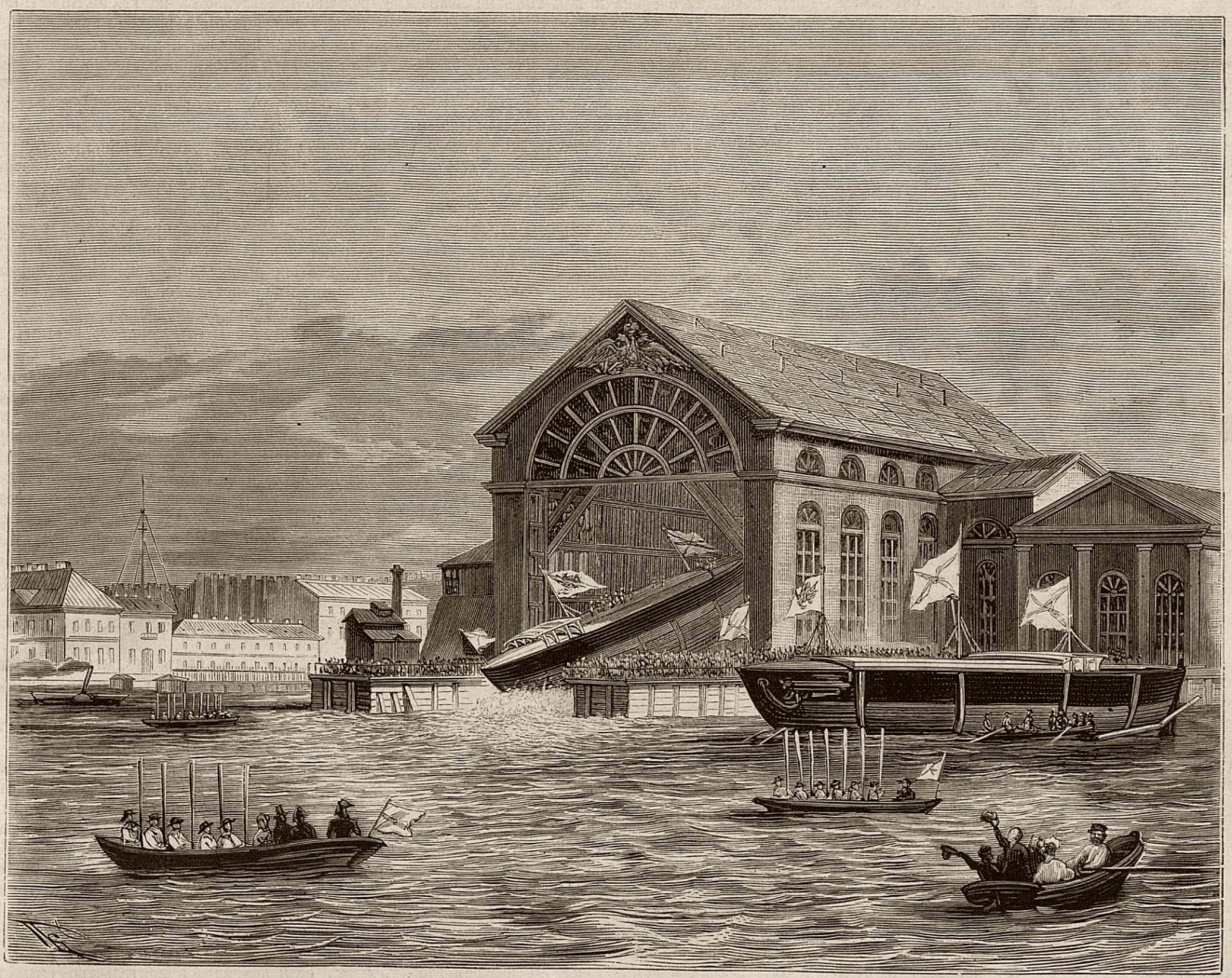
Журналъ **ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** выходитъ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО, ВЪ РАЗМѢРѢ ОТЪ 16 ДО 24 СТРАНИЦЪ.

Объявленія въ журналъ «**Всемірная Иллюстрація**» принимаются въ Конторѣ Редакціи и взимается плата за таковыя по **15** коп. за строчку петита, или за ея мѣсто; для Франціи объявленія принимаются въ конторѣ Agence Havas, 8, Place de la Bourse, Paris; для Германіи, Англіи, Италіи, Австріи и проч.—въ конторѣ Ф. Петрика, Вас. Островъ, Загибенинъ пер., д. № 12, С.-Петербургъ

Подписная цѣна на 1880 годъ за границею:

Въ государства всемірнаго почтоваго союза всѣхъ странъ свѣта, съ доставкою . . . . . 18 р.

Въ государства внѣ всемірнаго почтоваго союза: Китай, чрезъ Бриндзи, Мысъ Доброй Надежды, остр. Вознесенія, чрезъ Англію, средне-американскія республики и британскія владѣнія въ Америкѣ и Австраліи, съ доставкою . . . . . 23 р.

С.-Петербургъ. — Спускъ канонерскихъ лодокъ «Гроза» и «Буря», 5-го іюля въ Новомъ Адмиралтействѣ.
(Рисовалъ П. Ф. Борель).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

недѣля. Общественное мнѣніе было раздражено и требовало, чтобы къ выборамъ было приступлено немедленно; делегаты покорились, и 7-го іюня произошла первая баллотировка: Грантъ получилъ 304 голоса, Блэнъ 284, Шерманъ (статсъ-секретарь финансовъ) 96, Уашборнъ 32 и Эдмундсъ 40; тогда приступили ко второму голосованію: оно дало почти такіе-же результаты, причемъ за генерала Гарфильда былъ поданъ одинъ голосъ. Въ теченіе этихъ сутокъ было произведено двадцать баллотировокъ и на двадцатой изъ нихъ Грантъ получилъ 308 голосовъ. На слѣдующій день борьба возобновилась; на тридцать четвертомъ голосованіи шансы Гарфильда нѣсколько увеличились: число его сторонниковъ возросло до 17-ти, но это было уже важнымъ признакомъ, потому что показывало, что делегаты, видя невозможность провести кого-либо изъ главныхъ кандидатовъ, рѣшились выбрать другаго замѣтнаго дѣятеля своей партіи. Такимъ оказался генералъ Гарфильдъ, который и получилъ при слѣдующей баллотировкѣ 399 голосовъ, тогда какъ за Гранта было подано 306, за Блэна 42, за Шермана 3 и за Уашборна 5.

Генералъ Джемсъ Гарфильдъ, урожденецъ штата Огайо, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ, хотя и не первоклассныхъ государственныхъ людей Соединенныхъ Штатовъ. Сынъ бѣднаго фермера, оставшись сиротою, онъ занимался сперва вмѣстѣ съ братьями земледѣліемъ, потомъ тягою судовъ на каналѣ Эріэ и, наконецъ, сдѣлался лодочникомъ, причемъ научился плотничному мастерству, которое доставляло ему средства учиться въ коллегіи, а затѣмъ въ «электрическомъ институтѣ», гдѣ онъ получилъ серьезное образованіе, такъ что въ 1854 году, 23-хъ лѣтъ отъ роду, онъ сдѣлался учителемъ греческаго и латинскаго языковъ въ гирамской коллегіи и женился на одной дѣвушкѣ, которая вмѣстѣ съ нимъ посѣщала школу.

Между тѣмъ приближалось время междоусобной войны. Гарфильдъ произнесъ нѣсколько блестящихъ рѣчей противъ рабства, которыя произвели такое впечатлѣніе, что онъ былъ избранъ въ 1859 году членомъ сената штата Огайо. При началѣ кампаніи онъ сформировалъ отрядъ милиціи, а потомъ былъ избранъ полковникомъ 42-го полка. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе своею храбростью, соединенной, однако, съ осмотрительностью, и потому былъ назначенъ начальникомъ штаба въ армію генерала Розенкранца, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, черезъ нѣсколько-же мѣсяцевъ сограждане послали его представителемъ штата въ конгрессъ. Этотъ постъ онъ занималъ до 1872 года, усердно занимаясь изученіемъ архивовъ конгресса, а въ 1879 году былъ избранъ сенаторомъ. Въ настоящее время онъ состоитъ президентомъ бюджетной коммиссіи.

Таковъ человѣкъ, побѣдившій Гранта, Блэна, Шермана и Вашборна, — людей, пользующихся болѣе громкою извѣстностью и обширными связями. Что-же доставило ему перевѣсъ? Какими соображеніями руководствовались партизаны Блэна и Шермана, чтобы составить коалицію въ пользу человѣка, о выборѣ котораго наканунѣ никто не думалъ? Причины этого двѣ: первая заключается въ томъ, что оба главные соперника Гранта, потерявъ надежду на свое избраніе и видя строгую дисциплину грантистовъ, надѣявшихся утомить противниковъ упорствомъ, приказали своимъ приверженцамъ подать голоса за Гарфильда, что тѣ и исполнили; вторая причина состоитъ въ отношеніи президента къ чиновничеству и въ аттрибутахъ его власти: дѣло въ томъ, что при каждомъ новомъ президентѣ въ персоналѣ служащихъ въ казенныхъ мѣстахъ происходятъ огромныя перемѣны, причемъ ряды ихъ наполняются преимущественно лицами, принадлежащими къ партіи, доставившей президенту власть; поэтому, подавая голоса въ пользу кандидата, не связаннаго прежними обязательствами и не разсчитывавшаго на президентство, чиновники имѣютъ болѣе шансовъ сохранить мѣста свои, чѣмъ присоединяясь къ партіи, поддерживающей лицо почти съ вѣрными шансами на успѣхъ. Кромѣ того, государственный механизмъ въ Соединенныхъ Штатахъ устроенъ такъ, что правительственная власть, въ сущности, сосредоточена въ конгрессѣ и находится подъ бдительнымъ надзоромъ общественнаго мнѣнія, слѣдовательно, избраніе посредственнаго президента не можетъ отозваться вредно на ходъ дѣлъ, а, съ другой стороны, гарантируетъ страну отъ потрясеній, неизбѣжныхъ при столкновеніи честолюбивыхъ и способныхъ личностей съ представителями націи. Для успѣха управленія достаточно, чтобы президентъ былъ честнымъ человѣкомъ и обладалъ твердымъ характеромъ.

Гарфильдъ выразилъ уже свое согласіе выступить кандидатомъ республиканской партіи и обнародовалъ свою программу: онъ не признаетъ преобладанія государственнаго принципа, стоитъ за обезпеченіе и расширеніе избирательныхъ правъ, за отдѣленіе церкви отъ государства и за распространеніе народнаго образованія, но съ условіемъ, чтобы общественные доходы не шли на поддержаніе сектаторскихъ школъ; по финансовымъ вопросамъ онъ высказывается въ пользу возстановленія металлической валюты и употребленія остатковъ дохода на уплату долга, рекомендуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, держаться такого тарифа, который позволилъ-бы Соединеннымъ Штатамъ успѣшно конкурировать съ другими государствами, и совѣтуя оказывать широкое гостепріимство всякой эмиграціи, кромѣ китайской, которая даетъ контингентъ рабски воспитанныхъ людей. Въ заключеніе, Гарфильдъ указываетъ на необходимость административныхъ реформъ.

Въ виду такого неожиданнаго результата выборовъ въ Чикаго, демократы поспѣшили выставить кандидата, который могъ-бы съ успѣхомъ бороться съ Гарфильдомъ; Тильде, бывшій соперникъ Гейса, имѣлъ мало шансовъ на побѣду и, сознавая это, отказался отъ кандидатуры; тогда вожаки партіи выдвинули на первый планъ на конвентѣ въ Цинциннати генерала Гэнкока, который и получилъ на послѣдней баллотировкѣ 705 голосовъ. Выборъ этотъ былъ весьма удаченъ, потому что генералъ пользовался расположеніемъ республиканцевъ, какъ человѣкъ, прославившійся сперва въ мексиканской кампаніи въ 1846 году, въ которой онъ принялъ участіе вскорѣ послѣ выпуска изъ вестъ-пойнтской военной школы, а потомъ — въ войнѣ за освобожденіе негровъ. Получивъ въ 1861 году начальство надъ 4-мъ корпусомъ потомакской арміи, онъ отличился въ битвахъ при Вильямсбургѣ, Фредериксбургѣ и Геттисбургѣ, гдѣ былъ тяжело раненъ; а въ 1864 году, командуя 2-мъ корпусомъ, онъ обнаружилъ свои военные таланты въ сраженіяхъ при Вильдернессѣ, Споттсильвалѣ, Кольбъ-Гарборѣ и при операціяхъ около Петерсбурга. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обращалъ на себя вниманіе умѣренностью послѣ побѣды: онъ относился гуманно къ побѣжденнымъ и всегда отстаивалъ принципъ подчиненія военнаго элемента въ мирное время гражданской власти.

Программа демократической партіи во многомъ сходна съ республиканскою: она тоже требуетъ расширенія народнаго образованія, отдѣленія церкви отъ государства и административной реформы, но она высказывается за отмѣну покровительственнаго тарифа и отстаиваетъ самостоятельность отдѣльныхъ штатовъ. Демократы смотрятъ на каждый штатъ, какъ на самостоятельное государство, имѣющее неограниченное право законодательства и могущее по своему усмотрѣнію организовать исполнительную власть, финансы и избирательную систему; по мнѣнію-же республиканцевъ, конгрессъ можетъ отмѣнять постановленія штатовъ, потому что послѣдніе представляютъ не самостоятельныя государства, но части союза, пользующіяся широкою автономіею; неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этихъ воззрѣній является ограниченіе индивидуальныхъ правъ гражданъ и стѣсненіе личной свободы.

Такимъ образомъ, предстоящіе выборы будутъ имѣть тѣмъ большій интересъ, что дѣло идетъ о борьбѣ федераціи съ централизмомъ; если первая форма благопріятнѣе для внутренняго развитія страны, за то вторая представляетъ болѣе преимуществъ въ случаѣ войны или столкновеній между штатами. Благодаря этимъ условіямъ, республиканская партія захватила власть въ свои руки въ 1860 году и съ тѣхъ поръ удерживаетъ ее. Увидимъ, сохранитъ-ли она ее при измѣнившихся обстоятельствахъ и при общемъ неудовольствіи населенія противъ злоупотребленій, допущенныхъ Грантомъ и неискоренныхъ Гейзомъ.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

IV.

Отъ Чарджуя до Петрова-Александровска.

(*Продолженіе*).

По лѣвому берегу еще тянутся зеленѣющія населенныя полосы; правый-же берегъ сплошь представляетъ собою царство мертвыхъ песковъ; береговыя обнаженія носятъ оригинальныя формы песчаныхъ напластованій съ прокладками рухляковъ; интересное явленіе каскадирующаго уступами мелкаго песка попадаются на каждомъ шагу. При высадкахъ на правый берегъ мы наблюдали типичные борханы подковообразной формы.

Урочище Ильчакъ, мѣсто переправы туркменскихъ каравановъ, къ которому мы прибыли около половины втораго часа по-полудни, мало чѣмъ отличается отъ мертвой пустыни. Здѣсь нѣсколько сторожевыхъ землянокъ, двѣ-три кибитки и группа временныхъ камышевыхъ шалашей на самомъ берегу.

Здѣсь, какъ намъ было обѣщано, мы дѣйствительно нашли десятка два большихъ превосходныхъ хивинскихъ каиковъ и до сотни ожидающихъ переправы верблюдовъ, принадлежащихъ купцамъ-туркменамъ.

Туркменскій верблюдъ, одногорбый наръ, рѣзко отличается отъ своего киргизскаго товарища; это — колоссальное животное, очень красивое, съ маленькою сухою головкою и большими, черными какъ уголь, великолѣпными глазами. Туркмены гораздо лучшіе скотоводы, чѣмъ киргизы; они развели и усовершенствовали свои породы скота и этимъ подняли ихъ цѣнность. Туркменскій наръ стоитъ отъ пятидесяти рублей и до ста и даже болѣе на мѣстѣ; киргизскій двугорбый верблюдъ ровно вдвое дешевле. Туркмены человѣчнѣе и разумнѣе ухаживаютъ за животными, и животныя вознаграждаютъ своихъ хозяевъ кротостью и превосходною дрессировкою. Здѣсь вы не увидите рваныхъ крюкомъ, окровавленныхъ ноздрей, какъ у киргизскаго верблюда; здѣсь на головѣ нара красуется легкая уздечка, украшенная шерстяными кистями, амулетами и раковинками, и, не смотря на это, десятилѣтній ребенокъ легко можетъ управиться съ двумя колоссами, кроткими, понятливыми и послушными до нельзя.

Съ помощью сопровождавшихъ насъ людей горджуйскаго бека, мы скоро сторговались и наняли два прекрасныхъ большихъ каика со всѣмъ экипажемъ, обязавшихся насъ за весьма скромную плату, по ту коканову за каикъ, доставить до самаго Петрово-Александровска въ семь сутокъ.

Мы перегрузились, отдохнули и отправились далѣе уже передъ вечеромъ, разсчитывая завтра хотя къ полудню подойти къ Кабакламъ, крайнему пункту бухарской территоріи на лѣвомъ берегу.

Ночевали мы, не доходя до Кабакловъ верстъ двадцати, на густо-заросшемъ берегу. Во время ночлега изъ Кабаклы прибылъ бухарскій конвой, состоящій изъ полусотни пѣшихъ оборванцевъ, вооруженныхъ фитильными ружьями. Не особенно довѣряя этому конвою, мы сами позаботились поставить часовыхъ и вообще приняли военныя мѣры предосторожности. Ночь прошла благополучно, и съ разсвѣтомъ мы отчалили далѣе.

Каики хивинскіе, управляемые опытными и умѣющими каикчами, шли чрезвычайно ходко, и еще задолго до полудня мы прибыли въ Кабаклы, гдѣ насъ встрѣтилъ бекъ со своими сановниками и коннымъ эскортомъ.

Воспользовавшись присутствіемъ бека, мы настойчиво потребовали отъ него, чтобы дана была возможность осмотрѣть старые русла рѣки, засыпанные пескомъ, отстоящіе верстъ на семь отъ нынѣшняго берега.

Бекъ ссылался на невозможность этой экскурсіи по случаю того, что большія шайки враждебныхъ намъ туркменъ бродятъ по близости и вообще слѣдятъ за движеніемъ нашего эшалона, а что онъ отвѣчаетъ передъ эмиромъ своею старою головою за наши головы, и потому конвоя не дастъ. Когда-же ему сказали, что обойдутся и безъ его конвоя, и подкрѣпили эту готовность, сѣвши на верховыхъ коней, то бекъ, дѣлать нечего, распорядился командировать въ прикрытіе около сотни конныхъ джигитовъ, имѣвшихъ такой жалкій, растерянный видъ, что не трудно было догадаться о готовности ихъ при первомъ выстрѣлѣ бѣжать безъ оглядки.

Экскурсія продолжалась часа два съ половиною и обошлась совершенно благополучно. Часа въ четыре по-полудни мы уже продолжали путь и къ вечеру миновали развалины *Кызъ-Кала* на правомъ песчаномъ

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

берегу и *Джинитъ-Кала*—на пустынной песчаной отмели-островѣ.

По лѣвому берегу и отчасти по правому насъ сопровождали все время чрезвычайно подозрительныя личности, полуголыя, съ фитильными мултуками въ рукахъ; каикчи увѣряли насъ, что это люди, высланные кабаклинскимъ бекомъ для конвоированія на всякій случай; но къ ночи эти спутники исчезли, и мы, въ мѣрахъ предосторожности, причалили на ночлегъ уже не къ матерому берегу, а къ одному изъ густо-заросшихъ островковъ, гдѣ опять провели ночь на сторожѣ, зная, что теперь уже мы соприкасаемся бокъ о бокъ съ территоріей враждебныхъ намъ племенъ текинскихъ туркменовъ.

На другой день около полудня, проходя урочище „текинская переправа“, близъ Кетменчи, мы имѣли дѣйствительно перестрѣлку съ шайкою текинцевъ, атаковавшихъ насъ на ходу и пытавшихся взять на абордажъ наши каики.

Эпизодъ этотъ подробно описанъ мною въ одномъ изъ прежнихъ нумеровъ „Всем. Иллюстр.“ и даже снабженъ рисункомъ, и потому я пропускаю это описаніе вновь, во избѣжаніе повторенія.

Тревожную ночь провели мы послѣ перестрѣлки, окончившейся для насъ весьма счастливо, но далеко не также счастливо для туркменъ, и далѣе плыли уже безостановочно до самыхъ предѣловъ дружественнаго намъ хивинскаго ханства на лѣвомъ берегу и до урочища Учь-чуканъ—на правомъ,—исходной пограничной рѣчки уже нашихъ аму-дарьинскихъ владѣній.

Мы прибыли въ Петро-Александровскъ на седьмой день нашего плаванія изъ Чарджуя; мы окончили наше водяное путешествіе, но впереди намъ предстояло другое, гораздо труднѣйшее и сопряженное съ величайшими лишеніями путешествіе черезъ Кизылъ-Кумы, эту песчаную пустыню, лежащую между бассейнами Аму и Сыра.

(*Продолженіе будетъ*).

Дюссельдорфская ремесленная и художественная выставка.

За послѣднія пять лѣтъ всемірныхъ выставокъ было вездѣ такъ много, что общій интересъ къ нимъ началъ нѣсколько охладѣвать; тѣмъ болѣе интереса пріобрѣтаютъ мѣстныя выставки, поощряющія туземную промышленность въ каждой странѣ и даже въ каждой провинціи. Особенно можно сказать это о Германіи. Выставки въ Ганноверѣ, въ Берлинѣ и въ Оффенбахѣ имѣли положительный успѣхъ. Открытая 9-го мая въ Дюссельдорфѣ промышленная выставка ремесленныхъ произведеній прирейнскихъ областей, Вестфаліи и сосѣднихъ съ нею округовъ, въ соединеніи съ всеобщею германскою художественною выставкою, имѣла особенно важное значеніе во многихъ отношеніяхъ. Программа выставки обнимаетъ почти всѣ наиболѣе значительныя отрасли германской промышленности. Соединеніе германскаго художества съ прирейнскою промышленностью необходимо должно было вызвать участіе къ этой выставкѣ въ Германіи и даже за ея предѣлами, а благопріятное географическое положеніе и удобство сообщенія, какъ желѣзнодорожнаго, такъ и судоходнаго, равно какъ и живописное мѣстоположеніе прирейнскихъ областей,—доставить ей многочисленныхъ посѣтителей даже между иностранцами.

Идея дюссельдорфской промышленной выставки возникла прежде всего въ тамошнихъ инженерныхъ кружкахъ, а оттуда проникла въ болѣе пространныя сферы и вскорѣ образовалась для ея выполненія обширная организація, во главѣ которой сталъ дюссельдорфскій инженеръ, г. Луегъ. О размѣрахъ выставки можетъ лучше всего дать понятія тотъ фактъ, что одна сумма страховки выставленныхъ на ней предметовъ простирается слишкомъ на 8.500,000 марокъ. Капиталъ, съ которымъ затѣяно предпріятіе, доходитъ до 800,000 марокъ; всѣхъ экспонентовъ въ ремесленномъ отдѣленіи доходитъ до 2,500.

Художественная выставка, устроенная подъ руководствомъ ландшафтнаго живописца Августа Беккера, заключаетъ въ себѣ около 1,150 произведеній; это уже четвертая общая выставка германскихъ художествъ въ Германіи и въ Австріи. Въ числѣ экспонентовъ есть имена весьма громкія. Весьма важную часть всего предпріятія составляетъ выставка художественно-промышленныхъ древностей, открытая въ началѣ іюня. Прирейнскія области и Вестфалія богаты художественно-промышленными памятниками, относящимися къ различнымъ эпохамъ среднихъ вѣковъ, и соединеніе ихъ является тѣмъ важнѣе, что именно въ послѣднія времена возникло стремленіе облагородить новѣйшую художественную промышленность съ помощью классическихъ образцовъ. Президентомъ этого отдѣла состоитъ профессоръ Веертъ, изъ Бонна. Изъ числа различныхъ промышленныхъ отдѣловъ особенно богаты: горный, инженерный, металлическій и кожевенный.

Зданіе выставки, изображаемое на нашемъ рисункѣ, сооружено по проекту дюссельдорфскихъ инженеровъ Больдта и Фрингса. Это—величественное зданіе съ обширными галлереями; длина его 360 метровъ, ширина 105. Оно занимаетъ пространство въ 32,000 квадратныхъ метровъ; изъ этого числа 3,000 квадратныхъ метровъ приходятся на художественную выставку. По срединѣ его возвышается куполъ, съ четырьмя башнями по сторонамъ. Очертанія зданія весьма просты; вдоль его идутъ три галлереи, пересѣкаемыя четырьмя поперечными. Выпуклая крыша устроена очень практично. Главный матеріалъ стѣнъ зданія—дерево, крыши—панка; освѣщается оно очень хорошо боковымъ свѣтомъ, а въ художественномъ отдѣлѣ—сверху, что весьма благопріятно для выставленныхъ произведеній. Кромѣ главнаго зданія, выведено еще нѣсколько боковыхъ пристроекъ; нѣкоторыя изъ нихъ изображены на нашемъ рисункѣ. Идея соединить зданіе выставки съ дюссельдорфскимъ зоологическимъ садомъ весьма удачна. Общее впечатлѣніе, производимое зданіями выставки, очень благопріятно; они кажутся роскошнымъ городомъ, ярко выдѣляющимся на темномъ фонѣ, который представляетъ Графенбергъ съ его мрачными сосновыми лѣсами. Словомъ, дюссельдорфская выставка представляетъ соединеніе древняго романтизма, господствовавшаго нѣкогда въ прирейнскихъ областяхъ, со всею кипучею практическою дѣятельностію, одушевляющею современную промышленность.

На открывшуюся въ Амстердамѣ (17-го) 5-го іюля выставку церковныхъ предметовъ и религіозныхъ произведеній искусства кенсингтонскій музеумъ прислалъ церковную утварь, кресты, чаши и священныя изображенія, относящіеся къ началу христіанства; а берлинскій музеумъ — знаменитую библію съ замѣтками Лютера, писанную на пергаментѣ. Переплетъ, т. е. покрышка съ изображеніями библейскихъ святыхъ, сдѣланъ изъ драгоцѣнныхъ камней на подобіе мозаики.

—

(20-го) 8-го іюля въ лондонской королевской галлереѣ появилась новая замѣчательная картина Густава Доре, надъ которою онъ трудился четыре года: «Избіеніе первенцевъ въ Египтѣ». Картина производитъ глубокое, потрясающее впечатлѣніе, и публика цѣлые дни массами стоитъ передъ нею.

—

Профессоръ Г. Купертъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ, окончилъ три колоссальныхъ статуи для новаго собора въ Трирѣ: Христа и двухъ евангелистовъ св. Матеея и св. Марка. Онѣ изваяны изъ бѣлаго мрамора, имѣютъ каждая отъ 10 до 12 футовъ вышины и принадлежатъ, безспорно, къ числу образцовыхъ произведеній въ этомъ родѣ.

—

Въ итальянскомъ парламентѣ предложенъ законопроектъ насчетъ сооруженія почетной арки въ память Виктора Эммануила II. Арка эта будетъ поставлена въ Римѣ, на площади діоклетіанскихъ термъ. По этому поводу будетъ объявленъ конкурсъ для всей Европы. За три лучшихъ проекта будутъ выданы преміи въ 30,000, въ 20,000 и въ 10,000 лиръ.

—

Королевская академія художествъ, въ Берлинѣ, намѣревается издать для предстоящей выставки 1880 г., по примѣру лондонской академіи, рядомъ съ обыкновеннымъ каталогомъ, иллюстрированный каталогъ. Съ этою цѣлію сенатъ академіи обращается ко всѣмъ художникамъ, которые примутъ участіе въ выставкѣ, съ просьбою прислать въ академію рисунки съ своихъ произведеній, начертанные перомъ на бѣлой, гладкой бумагѣ, величиною съ $^1/_8$ часть листа.

—

Извѣстному историческому художнику Теодору Пиксу, въ Мюнхенѣ, удалось сдѣлать чрезвычайно интересное изобрѣтеніе. Онъ придумалъ соединить фотографію съ ручной живописью масляными красками. Снимки, произведенные такимъ способомъ, трудно отличить отъ оригиналовъ. Посредствомъ этого способа можно передавать на снимкѣ всѣ оттѣнки красокъ оригинала и дѣлать ихъ въ любую величину и въ какомъ угодно числѣ экземпляровъ за сравнительно небольшую цѣну.

—

21-го (9-го) іюля поставлена въ Лекенѣ статуя Леопольда I, короля Бельгіи.

* * *

25-го августа театръ парижской «Comédie Française» будетъ праздновать двухсотлѣтіе своего существованія.

Правительственныя распоряженія.

Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ на имя Великой Княгини Маріи Павловны, вѣдѣнію Ея Высочества подчинены женскія гимназіи и прогимназіи министерства народнаго просвѣщенія, женское, графа Дмитрія Николаевича Блудова, училище въ Острогѣ (Волынской губерніи), и виленское и холмское маріинскія женскія училища.

Выставки и юбилеи.

— **Въ Туринѣ съ 6-го по 12-е сентября (нов. стиля)** настоящаго года долженъ состояться третій международный гигіеническій конгрессъ; медицинскій департаментъ, сообщая объ этомъ, приглашаетъ русскихъ врачей принять участіе въ этомъ конгрессѣ.

Печать, книжное дѣло и библіографія.

Union littéraire, въ Парижѣ, объявляетъ призъ за лучшую обработку біографіи Виктора Гюго и его литературной дѣятельности. Призы состоятъ изъ медалей; кромѣ того, въ роскошномъ альбомѣ будутъ помѣщены имена всѣхъ конкурентовъ.

— **«Дамская верховая ѣзда»,** сост. А. В. Полозовъ.

Не полагаемъ, чтобы кому-либо удалось выучиться ѣздить верхомъ или фехтовать съ помощью книги, а потому большой пользы отъ руководства г. Полозова не ожидаемъ, тѣмъ болѣе, что онъ поставилъ себѣ слишкомъ широкую программу; а именно: во-первыхъ, онъ желаетъ помочь дамамъ понимать требованія берейторовъ; во-вторыхъ, дать возможность ѣздящимъ братьямъ, мужьямъ и т. д. обучать верховой ѣздѣ своихъ дамъ, и въ-третьихъ, въ крайнемъ случаѣ, при отсутствіи свѣдущихъ учителей, замѣнить ихъ хоть въ теоретическомъ отношеніи. Разумѣется, всѣмъ этимъ требованіямъ книга удовлетворить не можетъ, въ особенности если братъ или мужъ ѣздитъ плохо, не знаетъ толкъ въ лошадяхъ и не умѣетъ принимать въ соображеніе привычки коня и наѣздницы. Безспорно, въ книгѣ заключается много полезныхъ свѣдѣній, хотя и изложенныхъ тяжелымъ языкомъ, но учиться по ней ѣздить верхомъ не совѣтуемъ, безъ помощи берейтора или опытнаго наѣздника.

«Въ гостяхъ». В. И. Немировича-Данченко, изд. Э. Гартье. Спб., 1880 г.

«Даль». В. И. Немировича-Данченко, изд. Э. Гартье. Спб., 1880 г.

Названныя сочиненія г. Немировича-Данченко заключаютъ въ себѣ рядъ разсказовъ и путевыхъ впечатлѣній, относящихся большею частію къ Кавказу. Талантъ автора на столько уже извѣстенъ нашимъ читателямъ, что рекомендовать новыя произведенія г. Немировича-Данченко считаемъ излишнимъ.

Естественная исторія.

Новѣйшія изслѣдованія доказали, что пчелы далеко не могутъ считаться безвредными животными. Ужаленіе ихъ можетъ иногда вести за собою смерть человѣка. Патологическія явленія, вызываемыя ужаленіемъ пчелъ, раздѣляются на три категоріи.

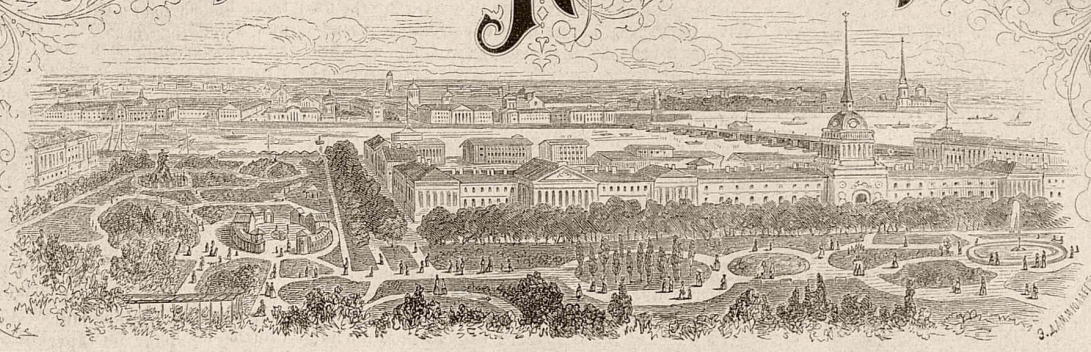
Первая категорія. Легкіе случаи. Ощущеніе обжога, опухоль, чрезвычайно непріятный зудъ.

Вторая категорія. Серіозные случаи, оканчивающіеся выздоровленіемъ. Въ началѣ наблюдаются тѣ-же симптомы, какъ и вышеприведенные. Затѣмъ слѣдуетъ крайній упадокъ силъ, сердцебіеніе, охлажденіе оконечностей, тошнота, невыносимая головная боль. Часто къ нимъ присоединяется крапивная лихорадка и нервные припадки въ формѣ конвульсій или столбняка.

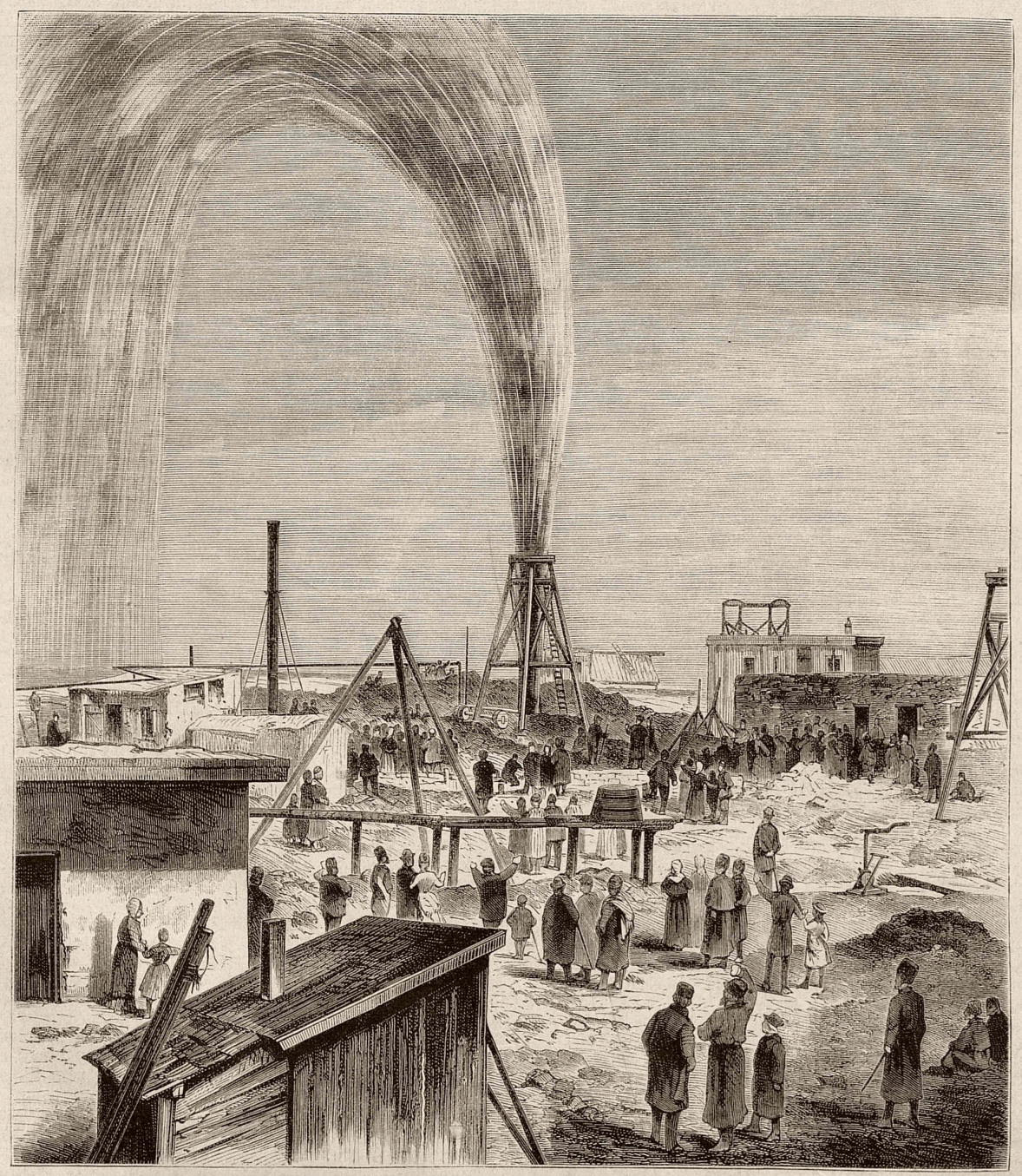
Третья категорія. Случаи, оканчивающіеся смертью. Случаи эти встрѣчаются чаще, нежели обыкновенно принято думать. Быстрая смерть слѣдуетъ за ужаленіемъ лица, головы, шеи или за многочисленными ужаленіями тѣла. Симптомы здѣсь двоякаго рода. Одни являются слѣдствіемъ мѣстнаго пораненія, представляющаго исключительную важность по мѣстонахожденію пострадавшаго органа. Таково задушеніе, вызываемое опухолью глотки. Въ другихъ случаяхъ ядъ пчелы, вве-

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 606.] Годъ XII. 16 августа 1880 года. [Томъ XXIV. № 8.

Наша крупная промышленность. — Нефтяное производство въ Баку. Фонтанъ г. Бенксена, близъ Баку.

(Съ фотографіи г. Левитеса, рисовалъ А. Бальдингеръ.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Но еще звучнѣе трели
Дамъ роняетъ въ часъ урочный,
Съ приближеньемъ тьмы полночной,
Соловей въ кустахъ сирени.

Здѣсь-же въ городѣ богатомъ,
Въ пышной, хоженой столицѣ,
Жизнь, что въ запертой темницѣ,
Стала бременемъ проклятымъ!

Полетѣлъ-бы: въ рощь темной
Разгуляться на просторѣ
И найти въ зыбучемъ морѣ
Спѣлой ржи пріютъ укромный.

Да нельзя: подбиты крылья!..
И, свершивъ по волѣ неба
Грудь поденный изъ-за хлѣба,
Только стонешь отъ безсилья!

На заливѣ.

Помнишь: въ лодкѣ мы катались
Позднимъ вечеромъ съ тобой;
Въ небесахъ зажглися звѣзды,
Плавалъ мѣсяцъ золотой...

Надвигалась отовсюду
Лѣтней ночи полумгла...
Ты гребла... вода журчала
Подъ ударами весла.

Наконецъ, ты утомилась
И, любуясь на заливъ,
Стала въ даль глядѣть нѣмую,
Весла въ лодку положивъ.

И шептала ты мнѣ страстно
Незабвенныя слова,
Отъ которыхъ въ опьяненьи
Закружилася голова...

В. Мюръ.

Генеалогія и Геральдика.

Гербъ Микадо.

По заказу японскаго императора, однимъ изъ лучшихъ серебряныхъ дѣлъ мастеровъ Лондона изготовляется роскошный обѣденный сервизъ изъ чистаго серебра, съ канделябрами, вазами, чашами и т. п. По условіямъ заказа, всѣ предметы, входящіе въ составъ роскошнаго европейскаго обѣденнаго сервиза, должны быть орнаментированы, по возможности, въ японскомъ вкусѣ, по лучшимъ образцомъ этого рода. На всѣхъ предметахъ долженъ быть вычеканенъ гербъ микадо, на которомъ изображены драконъ и фениксъ — два главныя животныя японской миѳологіи. Тотъ и другой, по японской символикѣ, означаютъ чудесное рожденіе и существованіе, а оба, изображенные вмѣстѣ, они знаменуютъ необычайныя дѣла, священное назначеніе и источникъ мира и милосердія. Божественный избранникъ, какъ и изображаемая въ его гербѣ чудесная птица, по совершеніи всѣхъ чудесныхъ дѣяній, для которыхъ онъ призванъ, долженъ взойти на небо, для того чтобы снова вернуться, когда въ немъ окажется надобность.

Койка съ палаткой Гвине.

Изобрѣтенная г. Гвине первоначально для военнаго времени палатка, въ видахъ необходимости имѣть въ походѣ подвижное, удобоносимое и непромокаемое помѣщеніе, оказывается весьма пригодною въ мирное время,—напримѣръ, въ садахъ, гдѣ нѣтъ тѣни, во дворахъ, на балконахъ, на корабляхъ и т. п. Она не только замѣняетъ обыкновенную койку, но можетъ даже служить настоящею постелью, по своей длинѣ и ширинѣ, и по стойкости своей нижней подставки, дозволяющей полную свободу движеній. Скелетъ койки состоитъ изъ легкихъ гибкихъ кусочковъ дерева, изъ которыхъ можно въ одну минуту сложить крѣпкую, надежную, удобоносимую подставку, къ которой прикрѣпляется койка и надъ которою разбивается палатка. Койка и покрышка палатки сдѣланы изъ крѣпкой, непромокаемой парусины. Чтобъ разбить эту палатку, не нужны ни шнурки, ни винты, ни деревья, ни стулья: ее можно поставить вездѣ, и быстро перенести съ одного мѣста на другое. Фиг. 1-я изображаетъ койку съ наметомъ, а 2-я — съ ковромъ, откинутымъ до половины. Въ этой формѣ она представляетъ для солдата, для туриста, словомъ для всякаго, кому нужно почевать подъ открытымъ небомъ, удобный ночлегъ, въ которомъ ему нечего бояться непогоды. Фигура 3-я представляетъ палатку и койку свернутыми. Чтобъ снять палатку, нужно не болѣе нѣсколькихъ минутъ времени. Жерди подставки разнимаются, складываются въ кучу, койка и палатка обвиваются около нихъ, и все вмѣстѣ образуетъ вовсе не громоздскій свертокъ, которому легко можно найти мѣсто во всякомъ углу. Такія палатки продаются у г. Уитли, въ Лондонѣ.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

(*Продолженіе*).

V.

Петро-Александровскъ, Шураханъ и степь „Кызылъ-Кумъ“.

Семь лѣтъ тому назадъ, именно въ 1873 г., послѣ разгрома Хивинскаго ханства, въ наши предѣлы отошла вся мѣстность, лежащая по правому берегу Аму, отъ урочища Учь-чучакъ до Аральскаго моря, считая и всю дельту Аму по Таддыкъ, крайній лѣвый притокъ ея до бассейна. Такимъ образомъ, мы пріобрѣли довольно большую область, отдѣленную отъ остальныхъ нашихъ владѣній Аральскимъ моремъ и громаднымъ пространствомъ песчаныхъ степей Кызылъ-Кумъ, занимающихъ все пространство между бассейнами Аму и Сыра.

Единственнымъ болѣе или менѣе удобнымъ путемъ сообщенія, связывающимъ новую область съ бассейномъ Сыра, было само Аральское море. Въ 1874 г., т. е. на другой годъ послѣ занятія, снаряжена была ученая экспедиція для изслѣдованія дельты Аму во всѣхъ отношеніяхъ; экспедиціи этой было поручено и найти водный путь, по которому пароходы наши могли-бы чрезъ запутанный и прихотливый лабиринтъ дельты достигать настоящаго ложа Аму. Этотъ путь былъ найденъ, и въ то-же лѣто первые русскіе пароходы „Аралъ“ и „Самаркандъ“ явились на параллели Хивы и поднялись значительно вверхъ, на страхъ и удивленіе никогда ничего подобнаго не видавшихъ, полудикихъ обитателей аму-дарьинскихъ прибрежій.

Но этотъ водяной путь не могъ удовлетворить потребности новаго края — путемъ этимъ нельзя было пользоваться круглый годъ; навигаціонное время опытами опредѣлено было между половиною мая и половиною августа, а въ этотъ промежутокъ пароходы могли сдѣлать не болѣе четырехъ рейсовъ, да и то въ сильные вѣтры приходили не всегда аккуратно, запаздывая на десять дней и болѣе.

Другой-же путь сообщенія представляла собою страшная по своимъ пескамъ и безводію Кызылъ-кумская степь. О ней — въ свое время.

Какъ охрана новозанятаго края, оставленъ былъ въ дельтѣ гарнизонъ, состоящій изъ двухъ батальоновъ пѣхоты, нѣсколькихъ сотенъ казаковъ и соотвѣтствующаго числа легкихъ орудій; кромѣ того, учреждена была администрація, состоящая изъ начальника отдѣла и уѣздныхъ начальниковъ, и край наименованъ Аму-дарьинскимъ отдѣломъ. Начальникомъ края назначенъ былъ опытный и хорошо знакомый съ нравами азіатовъ полковникъ Ивановъ, которому и ввѣрены были всѣ нужды и попеченія о краѣ, командованіе мѣстными войсками и дипломатическое сношеніе съ сосѣдомъ, хивинскимъ ханомъ, Сеидъ-Рахимъ-Багадуромъ.

Между тѣмъ положеніе новаго края въ военномъ отношеніи осталось довольно критическимъ. Всѣ войнолюбивыя и полунезависимыя туркменскія племена лѣваго берега Аму были крайне недовольны сосѣдствомъ русскихъ; знали хорошо наши силы, знали нашу изолированность отъ источниковъ подкрѣпленій и особенной покорности не выказывали. Предводители этихъ племенъ интриговали съ ханомъ хивинскимъ, подбивали его на разрывъ съ Россіею и высылали конныя партіи на нашъ берегъ безпокоить русскихъ и грабить присоединенныя къ намъ мирныя племена каракалпаковъ. Ивановъ предстояла прежде всего крайняя необходимость унять туркменъ, показать имъ свою силу и надолго отбить охоту безпокоить русскихъ. Для этого надо было или предпринять серьезный боевой походъ на тотъ берегъ, или-же принять какія-либо другія военныя мѣры. Для перваго въ распоряженіи начальника области не было достаточно силъ и онъ съумѣлъ доканать безпокойныхъ ихъ-же собственнымъ оружіемъ.

Ивановъ построилъ въ двухъ пунктахъ, въ Нукусѣ—у развѣтвленія Аму на рукава и въ Шураханѣ—на сто пятьдесятъ верстъ выше по теченію, два сильныхъ укрѣпленія и сформировалъ легкіе отряды, независимые отъ обороны этихъ укрѣпленій. Съ этими независимыми отрядами онъ выжидалъ враждебныхъ выходокъ со стороны туркменъ. Превосходно устроенная и хорошо оплачиваемая система лазутчиковъ давала ему возможность вовремя знать о всякой туркменской продѣлкѣ.

Едва только получалось извѣстіе, что партія туркменъ перешла на нашу сторону и грабитъ каракалпаковъ, какъ Ивановъ, не гоняясь напрасно „за вѣтромъ въ полѣ“, т.-е., не спѣша на мѣсто грабежей, „*перебрасывалъ*“ — какъ принято здѣсь выражаться — легкіе отряды на лѣвый берегъ, быстро шелъ на тѣ аулы, которые выслали разбойниковъ, и разгорялъ ихъ до тла, такъ что мужья и сыновья, возвращаясь съ набѣга на русскихъ, находили дома разгромъ и пепелище.

Удары, наносимые Ивановымъ, настолько были своевременны и рѣшительны, что являлись чѣмъ-то въ родѣ роковаго неизбѣжнаго наказанія, безъ всякихъ послабленій, безъ всякой возможности его избѣгнуть, ослабить силу кары.

Туркмены поняли, сведя итоги борьбы своей съ „Сары-креланомъ“ (желтымъ львомъ), — какъ назвали здѣсь Иванова, за его колоссальный ростъ и роскошную золотистую бороду, — что они затѣяли игру слишкомъ для нихъ невыгодную, и надолго затихли.

Въ 1874 году я былъ въ Шураханѣ (укрѣпленіи Петро-Александровскъ). Здѣсь находился прежде ханскій садъ довольно порядочный, съ старыми тополями и карагачами, тутовыми и фруктовыми деревьями, виноградниками и хаузами, т.-е. прудами съ проведенною арычною водою. Садъ этотъ отстоялъ отъ берега Аму верстъ на семь, почему климатъ его былъ болѣе здоровъ, чѣмъ климатъ береговой полосы, кишащей лихорадочными миазмами. При садѣ были просторныя и красивыя постройки, которыя и послужили основаніемъ русской осѣдлости.

И садъ, и эти постройки вошли въ районъ укрѣпленія, разбитаго въ видѣ удлиненнаго четыреугольника, на двухъ противулежащихъ углахъ котораго были построены фланкирующія полукруглыя батареи, свободно обстрѣливающія всѣ подступы къ стѣнамъ укрѣпленія. Бруствера приспособлены были исключительно для ружейной обороны. Такое укрѣпленіе, обороняемое всего тремя ротами пѣхоты, способно было выдержать какой угодно штурмъ и продолжительную осаду, принимая въ разсчетъ отсутствіе артиллеріи у непріятеля.

По серединѣ внутренняго пространства укрѣпленія шла широкая, тѣнистая аллея, вправо и влѣво отъ нея расположены были переулками бараки гарнизона; центръ укрѣпленія занималъ дворецъ начальника отдѣла и помѣщеніе администраціи; другой конецъ отведенъ былъ подъ лавки маркитантовъ и для ежедневнаго базара, на который скоро очень охотно стали сбираться туземцы, привозя на продажу русскимъ произведенія своихъ полей и огородовъ.

Въ такомъ видѣ я оставилъ Петро-Александровскъ шесть лѣтъ тому назадъ и теперь вновь посѣтилъ этотъ отдаленный уголокъ, найдя въ немъ громадныя перемѣны и усовершенствованія.

Вообще русскіе города въ Средней Азіи ростутъ — какъ сказочные богатыри—не по днямъ, а по часамъ, то-же случилось и съ Петро-Александровскомъ.

Предѣлы укрѣпленія скоро стали тѣсны для его обитателей. За стѣнами крѣпости быстро застроились порядочныя пространства и очень хорошо застроились кирпичными домами, базаромъ, рядами лавокъ и факторіями. Постоянныя казармы для войскъ тоже расположились за чертою крѣпости, обросли садами и обложились дорожками и даже кое-гдѣ цвѣтниками, построенъ полевой лазаретъ и школа; когда-то угрюмый и скучный военный бивуакъ оживился голосами дѣтей и женскими фигурами. Вся мѣстность оживилась, приняла мирную физіономію и получила видъ очень приличнаго городка, далеко лучшаго, чѣмъ множество уѣздныхъ городовъ средней полосы Россіи.

То-же самое, но, конечно, въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ, стало и со вторымъ русскимъ укрѣпленіемъ Нукусомъ.

Мы провели въ Петро-Александровскѣ около трехъ сутокъ и снарядились въ тяжелый походъ черезъ Кызылкумскія пустыни.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Изъ Шуроханъ добраться до Казалинска сухимъ путемъ можно двумя дорогами: одна дорога ведетъ напрямикъ черезъ всю степь на колодцы „Таджи-Казганъ.“ Предѣлы собственно песчаной степи начинаются почти отъ самаго Петрово-Александровска, отъ Сода-Матъ-Ніаза, всего въ двѣнадцати верстахъ отъ города. Другая дорога гораздо кружнѣе, на Дау-Кара. По этой дорогѣ значительно меньше песковъ, да и сокращается счетъ переходовъ пустынею, такъ какъ большую часть дороги можно дѣлать въ лодкахъ по теченію Аму, а отъ Ку-Кусу — по Кувакъ-Джіармѣ и далѣе до Доукаринскихъ озеръ.

Мы предпочли первую дорогу, ради лучшаго ознакомленія съ характеромъ песковъ, ихъ геологическимъ типомъ, флорою и фауною пустыни.

Прежде всего надо было нанять верблюдовъ и провожатыхъ. Съ помощью мѣстнаго начальства устроено было то и другое. Для того, чтобы протащить одинъ тарантасъ, даже совершенно пустой, черезъ сыпучіе пески, надо не менѣе четырехъ верблюдовъ, да, кромѣ того, взять столько-же запасныхъ подъ кладь и на случай смерти какого-нибудь изъ „кораблей пустыни“ — смерти, составляющей такое частое, почти неизбѣжное явленіе, что весь степной путь черезъ пески обозначенъ верблюжьими остовами. Затѣмъ, надо было запастись провизіей и питьемъ на десять дней, по крайней мѣрѣ.

Я нанялъ еще джигита верховаго, для наблюденія за лаучами (провожатыми верблюдовъ) и для дорожныхъ услугъ. Случайно попался мнѣ очень расторопный и бойкій малый лѣтъ двадцати, услуги и энергія котораго во время были, какъ оказалось послѣ, незамѣнимы.

Генералъ-адъютантъ **Н. А. Крыжановскій,** оренбургскій генералъ-губернаторъ.
(Рисовалъ П. Ф. Борель).

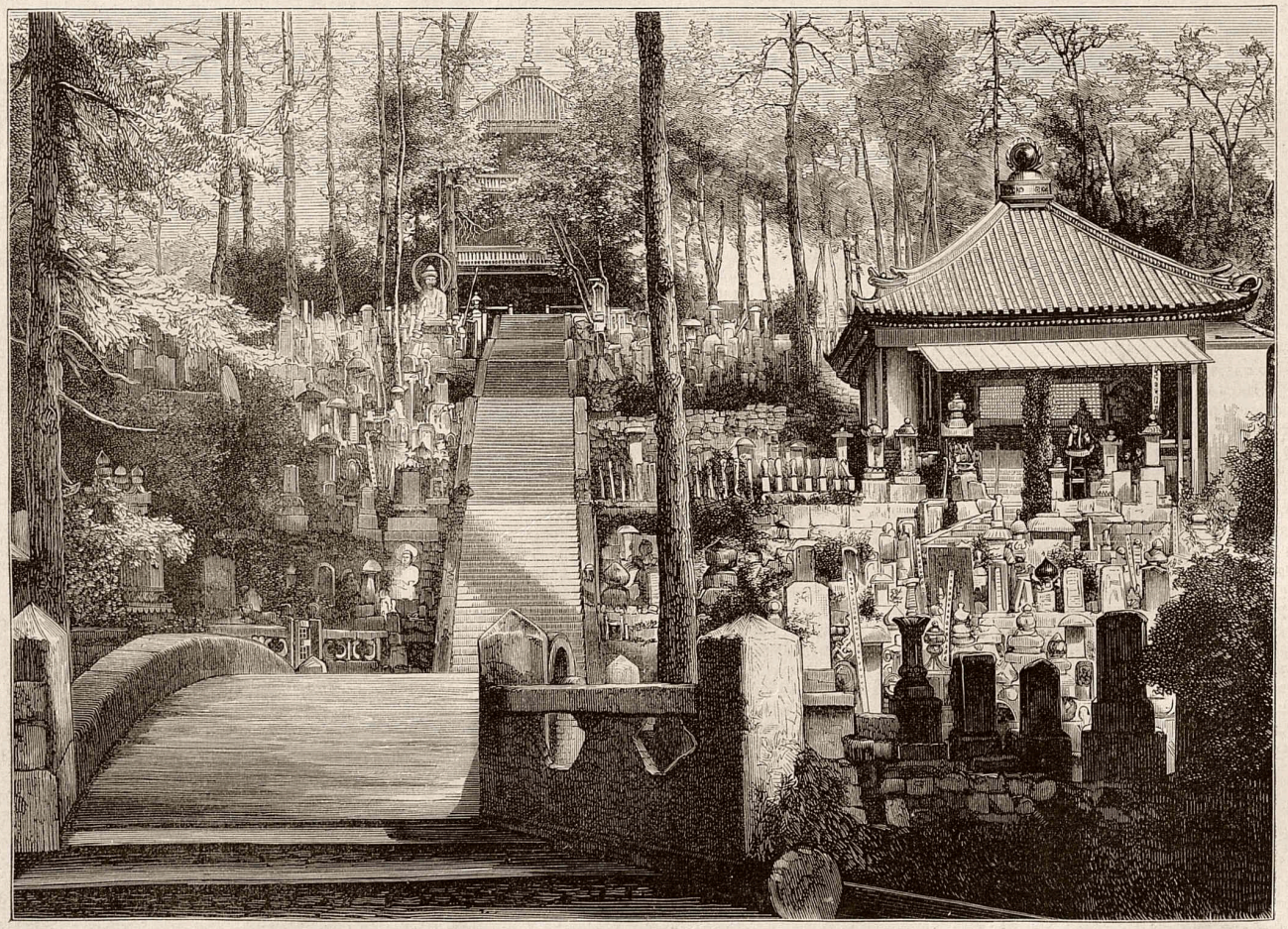
Этотъ киргизъ-джигитъ „Аманъ-бай“ былъ положительно душою движенія.

Кортежъ нашъ состоялъ изъ двухъ тарантасовъ, запряженныхъ каждый четырьмя верблюдами, и семи верблюдовъ подъ вьюкомъ. Изъ четырехъ лаучей только одинъ Достъ-Магометъ сколько-нибудь годился къ дѣлу; остальные трое были: совершенный идіотъ-старикъ, одинъ до крайности лѣнивый и неспособный увалень и третій шестнадцати-лѣтній мальчишка, слабосильный и неопытный. Всѣ эти качества обнаружились, конечно, уже во время пути, когда перемѣнить людей не было уже никакой возможности.

Мы запаслись дня на три жаренымъ мясомъ, кромѣ того, крупою, масломъ, кореньями, кое-какими консервами и сухарями; запасъ провизіи дополняли нѣсколько бутылокъ вина и водки; чай и сахаръ — это, уже само собою разумѣется, необходимыя принадлежности всякаго путешествія по Азіи.

Верблюды оказались съ мѣста совершенно непріученные къ запряжкѣ и возкѣ экипажей, и первый переходъ (двѣнадцать верстъ до Сода-Матъ-Ніаза) былъ посвященъ исключительно дрессировкѣ верблюдовъ, на страхъ экипажей, замѣчательныхъ, впрочемъ, по своей солидности и прочности.

Экипажи съ верблюдами отправлены были раньше на мѣсто перваго ночлега, а мы, пообѣдавши у начальника отдѣла, воспользовались обязательно предложенными намъ лошадьми и быстро докатили до Сода-Матъ-Ніаза, перебравшись на этомъ короткомъ пути черезъ нѣсколько, пока еще незначительныхъ, песчаныхъ перекатовъ, предвѣстниковъ болѣе грозныхъ песчаныхъ наносовъ, предстоявшихъ намъ впереди, на протяженіи почти шестисот-

Японскіе виды, сцены и типы. — Японское кладбище въ Іеддо.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

верстнаго разстоянія степной дороги.

Содъ-Матъ-Ніаза — это порогъ, за которымъ кончаются уже всѣ признаки культуры и начинается мертвая пустыня. Это послѣдній предѣлъ прѣсной арычной воды, и далѣе намъ приходилось пользоваться, исключительно, солено-горькою колодезною водою, съ отвратительнымъ сѣрнисто-водороднымъ запахомъ, да и то колодцы этой непривлекательной жидкости находятся на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга.

Первый опытъ запряжки нашихъ верблюдовъ не обошелся безъ приключеній: мой экипажъ у самаго Сода, на переѣздѣ черезъ горбатый арычный мостъ, свалился вмѣстѣ съ верблюдами въ толкую грязь, и я засталъ его въ самомъ плачевномъ положеніи. Верблюды, къ счастью, оказались цѣлы; за то вещи, а главное дорожные припасы значительно пострадали. Кое-какъ уладивъ дѣло и съ большимъ трудомъ вытащивъ экипажъ со дна арыка, мы расположились на ночлегъ въ Содѣ, гдѣ наскоро сготовили дорожный ужинъ. Ночь была очень холодная и, по временамъ, налетали порывы сѣверо-восточнаго вѣтра, заклятаго врага всѣхъ путешествующихъ въ пустынѣ.

Этотъ вѣтеръ обыкновенно начинаетъ дуть съ половины августа и продолжаетъ свирѣпствовать до самаго февраля, постепенно усиливаясь и усиливаясь. Онъ сильно понижаетъ температуру, наноситъ высокія гряды сыпучихъ песковъ на дороги, зимою поднимаетъ снѣжные бураны, въ которыхъ гибнутъ и одинокія путники, и даже цѣлые караваны, не принявшіе во-время мѣръ осторожности.

Благодаря этому вѣтру, ночь была настолько холодна, что, лежа въ закрытыхъ экипажахъ, закутавшись въ теплыя бурки, мы всѣ настолько прозябли, что еле-еле отогрѣлись утромъ, на разсвѣтѣ, горячимъ чаемъ и пышащимъ привѣтливымъ теплымъ костровъ.

Рано утромъ, еще до солнечнаго восхода мы тронулись въ путь, а, мало-по-малу, оставались за нами, чуть синѣя на горизонтѣ, всѣ признаки культурнаго оазиса, а вокругъ насъ разстилалась печальная панорама пустыни съ ея тонкою растительностью, съ волнообразною линіею сыпучихъ песчаныхъ барханов.

Въ первомъ тарантасѣ ѣхали геологъ Мушкетовъ съ инженеромъ Соколовскимъ, а во второмъ — я съ ботаникомъ Сорокинымъ. Стороною, то обгоняя экипажи, то, что чаще случалось, отставая отъ нихъ, лѣниво тянулся караванъ вьючныхъ верблюдовъ, меланхолически позвякивая своими бубенчиками. На переднемъ верблюдѣ сонно покачивалась уморительная фигура старика-идіота, дико кричавшаго и звавшаго себѣ на помощь каждый разъ, когда вѣренный его попеченіямъ верблюдъ развьючивался и ложился на землю.

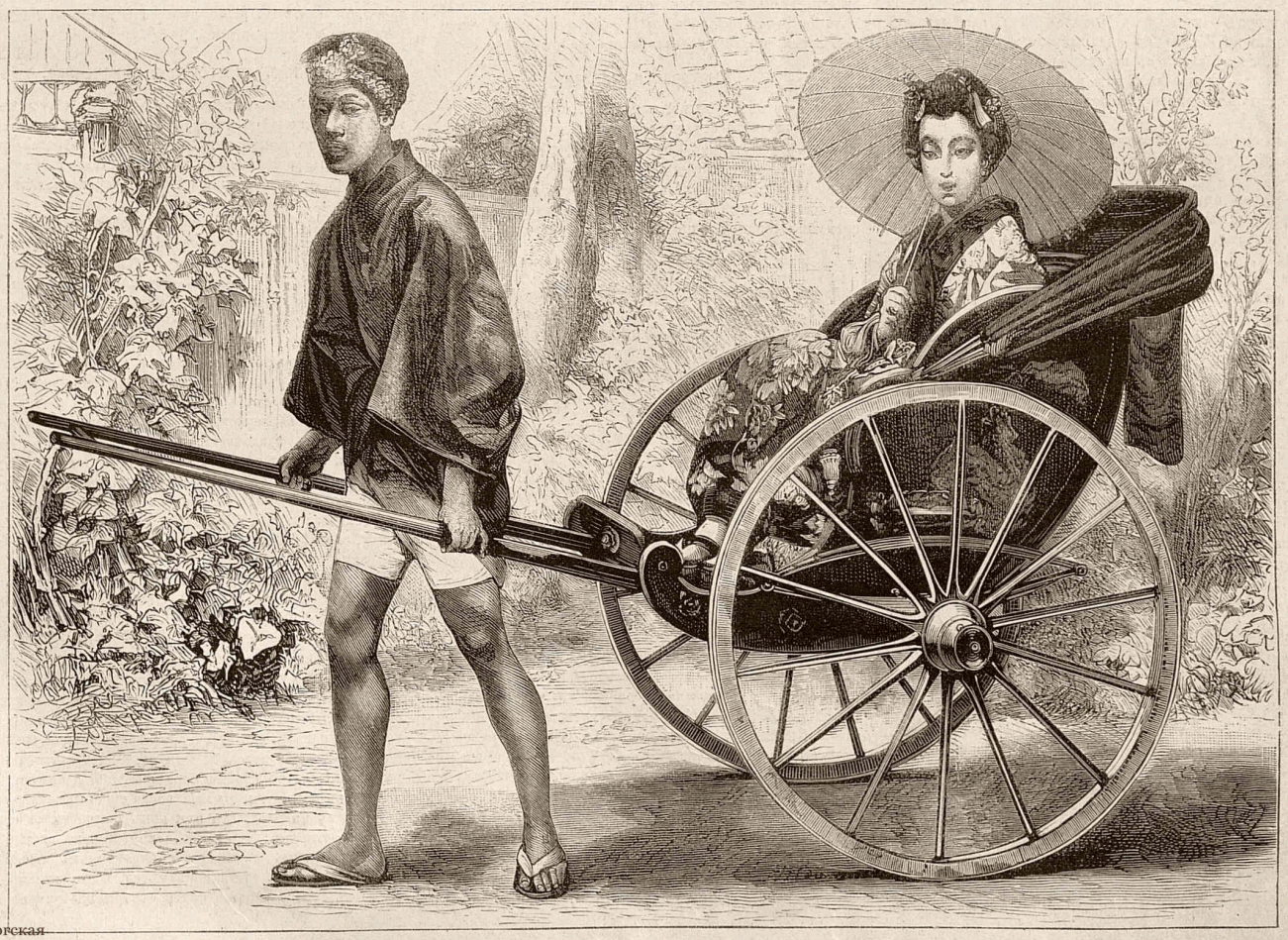
Тяжело и скучно тащиться такимъ образомъ.

Съ перваго-же перехода мы убѣдились, что въ девять дней, какъ условился съ нами Достъ-Магометъ, намъ не добраться до Казалинска, и не безъ стѣсненія въ сердцѣ сообразили, что десяти-дневнаго запаса взятой нами провизіи, пожалуй, и не хватитъ. Аманъ-бай, впрочемъ, сообщилъ, что на послѣднихъ переходахъ къ Казалинску будутъ по сторонамъ попадаться маленькіе аулы киргизовъ, гдѣ можно будетъ раздобыть барана и молока.

Переходъ до колодцевъ Кукчи всѣ сорокъ-двѣ версты мы не могли сдѣлать, даже пройдя

Генералъ-адъютантъ **Н. Г. Казнаковъ**, генералъ-губернаторъ западной Сибири.
(Рисовалъ П. Ф. Борель).

Японскіе виды, сцены и типы. — Японскій извощикъ.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

съ разсвѣта до солнечнаго заката. Мы должны были остановиться на ночлегъ, не дойдя верстъ двѣнадцати. Мы подвигались не болѣе двухъ верстъ въ часъ. Непривычныхъ верблюдовъ приходилось все время вести въ поводу. Чуть малѣйшій скатъ подъ гору, тарантасы накатывались, били по заднимъ ногамъ верблюдовъ, тѣ ревѣли отъ страха и метались во всѣ стороны, обрывая веревки и рискуя сломать экипажи. Чуть не на каждой верстѣ приходилось останавливаться и перепрягаться... Чуть только попадался пока еще не особенно значительный песчаный перекатъ, верблюды положительно останавливались и упрямо не хотѣли идти съ мѣста. Возившись съ этими упрямыми животными весь день, мы до того измучились къ вечеру, что не безъ ужаса подумывали о томъ, что это еще всего двадцатая часть пути и что впереди предстоятъ неизмѣримо большія затрудненія. Мы искренно сожалѣли, что соблазнились комфортомъ ѣзды въ экипажѣ и возможностью везти съ собою багажъ и собранныя во время пути коллекціи, а не поѣхали верхомъ на коняхъ, налегкѣ, хотя и впроголодь, да за то гораздо скорѣе и уже безо всякихъ непредвидѣнныхъ задержекъ.

„Утро вечера мудренѣе“ — мы испытали на себѣ всю мудрую справедливость этой поговорки. Отдохнувъ и вставъ на другой день рано утромъ, вчерашнія невзгоды значительно потеряли свой мрачный характеръ, и мы продолжали трудный путь съ новымъ бодрымъ духомъ и съ самыми розовыми надеждами на будущее.

(*Продолженіе будетъ*).

Макартъ пишетъ въ настоящее время цѣлый рядъ аллегорическихъ картинъ, которыя предназначены для украшенія галлереи новаго зданія вѣнскаго парламента. Этотъ знаменитый художникъ окончилъ также недавно большую картину, изображающую купальщицъ.

—

Венгерскій художникъ Михаилъ Зичи, намѣревается пріѣхать въ Россію съ спеціальною цѣлью осмотрѣть мѣста, соединенныя съ воспоминаніями о Пушкинѣ, и сдѣлать на нихъ эскизы для иллюстрированія роскошнаго изданія сочиненій нашего народнаго поэта.

—

1-го августа въ Брюсселѣ состоялось торжественное открытіе дворца изящныхъ искусствъ.

—

Недавно окончена постройка величайшей въ мірѣ оранжереи короля бельгійскаго, имѣющей 60 метровъ въ поперечникѣ, а стекляный куполъ въ 30 метровъ вышины. Два камина, въ видѣ минаретовъ, придаютъ всему зданію восточный характеръ, которымъ будетъ отличаться и внутреннее убранство его. Для отопленія этого громаднаго помѣщенія проведены трубы на протяженіи 5,000 метровъ.

—

Лондонская королевская галлерея открываетъ 27-го (15) августа свои аппартаменты (историческое отдѣленіе) для выставки портретовъ историческихъ дѣятелей Англіи за два послѣднія столѣтія.

—

Въ Кенсингтонѣ оконченъ постройкою огромный англиканскій соборъ, построенный въ стилѣ XIII вѣка изъ мрамора, гранита и стекла. Соборъ сооружился по планамъ скульптора Клайтона и архитектора Белля въ теченіи шести лѣтъ. Стоимость его достигла 1.000,000 фунт.

* * *

Министромъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ уставъ общества любителей драматическаго искусства въ гор. Нахичевани, Екатеринославской губерніи.

—

25-го августа парижскій театръ «Comédie Française» будетъ праздновать 200-лѣтній юбилей своего существованія. Первое представленіе на этой знаменитой сценѣ было дано 24-го августа 1680 года и состояло изъ трагедіи Расина «Phèdre» и комедіи Лашапеля «Les Carrosses d'Orléans». Въ день столѣтней годовщины шла также «Федра», и 25-го августа пойдетъ она-же, точно въ такихъ-же костюмахъ и при такихъ-же декораціяхъ, съ какими шла 200 лѣтъ тому назадъ.

—

Открытіе русскихъ драматическихъ спектаклей въ казенныхъ театрахъ послѣдуетъ въ воскресенье, 17-го августа.

—

Гуно пишетъ новую ораторію, которая будетъ исполнена, въ первый разъ, на музыкальномъ праздникѣ, въ Бирмингамѣ, въ 1882 году.

Придворныя извѣстія.

Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Сергѣй Александровичъ и Великая Княгиня Марія Александровна Герцогиня Эдинбургская изволили выѣхать, 9-го сего августа, изъ Царскаго Села за границу.

— **Ихъ Императорскія Высочества Г. В. К. Владиміръ** Александровичъ и Г. В. К. Марія Павловна съ Августѣйшими Дѣтьми 12-го августа изволили отправиться за границу.

Правительственныя распоряженія.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ Маковъ назначенъ министромъ почтъ и телеграфовъ и главноначальствующимъ надъ департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря; а управляющій дѣлами комитета министровъ, статсъ-секретарь тайный совѣтникъ Кахановъ — товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря.

— **Сенаторъ, тайный совѣтникъ Мартыновъ уволенъ** отъ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ, съ назначеніемъ къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ.

— **Кіевскій генералъ-губернаторъ утвердилъ приговоръ** военно-окружнаго суда по политическому дѣлу, состоявшійся 26-го іюля. Вслѣдъ затѣмъ, главный начальникъ верховной распорядительной коммиссіи сообщилъ генералъ-губернатору, что, по всеподданнѣйшему докладу его, Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣлъ замѣнить назначенную Попову и Иванову смертную казнь ссылкою въ каторжныя работы безъ срока.

Выставки и юбилеи.

9-го августа Угрѣшскій монастырь, близъ Москвы, отпраздновалъ пятисотлѣтіе своего существованія.

— **Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1881 году откроется** международная санитарная конференція, которая соберется въ Уашингтонѣ. Конференція эта имѣетъ цѣлью установить общую систему относительно санитарнаго состоянія гаваней и приходящихъ туда судовъ.

Печать, книжное дѣло и библіографія.

Лордъ Биконсфильдъ, какъ сообщаютъ изъ Лондона, пишетъ въ настоящее время романъ изъ жизни высшихъ общественныхъ кружковъ Англіи и Франціи, въ которомъ не маловажную роль играетъ трагическое паденіе наполеоновской династіи.

Пути сообщенія, почты и телеграфы.

Проведеніе аренбергскаго тоннеля, въ 1100 метровъ длины, окончено еще въ іюнѣ мѣсяцѣ. Три другихъ тоннеля готтардской линіи будутъ готовы въ теченіе этого мѣсяца; одинъ изъ нихъ бльбергъ-шиферникскій, второй по длинѣ послѣ готтардскаго, имѣетъ 1986 метровъ. Изъ 26 тоннелей въ сѣверной части готтардской линіи осталось прорыть еще семь.

Метеорологія.

Въ ночь на 25-е іюля, въ Саратовѣ, по словамъ мѣстнаго «Дневника», былъ видимъ замѣчательный метеоръ. Въ началѣ 12-го часа вечера вдругъ весь городъ освѣтился какъ-бы сильнымъ блескомъ молніи и въ то-же мгновеніе, на совершенно безоблачномъ небѣ, надъ созвѣздіемъ «Большой Медвѣдицы», показалась необыкновенно блестящая, неподвижная полоса свѣта, очень похожая на хвостъ гигантской кометы. Узкій, нѣсколько закругленный конецъ этой полосы направленъ былъ на западъ, а болѣе широкій — на востокъ. Яркій блескъ метеора длился минуты двѣ; затѣмъ, не измѣняя ни своей формы, ни первоначальнаго положенія на небѣ, метеоръ сталъ постепенно меркнуть и минуты черезъ три исчезъ безъ всякаго шума. Все явленіе продолжалось около шести минутъ.

Медицина и гигіена.

Нѣмецкія газеты передаютъ объ одной дѣвицѣ, спящей болѣе полугода; больная — дочь зажиточнаго крестьянина старосты села Грашке, въ $^3/_4$ часа ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Бремена. Съ января она спитъ безпробудно, за исключеніемъ нѣсколькихъ минутъ чрезъ каждыя 6—8 недѣль, когда бываетъ въ полномъ сознаніи и даже безъ видимаго утомленія занимается легкими домашними работами. Въ промежуткахъ такого пробужденія она сознаетъ, что долго спала, но не имѣетъ, однако, яснаго представленія о томъ, какъ долго проспала, причемъ говоритъ, что въ сонномъ состояніи рѣшительно не знаетъ, что вокругъ нея происходитъ. Во время усиленія ей даютъ легкую, но питательную пищу, которую она проглатываетъ, не переставая спокойно дышать.

— **Іодистый крахмалъ не обладаетъ непріятнымъ вкусомъ** и раздражающимъ дѣйствіемъ чистаго іода, такъ что его можно давать въ большихъ дозахъ. Опыты показываютъ, что, при нормальной температурѣ желудка и въ присутствіи желудочнаго сока, іодъ образуетъ со многими ядами частью растворимыя, частью нерастворимыя безвредныя соединенія. Первыя безвредны, если ихъ не слишкомъ много, а вторыя, разумѣется, не могутъ вредить, если ускорять выдѣленіе ихъ сильнымъ слабительнымъ. Докторъ Bellini рекомендуетъ іодистый крахмалъ, какъ особенно хорошее противоядіе, когда натура яда неизвѣстна; спеціально онъ дѣйствуетъ при отравленіи сѣроводородомъ, алкалоидами, ѣдкими щелочами, амміакомъ и, особенно, тѣми алкалоидами, которые входятъ съ іодомъ въ нерастворимыя соединенія. Въ случаѣ отравы свинцовыми или ртутными солями, іодъ ускоряетъ выдѣленіе этихъ соединеній изъ организма. При остромъ отравленіи рекомендуется быстрое примѣненіе еще и рвотнаго. («Вр. Вѣд.»)

— **Изъ статьи г. С. Л. Сливицкаго, помѣщенной въ жур**налѣ «Врачъ», усматривается, что одна изъ причинъ глазныхъ болѣзней въ нашихъ войскахъ заключается въ стягиваніи шеи тѣсными воротниками рубахъ и мундировъ, равно какъ и тѣсными галстухами. Г. Сливицкій произвелъ у 100 больныхъ рядъ измѣреній, которыя показали несоотвѣтствіе окружности шеи съ шириною одежды.

Военное и морское дѣло.

Вниманіе вѣнскихъ военныхъ кружковъ обратилъ на себя новый составъ для стрѣльбы, изготовленный инженеромъ Петри. Сравнительные опыты показали, что зарядъ въ $3^5/_{10}$ грама новаго состава, названнаго «динамогеномъ», дастъ тѣ-же результаты, какъ и зарядъ въ $6^6/_{10}$ грама пороха. При стрѣльбѣ динамогеномъ замѣчались слѣдующія явленія: не сильный трескъ, мало дыма, весьма быстро соединяющагося съ атмосферой, и едва чувствительная отдача. Послѣ 24 быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ выстрѣловъ, стволъ ружья почти не нагрѣлся, копоть была незначительна и патронная камера нисколько не расширилась.

Техника, политехника и механика.

Извѣстный Сименсъ произвелъ, по словамъ «Русск. Инв.», недавно чрезвычайно интересные опыты надъ плавленіемъ стали въ пламени вольтовой дуги, произведенной сильнымъ гальваническимъ токомъ. Аппаратъ Сименса, аналогичный въ принципѣ съ регуляторами электрическаго свѣта, напоминаетъ своею внѣшностью обыкновенные вѣсы. Къ одному плечу коромысла привѣшенъ толстый уголь, погруженный въ небольшой тигель, наполненный кусками стали и соединенный съ положительнымъ полюсомъ динамо-электрической машины. Къ другому плечу привѣшенъ желѣзный цилиндръ, слегка входящій своимъ нижнимъ концомъ въ пустую проволочную спираль, по которой пропущена вѣтвь главнаго тока. Уголь перетягиваетъ вѣсы и потому прикасается къ стали, но при пропусканіи гальваническаго тока, спираль втягиваетъ въ себя желѣзо, уголь слегка приподнимается, образуя между собой и сталью широкую вольтову дугу, и плавленіе начинается. Если-бы уголь обгорѣлъ или поверхность стали понизилась вслѣдствіе расплавленія, то токъ ослабѣлъ-бы, и спираль отпустила-бы, до извѣстной степени, желѣзный стержень такъ, что вольтова дуга пріобрѣла-бы сама собою нормальную длину, соотвѣтственно которой заранѣе разсчитана сила спирали.

Опыты надъ описаннымъ аппаратомъ произведены до сихъ поръ только въ маломъ видѣ, сначала въ Вуличѣ, а потомъ въ Лондонѣ. Въ тигель было помѣщено 500 граммовъ ($1^1/_2$ фунта) стали. Угольный электродъ былъ пропущенъ внутрь, сквозь отверстіе въ крышкѣ тигля. Для полученія гальваническаго тока были взяты двѣ динамо-электрическія машины Сименса средняго размѣра, соединенныя между собою параллельно, или, иначе говоря, въ количество. Для расплавленія стали, въ первый разъ, требовалось 12 минутъ, но когда тигель былъ уже накаленъ, то вторая порція въ 500 граммовъ плавилась въ 4 минуты. Выгода этого способа заключается во-первыхъ въ томъ, что при немъ не требуется особой печи; во-вторыхъ, что жаръ сосредоточенъ внутри тигля, между тѣмъ какъ при обыкновенныхъ способахъ наружныя стѣнки тигля накаляются всего сильнѣе; въ третьихъ, что окисленіе почти совершенно устраняется

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Всемірная Иллюстрація

№ 607.] Годъ XII. 23 августа 1880 года. [Томъ XXIV. № 9.

События въ Афганистанѣ. — Англійская артиллерія въ Ходжакскомъ проходѣ, на пути въ Кандагаръ.

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

ится и даже спущено нѣсколько судовъ, выстроенныхъ по европейскимъ чертежамъ.

Инструкторами по образованію флота японцы пригласили англичанъ; вотъ почему морскіе и артиллерійскіе уставы списаны и форма цѣликомъ взяты ими изъ англійскаго флота; вооруженіе судовое, однако, они не захотѣли заимствовать у англичанъ и, вмѣсто армстронговыхъ орудій, японскія новѣйшія суда всѣ вооружены круповскими орудіями. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ различные типы вновь созданнаго флота; средняя-же гравюра представляетъ палубу, построеннаго извѣстнымъ англійскимъ строителемъ Ридомъ новаго полуброненосца «Сенки-Конъ», въ день передачи судна англійскими офицерами, приведшими его въ Японію, офицерамъ японскаго флота.

Берлинъ. Электрическая желѣзная дорога на столбахъ, проектъ Сименса и Гальске.

Говоря объ электрическихъ желѣзныхъ дорогахъ вообще, мы упоминали о проектѣ электрической желѣзной дороги въ Берлинѣ, осуществляемомъ въ настоящее время извѣстнымъ инженеромъ Сименсомъ; въ настоящемъ нумерѣ читатели найдутъ рисунокъ, дающій достаточное понятіе объ этомъ новомъ сооруженіи.

Воздушная желѣзная дорога на столбахъ будетъ имѣть слѣдующій видъ: съ каждой стороны улицы, по линіи фонарей, будетъ сдѣлано по одному желѣзному пути на желѣзныхъ столбахъ, высотой около 5-ти метровъ, съ пролетами между ними въ 10 метровъ, а тамъ, гдѣ улицы пересѣкаются между собою, пролеты будутъ нѣсколько длиннѣе. Разстояніе между рельсами предполагается въ одинъ метръ; желѣзныя фермы, на которыхъ укрѣпятся рельсы; должны служить проводниками тока, при чемъ правая и лѣвая стороны будутъ изолированы другъ отъ друга деревянными брусьями. Каждый вагонъ по 10 пассажировъ будетъ имѣть свой особый двигатель, то-есть динамо-электрическую машину, и электрическій токъ, входя по одному рельсу въ лѣвыя колеса вагона, изолированныя отъ самаго вагона, будетъ проходить въ динамо-электрическую машину и отсюда черезъ правыя колеса и правый рельсъ обратно. Кондукторъ будетъ имѣть возможность ускорять и замедлять ходъ вагона, а также и останавливать его посредствомъ простаго комутатора, управленіе которымъ не требуетъ ни особаго знанія, ни большаго навыка.

Борьба.

Когда, на путь вступая новый,
Я былъ готовъ къ борьбѣ суровой
За торжество моихъ идей —
То думалъ, силъ не измѣряя:
«Легка побѣда роковая
Надъ суевѣріемъ старыхъ дней!»

Я обманулся: приходилось
Страдать мнѣ горько; надломилось
Не мало силъ въ моей груди;
Но сладилъ все-таки я съ нею,
Съ тяжелой долею моею —
И путь мой свѣтелъ впереди!

В. Мироновъ.

Самарская ученая экспедиція для изслѣдованія направленія средне-азіатской желѣзной дороги и изученія бассейна рѣки Аму-Дарьи.

Путевые очерки Н. Н. Каразина.

V.

(*Окончаніе*).

Петро-Александровскъ, Шураханъ и степь „Кызылъ-Кумъ“.

Дорога до Кукчи проложена по твердому грунту окрѣпшихъ песчанниковъ и мѣстами илистыхъ отложеній. По сторонамъ дороги виднѣются развалины зданій и фортовъ, сложенныхъ изъ степнаго кирпича квадратной плитообразной формы; кромѣ того, сохранились еще признаки древнихъ ороше́ній, свидѣтельствующихъ, что эта страна когда-то цвѣла жизнью и довольствомъ. Путь усѣянъ такъ называемыми горшечными обломками. Песчаные заносы тянутся періодически, пересѣкая дорогу; около развалинъ эти заносы выше и образовали грядовые барханы, мѣстами уже окрѣпшіе и поросшіе джизгановъ. Подобный характеръ мѣстности тянется и далѣе, за колодцами Кукчи, почти до колодцевъ Таджи-Казганъ смѣняясь, мало по малу, песками осадочными и илистыми, отвердѣвшими такырами, обильными морскими раковинами и соляными осадками, — свидѣтелями того, что вся эта мѣстность въ древнія времена представляла собою обширный бассейнъ морской воды, жалкимъ остаткомъ котораго является теперь Аральское море. Но предѣлы этого бассейна не заходили далеко на востокъ (т. е. вправо отъ нашего пути). Тамъ уже начинаются замѣтныя поднятья, и можно довольно точно прослѣдить предѣлы морскаго берега.

Степные колодцы устроены всѣ одинаково. Это просто узкая, не болѣе двухъ аршинъ въ діаметрѣ, вертикальная шахта, вырытая до воды и обдѣланная кусками саксаула и прутьями; обдѣлка эта еще болѣе съуживаетъ отверстіе колодца, такъ что остается возможность только спускать туда ведро кожаное на деревянной крестообразной распоркѣ. Глубина воды далеко не вездѣ одинакова, самое близкое дно мы находили около двѣнадцати аршинъ, но часто глубина эта доходила до десяти и даже пятнадцати саженей.

Соколовскій и Мушкетовъ занялись тщательной провѣркой и измѣреніемъ глубины уровня воды во всѣхъ колодцахъ, попадавшихся намъ по пути. Верхнее отверстіе такого колодца ни чѣмъ не огорожено и не прикрыто и легко заносится пескомъ во время песчаныхъ ураганов. Попеченіе объ этихъ колодцахъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, самимъ путешественникамъ, хотя на пути намъ попались нѣсколько спеціалистовъ-*кудукчей*, т. е. колодезныхъ мастеровъ, за ничтожную плату всю свою жизнь бродящихъ по степи и живущихъ исключительно на счетъ проходящихъ каравановъ. Орудіемъ ремесла этихъ мелкихъ рабочихъ служатъ кетмень, родъ лопатообразной мотыги, веревка и ведро, а главное собственныя руки. Эти жалкіе, одичавшіе обитатели и труженики пустыни еле-еле сохраняютъ образъ человѣческій, кругъ ихъ понятій съуженъ до невѣроятной степени; грязные, оборванные они, какъ тѣни, бредутъ по пескамъ или неподвижно по цѣлымъ суткамъ сидятъ по близости колодцевъ въ ожиданіи каравана или одинокаго путешественника; они гибнутъ въ степи и ихъ гибели никто не замѣчаетъ, развѣ зоркіе глаза киргиза — чабара отличаютъ въ сторонѣ полузасыпанныя песками человѣческія кости между верблюжьими остовами.

При хивинскомъ владычествѣ въ степь на колодцы усылали только преступниковъ, въ видѣ наказанія, ихъ лишали покровительства законовъ и поневолѣ лишали возможности появляться снова въ осѣдлыхъ мѣстностяхъ подъ страхомъ висѣлицы. Теперешніе кудукчи — это остатки прошлаго, явленіе вымирающее, по привычкѣ уже доживающіе свой вѣкъ въ пустынѣ, если и подозрѣвающіе какую-нибудь политическую перемѣну, такъ развѣ только по тому, что на путяхъ, гдѣ только ходили хивинскіе караваны, да бродячія шайки разбойниковъ, теперь стали появляться невѣдомыя фигуры гяуровъ, въ русскомъ платьѣ, да диковинныя арбы на четырехъ колесахъ съ желѣзнымъ ходомъ.

На всемъ пути намъ попалось только двое подобныхъ существъ, и встрѣча эта ознаменовалась характернымъ эпизодомъ, описаннымъ мною отдѣльно въ разсказѣ „Братья Наурусъ и Джюро — кудукчи“.

За Таджи-Казганомъ, къ которому мы прибыли только на четвертыя сутки пути, началось уже почти сплошное царство сыпучихъ песковъ, рѣдко смѣняемыхъ твердыми такырными полосами. Сыпучіе барханы, мѣняющіе свои контуры послѣ каждаго вѣтра, затрудняли намъ путь несказанно. Но нѣсколько часовъ приходилось биться на нѣсколькихъ саженяхъ пространства. Мы измучивали верблюдовъ, измучивались и сами до-нельзя. Большую часть пути приходилось идти нѣшкомъ, руками разгребать песокъ передъ колесами, прокладывать новую дорогу тамъ, гдѣ прежняя оказывалась окончательно погребенною песками.

Сколько разъ тарантасы наши опрокидывались; Мушкетову однажды перешло ногу колесомъ, но, къ счастью, благополучно. Мальчикъ-лауаа свалился съ верблюда и попалъ подъ экипажъ, отдѣлавшись, впрочемъ, легкими ранами и ушибами; къ довершенію бѣдствій, у насъ на ночлегѣ бѣжалъ одинъ изъ верблюдовъ, что не могло не отразиться на успѣхѣ нашего движенія.

Жаръ днемъ и страшные холода ночью, при болѣе чѣмъ умѣренномъ питаніи и чрезмѣрномъ физическомъ трудѣ, начинали уже отзываться на нашихъ привычныхъ натурахъ, а впереди еще предстояла большая половина пути, предстояли еще большія затрудненія.

Аманъ-бай заявилъ мнѣ по секрету, что, кажется, доведенные до отчаянія лауаи хотятъ ночью бѣжать съ своими верблюдами, это было-бы роковымъ обстоятельствомъ для насъ, и пришлось „держать ухо востро и глаза на сторожѣ“.

Намъ попадались навстрѣчу путешественники — сначала небольшой караванъ изъ трехъ верблюдовъ вьючныхъ; два шли подъ кладью, а по бокамъ у одного покачивались гробообразныя ящики, въ которыхъ лежали путешественники—какъ оказалось, купеческіе прикащики, пробирающіеся въ Шураханъ съ товаромъ. Въ подобныхъ качалкахъ относительно довольно покойно, только надо хорошенько привыкнуть къ этой размашистой, равномѣрной качкѣ, возбуждающей у неопытныхъ припадки, тожественные съ припадками морской болѣзни.

Попадались изрѣдка и киргизскіе караваны, медленно бредущіе по пескамъ. Лица у киргизъ были тщательно окутаны тряпками; только одни глаза искрились изъ подъ косматыхъ шапокъ-малахаевъ,— необходимая предосторожность отъ вѣтра, несущаго мелкій песокъ, рѣжущій кожу и вызывающій болѣзненную опухоль, которая потомъ растрескивается, образуя чрезвычайно болѣзненныя сѣтчатыя, поверхностныя раны, долго послѣ незаживающія,—особенно страдаютъ губы и носъ. Кромѣ того, вдыханіе этого холоднаго вѣтра и пыли производитъ воспаленіе легкихъ, удушье и острый кашель.

Запасы наши видимо истощались и, какъ ни уменьшали мы суточныя порціи, все-таки, нетрудно было сообразить, что до конца пути далеко не хватитъ.

Съ нами былъ живой запасъ куръ въ клѣткѣ, привязанной за тарантасомъ. Этотъ запасъ уже истощился, хотя мы рѣзали только по одной курицѣ въ день. Остался только пѣтухъ, весело пѣвшій по утрамъ, а иногда и днемъ, одинъ, повидимому, не теряющій бодрости и добраго расположенія духа. Пѣтуху этому дарована была жизнь, и мы порѣшили не соблазняться его мясомъ, какъ-бы плохо намъ не приходилось, и довезти его до Казалинска живаго.

Съ половины дороги, именно съ колодцевъ „Бай-Муратъ“, показалось новолуніе, и мы могли часть ночи тоже проводить въ пути. Въ темныя-же ночи двигаться совершенно безполезно. На первыхъ шагахъ вы потеряете дорогу и напрасно будете биться въ пескахъ, изнуряя себя и верблюдовъ. Приходится останавливаться тамъ, гдѣ захватила васъ быстро наступающая темнота.

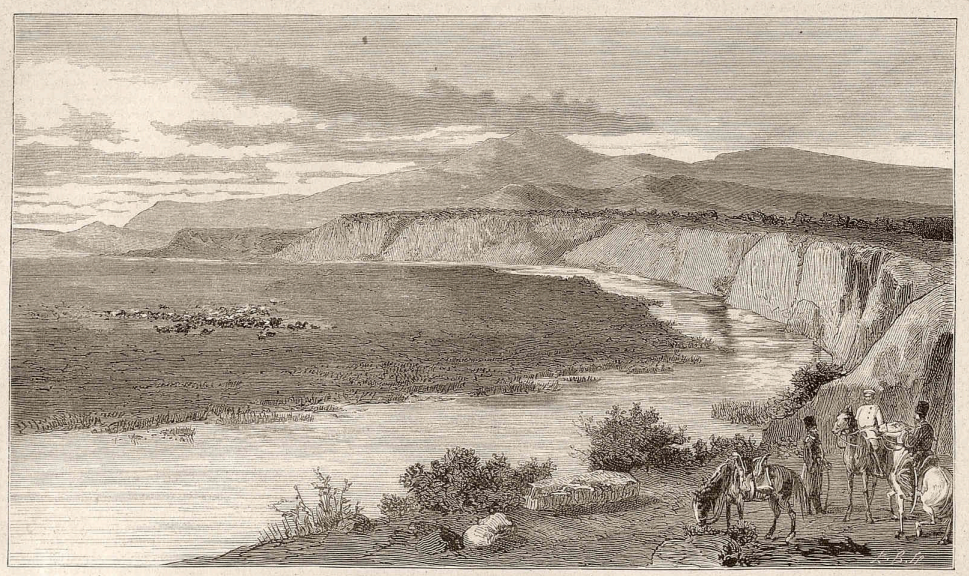
На ночлегахъ мы ставили тарантасы задомъ къ вѣтру, разводили костры, благо топлива, сухаго саксаульника, въ степи сколько угодно; складывали вьюки и отгоняли верблюдовъ пастись на барханѣ, гдѣ неприхотливые „корабли пустыни“ довольствовались молодыми побѣгами джизгана и саксаула и изрѣдка растущею желтою колючкою, твердою какъ гвозди.

Подходя къ колодцамъ Бай-Муратъ уже передъ вечеромъ, мы замѣтили въ сторонѣ отходящій караванъ и услышали окликнувшій насъ русскій голосъ. Оказалось — это шла степью экспедиція нашихъ инженеровъ путей сообщенія, снаряженная съ цѣлью нивелировки старыхъ русловъ Аму. Положеніе ихъ было такое-же, какъ и наше, и мы могли только помочь другъ другу взаимными совѣтами. Мы прошли то, что имъ предстояло еще пройти впереди; намъ предстояло идти тамъ, гдѣ прошли они, и, понятно, что совѣты и свѣдѣнія, взаимно переданные другъ другу, не могли быть лишними и безполезными.

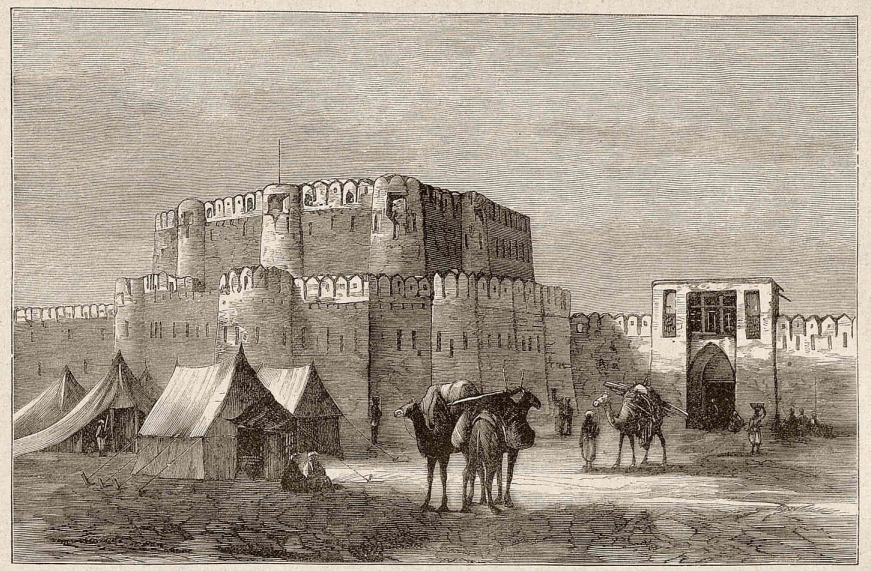
Прошли еще четверо сутокъ — мясная наша провизія окончательно истощилась, желудки наши ощущали гораздо болѣе чѣмъ усиленный апетитъ, а холодъ удвоивался и по утрамъ земля покрывалась сплошнымъ покровомъ морознаго инея.

Разъ уже совсѣмъ стемнѣло, а до колодцевъ осталось еще часа два пути; мой киргизъ начиналъ прислушиваться и пристально всматриваться куда-то влѣво, затѣмъ, скрылся. Представьте-же себѣ нашу общую радость, когда черезъ полчаса онъ явился снова и привелъ на веревкѣ отличнаго живаго барана; за барономъ пришелъ и его владѣлецъ — иркибайскій киргизъ, который рѣшился продать намъ барана за небывало дорогую плату — восемь рублей серебромъ; но тутъ уже, конечно, было не до торгу. Оказалось, что Аманъ-бай разглядѣлъ, а вѣрнѣе почуялъ носомъ маленькій аулъ, верстахъ въ полу-

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

Самарская ученая экспедиція въ среднюю Азію. — Видъ Узбоя (стараго русла Аму-дарьи), около укрѣпленія Муллакары.
(Съ наброска нашего корреспондента А. М. Алиханова, рисовалъ А. Бауманъ).

Событія въ Афганистанѣ. — Цитадель и главныя ворота въ крѣпости Кандагаръ.

Самарская ученая экспедиція въ Среднюю Азію. — Развалины Термеза на берегу Аму, близъ устья р. Сурхана.
(Рисовалъ нашъ корреспондентъ, участвовавшій въ экспедиціи, Н. Н. Каразинъ).

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru

тора отъ дороги, радостный предвѣстникъ того, что мертвая пустыня уже осталась за нами, и мы вошли уже въ районъ казалинскаго уѣзда, посѣщаемый кочевыми киргизами.

Баранъ былъ немедленно казненъ на ночлегѣ, мясо разсортировано и раздѣлено поровну между нами и лаучами. Мы въ первый разъ во все время пути поужинали вплотную, да еще сохранили небольшой запасъ на дорогу, на всякій случай.

Отсюда пески стали попадаться все рѣже и рѣже и уже не имѣли этого сыпучаго вида наносныхъ бархановъ... Воздухъ впереди на горизонтѣ стоялъ лиловатѣе, обнаруживая присутствіе водяныхъ паровъ, признакъ близости большаго воднаго бассейна, а на тринадцатый день пути—впереди блеснуло озеро Тузъ-Куль и на горизонтѣ обрисовались контуры куполообразныхъ могильныхъ сооруженій. Отъ этого озера до „Сыра“ всего около двадцати верстъ, и на четырнадцатый день пути мы дотянулись до переправы черезъ рѣку, на другомъ берегу которой привѣтливо мигали въ темнотѣ огни въ окнахъ казалинскихъ домиковъ.

Но не скоро мы еще попали въ городъ. Все пространство передъ спускомъ къ пристани было буквально завалено сотнями тысячъ тюковъ съ хлопкомъ и другими товарами, и тысячи верблюдовъ лежали подлѣ или бродили поблизости, въ ожиданіи очереди переправы.

Путешествіе наше было окончено.

Н. Каразинъ.

НАША КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

НЕФТЯНОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

(*Окончаніе*).

Бакинская нефтяная промышленность сдѣлала въ послѣднее время замѣчательные успѣхи. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, во время существованія нефтянаго откупа, въ окрестностяхъ Баку было только нѣсколько нефтяныхъ колодцевъ: Мирзаева, Бурмейстера и др., но съ отмѣною откупа дѣло добычи нефти поднялось сразу. Взамѣнъ ручнаго копанья колодцевъ, которымъ довольствовались до того времени, стали бурить скважины въ 8—16 дюймовъ механическимъ способомъ и на глубину до 60 саженей. Въ началѣ 1876 года насчитывалось до 40 бурavленыхъ колодцевъ, изъ которыхъ добывалось болѣе 10 милліоновъ пудовъ нефти. Въ 1876 году былъ отмѣненъ акцизъ, сильно стѣснявшій промыселъ, и нефтяная промышленность поднялась еще быстрѣе: теперь въ этой мѣстности есть около 350-ти буровыхъ колодцевъ, усовершенствованы способы отправки нефти, проведены трубы и т. п. При откупѣ нефть продавалась по 40 к. за пудъ, при акцизной системѣ по 20 коп., а теперь продается на мѣстѣ по 2 копѣйки. Нефть перерабатывается уже на смазочныя масла, отправляемыя за-границу; остатки идутъ на топливо, и вообще все дѣло окрѣпло и прочно установилось. По отзывамъ такихъ спеціалистовъ, какъ профессоръ Менделѣевъ, видѣвшій богатѣйшіе нефтяные источники Америки, наши окрестности Баку богаче всѣхъ въ мірѣ. То и дѣло открываются новые нефтяные фонтаны, дающіе десятки тысячъ пудовъ нефти ежедневно каждый, и еще множество озеръ остаются нетронутыми.

Въ прошломъ нумерѣ «Всемірной Иллюстраціи» были даны рисунки богатой нефтяными фонтанами мѣстности Шайтанъ-Базаръ, въ мѣстечкѣ Сабунчи, въ 15-ти верстахъ отъ Баку и самаго замѣчательнаго изъ этихъ фонтановъ, принадлежащаго Бенксену и К°. Фонтанъ этотъ даетъ до 2,000 пудовъ нефти въ часъ, бьетъ вверхъ широкой струей, падающей въ особо устроенный резервуаръ, отсюда по трубамъ течетъ въ чаны и, наконецъ, накачивается въ вагоны для дальнѣйшей отправки по желѣзной дорогѣ. Нѣсколько времени назадъ у одного изъ сосѣднихъ владѣльцевъ вспыхнулъ пожаръ, и такъ какъ вѣтеръ дулъ въ сторону фонтана Бенксена и К°, то воспламенились нефтяныя брызги и пыль, а за ними загорѣлась и вся струя, обратившаяся въ громадный огненный столпъ. Съ большими усиліями удалось заткнуть отверстіе выводной трубы и такимъ образомъ прекратить притокъ нефти; вышку-же, выстроенную надъ скважиной, спасти было невозможно, и она почти моментально обратилась въ кучу углей. Г. Левитесъ, фотографъ въ Тифлисѣ, составившій большую коллекцію фотографическихъ видовъ этой мѣстности, снялъ видъ фонтана въ полномъ дѣйствіи и съ этой фотографіи сдѣланы данные нами рисунки.

ИЗЯЩНОЕ ИЗДАНІЕ.

«Germania». Zwei Jahrtausende deutschen Lebens, von J. Scherr. Verlag von W. Spemann, in Stuttgart.

(*Германія*, текстъ Шерра, изд. Шпеманна въ Штутгартѣ.)

Въ послѣднее время, въ Германіи въ особенности, часто стали появляться роскошныя и, въ то-же время, строго научныя изданія, которыя представляютъ въ одно и то-же время и превосходный матеріалъ, и крайне увлекательное чтеніе, и изящнѣйшій киксекъ для стола интеллигентнаго человѣка. Этотъ способъ популяризаціи научныхъ свѣдѣній все болѣе и болѣе развивается съ легкой руки издателя Брокгауза и пользуется громаднымъ успѣхомъ среди читающей, образованной публики. Успѣхъ этотъ понятенъ, если мы припомнимъ, при какихъ условіяхъ издаются книги въ Германіи. Все тамъ приспособлено, все устроено такимъ образомъ, что издателю остается лишь затратить извѣстную сумму денегъ, и пріискать для составленія текста лицо болѣе или менѣе компетентное, съ болѣе или менѣе извѣстнымъ публикѣ именемъ; превосходные рисовальщики, граверы, литографщики, печатни находятся во всякомъ мало-мальски порядочномъ городѣ; частные альбомы, богатѣйшія общественныя книгохранилища всѣ къ услугамъ издателя, а потому тамъ и возможны такія превосходнѣйшія изданія, какъ «Египетъ» Эберса, «Индія» Шлагинтвейта и лежащая въ настоящую минуту передъ нами «Германія», съ текстомъ, принадлежащимъ талантливому перу Шерра.

Вся книга, издаваемая выпусками, будетъ содержать въ себѣ 95 печатныхъ листовъ и обнимать собою всю культурную, такъ сказать, исторію Германіи, представленную въ отдѣльныхъ очеркахъ или, такъ сказать, картинахъ. Уже одно имя Шерра должно-бы было, повидимому, ручаться намъ за строгую научность текста, но, къ сожалѣнію, въ послѣднее время всѣ нѣмецкіе великіе умы заразились какимъ-то совершенно не подходящимъ къ нимъ шовинистическимъ духомъ, который явился у нихъ послѣ франко-прусской войны и сдѣлалъ изъ ихъ послѣднихъ твореній нѣчто такое, что напоминаетъ наши лубочныя картины временъ севастопольской войны; яко-бы патріотическое чувство заставило Фирхова доказывать, что свѣтлые глаза составляютъ признакъ чисто германской крови и что французскій черепъ самъ уже по себѣ есть признакъ недостаточности умственнаго развитія; Шпильгагенъ сталъ восхищаться «честными» германскими воинами, которые вѣшали ни въ чемъ неповинныхъ французскихъ крестьянъ, а теперь Шерръ, этотъ строго философскій умъ, выходитъ предъ публикою съ расхваливаніемъ положенія древнегерманской женщины, для доказательства чего говоритъ, что ей у кимвровъ поручалось приносить человѣческія жертвы и т. п.

Книга начинается съ доисторической эпохи; и художнику, и беллетристу историку представляется широкое поле для игры воображенія, которое, конечно, и «играетъ» уже безъ удержу; среди превосходныхъ описаній быта жителей озерныхъ или свайныхъ построекъ, читатель съ недоумѣніемъ останавливается на хвалебныхъ гимнахъ женской стыдливости, домовитости и т. п. у древнихъ германъ; какъ-бы случайно попадается тутъ, между тѣмъ, превосходная гравюра Ферд. Келлера «Брунегильда», которая отнюдь, впрочемъ, вышеупомянутыми качествами не отличалась; а г. Вейгандъ изобразилъ даже «семейную картину» изъ быта древнихъ германцевъ, которая до крайности напоминаетъ намъ одну старинную студентскую нѣмецкую пѣсенку: «Was macht der Herr Papa?» Но едва лишь Шерръ или издатель отдаляютъ отъ себя желаніе покраснѣть своимъ истинно докучливымъ «германствомъ», какъ рѣшительно нѣтъ возможности оторваться отъ текста и картинъ; «невѣста 16-го столѣтія» дышетъ жизнію и обрисовываетъ своимъ костюмомъ, обстановкою, всѣмъ своимъ существомъ вѣрную картину жизни того времени; каждая самая незначительная бытовая картинка дышетъ правдою, такъ какъ художники въ Германіи работаютъ не такъ, какъ наши, сплеча, а сначала изучатъ предметъ, обойдутъ цѣлый десятокъ музеевъ, высмотрятъ, выглядятъ и тогда уже скомпануютъ картинку. Въ дальнѣйшихъ выпускахъ будутъ помѣщены слѣдующіе очерки или отдѣлы: время переселенія народовъ, Карловинги, Оттоны, Генрихи, Фридрихи, владѣльческій городъ, деревня и городъ, церковь и государство, зачатки и предшественники реформаціи, отъ Виттенберга до Мюнстера и Оснабрюка, правовѣріе, сельскіе рабы и боевая горячка, о художникахъ и поэтахъ, о музыкантахъ и артистахъ, о газетчикахъ и книгопродавцахъ, хижина и домъ, замокъ и дворецъ, духъ новаго времени, коса и пудра, образованіе и геніальность, классицизмъ и романтизмъ, идеализмъ и матеріализмъ, новое государство. Если откинуть чисто историческую часть этого почтеннаго и добросовѣстнаго, повидимому, труда, то останется лишь чисто культурная исторія Германіи, чрезвычайнымъ, характеризующимъ Шерра, искусствомъ раздѣленная на отдѣльные очерки съ заманчивымъ заглавіемъ и еще съ болѣе заманчивымъ содержаніемъ.

Какъ-бы то нибыло, но, кромѣ нѣкотораго шовинизма, никакихъ другихъ недостатковъ въ этомъ превосходномъ изданіи нѣтъ. Гравюры выполнены такъ отчетливо и художественно, что намъ, русскимъ, нельзя и думать о чемъ-либо подобномъ.

Мы представляемъ на судъ публики три гравюры изъ «Германіи» Шерра и смѣемъ завѣрить, что мы отнюдь не выбирали лучшія. Всякій, кто захочетъ имѣть полную энциклопедію справочныхъ свѣдѣній о Германіи — странѣ и о германцахъ, какъ культурной единицѣ, всякій образованный читатель, желающій занять свое время пріятнымъ и въ то-же время серьезнымъ и полезнымъ чтеніемъ, всякій любитель изящнаго, которому доставляетъ удовольствіе имѣть въ своей библіотекѣ рядъ изящныхъ и превосходно выполненныхъ картинъ, всякій, наконецъ, кто интересуется чтеніемъ вообще, найдетъ удовлетвореніе въ «Германіи» Шерра, тѣмъ болѣе, что штутгартскій издатель выпускаетъ книгу выпусками, причемъ каждый выпускъ въ два-три листа обходится всего въ 20 коп. сер.; вся книга будетъ стоить всего 8 рублей.

В. К—скій.

Въ Тегеранѣ 2-го (14-го) августа составился любительскій кружокъ «литературы и художествъ», который въ непродолжительномъ времени откроетъ художественную выставку. Многія картины изъ дворца шаха, въ томъ числѣ и произведенія Айвазовскаго, временно будутъ помѣщены на выставку.

—

Лондонская королевская галлерея выставила 10-го (22-го) августа въ своихъ апартаментахъ, недавно найденный въ Гагѣ, прелестный поясной портретъ Ванъ-Дика, писанный имъ самимъ.

—

10-го (22-го) августа сообщаютъ изъ Алексинаца, что на горѣ Руевицѣ, въ присутствіи большаго стеченія народа, собравшагося изъ окрестностей, совершена закладка памятника русскимъ добровольцамъ, павшимъ за независимость Сербіи.

* * *

Санкт-Петербургская Театральная библиотека sptl.spb.ru